

**БЕЛГОРОДСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
МВД РОССИИ
ИМЕНИ И.Д. ПУТИЛИНА**

К.Н. Лобанов, И.С. Максимов, В.Н. Майборода

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ
ОСОБЕННОСТИ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО РЕГИОНА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Методические рекомендации

**Белгород
Белгородский юридический институт МВД России
имени И.Д. Путилина
2017**

УДК 159.9
ББК 60
Л 68

Печатается по решению
редакционно-издательского совета
Бел ЮИ МВД России
имени И.Д. Путилина

Лобанов, К. Н.

- Л 68 Социокультурные и этнопсихологические особенности Северо-Кавказского региона Российской Федерации : методические рекомендации / К. Н. Лобанов, И. С. Максимов, В. Н. Майборода. – Белгород : Бел ЮИ МВД России имени И.Д. Путилина, 2017. – 110 с.

Рецензенты:

Сальников Е.В. – доктор философских наук, доцент (Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова);

Косов А.А. – начальник Управления по работе с личным составом УМВД России по Белгородской области.

В методических рекомендациях рассматривается краткая информация о социокультурных и этнопсихологических особенностях этнических общностей, населяющих данный регион. Материал подается в контексте исторического и конфессионального анализа ситуации. Даются методические рекомендации сотрудникам органов внутренних дел в ситуациях ординарного, конфликтного, постконфликтного общения с населением региона.

Методические рекомендации предназначены для курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД России, сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, привлекаемых к выполнению оперативно-служебных задач на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации.

УДК 159.9
ББК 60

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
РАЗДЕЛ 1. СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ В ИСТОРИИ РОССИИ	5
1.1. ТЕРРИТОРИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА	5
1.2. НАРОДЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА	12
1.3. СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ	26
РАЗДЕЛ 2. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА	39
2.1. РЕЛИГИЯ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ РЕГИОНА	39
2.2. ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА	47
2.3. ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ РЕГИОНА	54
РАЗДЕЛ 3. ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА	64
3.1. ОБЩИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ НАРОДОВ	64
3.2. ЭТНИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПСИХИКИ И НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА У ОТДЕЛЬНЫХ СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ НАРОДОВ	70
3.3. ЭТНИЧЕСКАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК УСЛОВИЕ СОХРАНЕНИЯ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА	74
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	82
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	84

ВВЕДЕНИЕ

Методические рекомендации предназначены для курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД России, сотрудников полиции, выполнение служебных задач которых осуществляется в полиэтнической среде, в том числе в условиях командирования в Северо-Кавказский федеральный округ страны.

В центре рассмотрения – социокультурные и этнопсихологические особенности представителей народов Северного Кавказа, населяющих самый «пестрый» в этническом и конфессиональном отношении и наиболее конфликтный регион России.

Рассмотрение данных проблем в качестве цели пособия предопределило постановку авторами следующих задач:

- последить краткую историю интеграции северокавказских этносов в политическое и социокультурное пространство России;
- познакомить сотрудников полиции с важнейшими социокультурными характеристиками северокавказских этносов;
- сформировать представление об общих и особенных этнопсихологических характеристиках наиболее значимых этносов региона;
- вооружить сотрудников полиции необходимыми знаниями, которые позволили бы им эффективно осуществлять служебную деятельность в полиэтнической среде, в том числе в условиях межэтнической напряженности и конфликтности.

Выполнению поставленной цели и задач подчинена структура пособия, состоящая из трех последовательных разделов. Первый раздел «Северный Кавказ в истории России» содержит краткое описание территории региона, сведения о нациях, народностях и иных этнических образованиях, его населяющих, полезную познавательную информацию об истории вхождения Северного Кавказа в состав России. Во втором разделе «Социокультурные характеристики Северного Кавказа» рассматриваются такие важные основания существования северокавказских этносов, как религия, общественные отношения, правовая культура. Содержание третьего раздела «Этнопсихологические характеристики Северного Кавказа» посвящено знакомству с общими психологическими чертами северокавказских этносов и особенностями психики и проявления национального характера у отдельных народов. Здесь же обосновывается важность продвижения идеологии и практики этноконфессиональной толерантности как условия сохранения мультинациональной среды Северного Кавказа, инструмента поддержания мира и безопасности в этом регионе страны.

В методических рекомендациях имеется большой выбор научной и популярной литературы для самостоятельного изучения курсантами и слушателями образовательных организаций системы МВД России, сотрудниками полиции интересующих их аспектов проблемы.

РАЗДЕЛ 1.

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ В ИСТОРИИ РОССИИ

1.1. ТЕРРИТОРИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Самое яркое и емкое определение Кавказа предложил известный отечественный ученый Ю.А. Жданов, назвав данный регион солнечным сплетением Евразии [133]. Так автор подчеркнул уникальность Кавказа, заключенную не только в культурном разнообразии живущих здесь народов с их многоцветьем языков, традиций, обычаев и верований. Подразумевались и неоднородность природных ландшафтов, и их специфические климатические условия.

Значимым представляется и соотнесение Кавказа именно к Евразии. Факт того, что Кавказ находится на границе Европы и Азии не вызывает сомнений, но вопрос о том, к какой части света он принадлежит, где проходит граница между ними в области Черноморско-Каспийского перешейка, остается дискуссионным [94].

Деление окружающего мира на части света началось еще в древности. Жившие на восточном побережье Средиземного моря финикийцы выделяли «страну захода Солнца» и «страну восхода Солнца», называя их соответственно Эреб и Асу. Древние греки, заимствовавшие многое из финикийской культуры, восприняли эти названия, видоизменили их и «применили к западной и восточной половинам Средиземного моря, обозначив таковыми Европу и Азию» [124, с. 35]. В V в. до н.э. это деление было зафиксировано в работе картографа Гекатея «Землеописание», где были описаны Европа, Азия, Африка (Ливия) и составлена первая карта [66, с. 53].

С тех пор представления об окружающем мире значительно расширились, были открыты новые материки, но рубеж между частями Евразии в кавказском регионе окончательно не определен [397, с. 42-55]. Даже в советский период, когда вопрос можно было решить в рамках единого государства, географические общества союзных республик имели различные точки зрения. Географы Азербайджана и Армении считали Кавказ частью Азии, а ученые Грузии – Европы [94]. Сегодня физико-географические, исторические, антропологические, этнографические, лингвистические критерии [261, с. 96] в разделении Евразии, как правило, игнорируются, а на первый план выходят политические интересы государств этого региона.

Существует мнение, что первое географическое указание на Кавказ содержится в самой известной книге – Библии – при описании всемирного потопа [377, с. 1]. «И остановился ковчег в седьмом месяце, в семнадцатый день месяца, на горах Араратских» [69, VIII, с. 4]. Поскольку Библия писалась на протяжении веков, невозможно определить время написания этих строк. Но можно утверждать, что Кавказский регион (под именем гор Араратских) был известен очень давно.

Первые упоминания названия Кавказа можно найти в древнегреческой мифологии [215, с. 146]. «Прометей, смешав землю с водой, вылепил людей и дал им тайно от Зевса огонь, скрыв его в полом стебле тростника. Когда Зевс узнал об этом, он приказал Гефесту пригвоздить тело Прометея к Кавказскому хребту» [30, I, с. 1, 7]. Здесь Прометей терпел в течение долгих лет ежедневные муки, пока его не освободил Геракл. Этот миф в V в. до н.э. был художественно воплощен в трагедии Эсхила «Прометей прикованный», где автор, упоминая Кавказ, характеризует его как «всем горам горы» [414, с. 719].

В это же время основоположник исторической науки Геродот оставил нам первое описание Кавказа и его населения. Рассказывая о Каспийском море, он пишет: «На западе оно граничит с Кавказским хребтом – самой обширной и высокой из всех горных цепей. Много разных племен обитает на Кавказе, большинство которых питается дикими древесными плодами» [98, I, с. 203].

Можно предположить, что к V в. до н.э. термин «Кавказ» утвердился в античной литературе и использовался греками для описания территории между Каспийским и Черным морями как части ойкумены, т.е. земель известных и заселенных людьми. Из греческой культуры этот термин перешел к ее преемникам – римлянам, а затем стал общепринятым в европейской и мировой культуре. Но что же означает само слово «Кавказ», как оно возникло, язык какого народа лежит в его основании? Другими словами, какова этимология, т.е. происхождение, этого слова?

Еще в XIX в. прочно утвердилось представление о том, что название «Кавказ» для народов, его населяющих, изначально не является родным, оно пришло извне. Закономерным представляется то, что многочисленные народы, жившие здесь и говорившие на различных языках, не имели общего слова для обозначения своей горной родины. «В том виде, в каком написано слишком за 23 века тому назад Эсхилом, *Kaukasos*, сохранилось оно почти без малейших изменений во всех новых европейских языках. Передано оно нам исключительно греками: если бы греки называли этот хребет иначе, то, конечно, и мы называли его теперь иначе, потому что ни у самих кавказских туземцев, ни у соседних с ними восточных народов не встречаем названия Кавказа» [377, с. 484].

Приблизительно тогда же было высказано мнение, что первоначально и в течение длительного времени название «Кавказ» использовалось только для обозначения его главной вершины – Эльбруса [81, с. 16]. К такому суждению на основе изучения эпических сказаний осетин пришел один из первых отечественных кавказоведов доктор В.Б. Пфафф [318, с. 4]. В пользу данной точки зрения косвенно свидетельствует то, что античные писатели обозначали именем Кавказа и Кавказский хребет, и самую большую вершину центральной его части [82, с. 73]. Позже, уже в византийской исторической литературе, можно найти продолжение этой традиции [316, с. 381]. Древнегрузинские источники говорят, что Кавказ – это Эльбрус, а «персы называют Кавказ Эльбрусом» [187, с. 29].

Эльбрус – самая большая гора Кавказа, вулкан высотой более 5,5 тысяч метров. Его две вершины покрыты вечным льдом. С его склонов стекают более двадцати ледников. Название горы берет начало в иранской древности. Оно

впервые упоминается в старейшем памятнике древнеиранской литературы «Авесте» как Эльбордж, что означает «ледниковая (ледяная) гора» [309, с. 480].

Рождение слова «Кавказ» также связывали с иранской или скифской древностью. Скифы, жившие в Северном Причерноморье с VIII в. до н.э. по III в. н.э., принадлежали к ираноязычным народам. И хотя в дошедших до нас иранских источниках слово «Кавказ», в отличие от «Эльбрус», не встречается, данная точка зрения просуществовала достаточно долго.

Известный отечественный этимолог академик Трубачев О.Н. убедительно доказал, что слово «Кавказ» по своему смыслу близко к слову «Эльбрус» и означает «сияющая (белоснежная) гора». Возникновение же слова следует относить не к ирано-скифской, а индоевропейской традиции [371, с. 104-107]. Появление же праиндоевропейцев на Кавказе, как по данным лингвистики, так и археологии, датируется периодом XXIII-XIX вв. до н.э. [278, с. 4; 279, с. 614].

Слово «Кавказ» в современном языке может наполняться различными смыслами: географическим, геополитическим, культурологическим, этнопсихологическим, экономическим и т.д. Оно встречается также в различных словосочетаниях и производных словах. Поэтому представляется необходимым определиться в содержании терминов.

В самом общем смысле слово «Кавказ» понимается как территория между тремя морями: Черным, Азовским, Каспийским [309, с. 128]. Граница на Севере проходит по Кумо-Манычской впадине, представляющей собой тектоническое понижение шириной от 20 до 30 км, которое соединяет Кубано-Приазовскую и Прикаспийскую низменности. По этой впадине очень часто проводится условное разделение Евразии. Южный предел Кавказа определяется по границе Грузии, Армении, Азербайджана с Турцией и Ираном. Общая площадь территории региона составляет 440 тыс. км² [95, с. 202, 265].

Когда речь идет о Большом Кавказе, то подразумевается горная система, простирающаяся от побережья Черного до побережья Каспийского моря. Осевой частью системы является Главный Кавказский или Водораздельный хребет, южные склоны которого относятся к территории Азербайджанской Республики и Грузии, а северные – к Российской Федерации [308, с. 75]. Это же разделение определило появление и соответствующих географических понятий – Закавказья и Предкавказья. Длина Большого Кавказа превышает 1100 км, а ширина изменяется от 32 км в районе Новороссийска до 180 км на меридиане Эльбруса и 160 км в Дагестане [320, с. 15]. Определение «большой» противопоставляет эту горную систему горам Малого Кавказа, лежащим южнее, в Закавказье [308, с. 75]. Если встречаются такие определения, как Центральный Кавказ, Западный Кавказ, Северо-Западный Кавказ, Восточный Кавказ, то подразумеваются разновысотные горные сегменты [320, с. 16-17].

Гораздо чаще, особенно в Российской Федерации, мы встречаем понятие «Северный Кавказ». Современная справочная литература подсказывает, что это «природная территория, охватывающая Предкавказье, северный склон Большого Кавказа (кроме его восточной части в Азербайджане), целиком его западную оконечность, а также часть южного склона на Западе до р. Псоу» [412, с. 600]. Интересным представляется история появления данного геогра-

фического понятия. В феврале 1860 г. министр юстиции граф В.Н. Панин объявил Сенату именной указ Александра II, в котором говорилось: «Все пространство, находящееся к северу от главного хребта Кавказских гор и заключающее в себе как означенные две области, Терскую и Кубанскую, так и Ставропольскую губернию, именовать впредь Северным Кавказом» [305, с. 122].

Современный Северный Кавказ, входящий в состав России, административно делится между Северо-Кавказским и Южным федеральными округами. К первому относятся следующие субъекты Российской Федерации: Ставропольский край, Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария, Северная Осетия, Ингушетия, Чечня и Дагестан. В составе второго находятся Краснодарский край и Республика Адыгея. По статистическим данным, в перечисленных субъектах на 1 января 2015 г. проживало 15 562 138 человек, что почти на 700 тыс. превышает население Казахстана [312]. Территория площадью примерно в 250 тыс. км², которую занимает в наше время Северный Кавказ, вполне сопоставима с площадью Великобритании – 244,1 тыс. км² [234, с. 7; 412, с. 132]. Субъекты Северного Кавказа, в силу своего географического положения, экономически исключительно важны для России. Через них осуществляются отношения с Арменией, Азербайджаном, Грузией, Абхазией, Южной Осетией. А выход к трем морям еще больше расширяет геополитическую значимость региона [388, с. 194].

Природно-климатические условия Кавказа отличаются исключительным разнообразием: в северной части простираются обширные степи, на северо-востоке – солончаковые полупустыни Прикаспия, на юге – величественные хребты Большого Кавказа, покрытые вечными снегами и ледниками [105, с. 382]. Влияние южнорусских степей заметно на северном склоне Главного Кавказского хребта и в центральной и западной частях Предкавказья. Через Прикаспийскую низменность на восточную часть Предкавказья существенно воздействуют среднеазиатские пустыни. Субтропическое Восточное Средиземноморье влияет на природу Черноморского побережья Кавказа и юго-западных склонов гор [320, с. 4]. Своеобразны также сухие субтропики Каспийского побережья Южного Дагестана. Предгорная местность к югу переходит в повышающиеся хребты, которые образуют многоярусный горный рельеф. Резкая контрастность рельефа местности, переходящая от низких равнин до высоких покрытых ледниками гор, связана с прошедшими здесь мощными процессами горообразования, «приподнявшими мощные толщи морских и континентальных осадков на высоту свыше 5 000 м» [332, с. 13].

Естественногеографические условия Кавказского региона существенным образом повлияли на его этническое многообразие. Если в равнинных частях зарождались древнейшие государства (Иберия, Колхидское царство, Урарту), а также формировались относительно большие этнические образования (азербайджанцы, аланы, армяне, грузины, ногайцы, сарматы), то в горных районах до настоящего времени существует значительная этническая и языковая разнообразность [386, с. 64]. Горные хребты были естественной защитой этнических и политических границ проживающих здесь народов. Непреодолимым препятствием иноземным нашествиям как с Юга, так и с Севера становился Главный

Кавказский хребет. До Российской империи ни одно государство не смогло включить в свои владения обе стороны его высокогорья.

И хотя горы разделяли людей, тем не менее особые условия горской жизни способствовали тому, что даже у различных по своему происхождению народов формировались похожие особенности в бытовом укладе, хозяйственной деятельности и менталитете. «На всей горной полосе Кавказа наблюдалась последовательная смена примерно одинаковых или сходных орудий труда, оборонительных сооружений, средств передвижения, утвари, многих элементов одежды, семейных обычаев, общественного быта, орнаментов и пр.» [210, с. 6]. В этом смысле горные условия людей объединяли.

Наличие в горах пригодных для обороны мест, естественных крепостей позволяло маленьким политическим образованиям длительное время сохранять свою независимость. Но они не могли оставаться изолированными. Трудные условия содержания скота зимой, потребность в зимних пастбищах, нехватка хлеба, которого было достаточно у жителей равнин и который можно было выменять на ремесленные изделия и продукты животноводства, заставляли жителей гор контактировать с соседями на равнине. «Горцам нужна была степь гораздо больше, чем степнякам горы» [209, с. 34].

Несомненно, от географической среды и географического положения зависели исторические судьбы живущих на Кавказе народов. Кавказский перешеек представляет собой естественный мост между Восточной Европой и Передней Азией. Он всегда был местом взаимодействия и смешения культурных традиций живущих по обе стороны этого моста народов [65, с. 49]. Но он всегда был и регионом, где сталкивались и переплетались экономические и политические интересы самых разных государств.

Вполне понятно, что заселение Северного Кавказа древними народами началось намного раньше, чем о них написали античные авторы. Об этом объективно свидетельствуют данные археологических исследований. Отечественные ученые определили, что появление человека в данном регионе следует отнести к ашельской эпохе палеолита [16, с. 83], которая длилась 800-120 тыс. лет тому назад [35, с. 48].

Не вдаваясь в подробности северокавказского антропогенеза, отметим, что начало формирования кавказских этносов связано, с одной стороны, с их контактами с древневосточными цивилизациями, а с другой – с мигрировавшими через Кавказ кочевыми народами. Первым таким народом, чье имя дошло до нас, были киммерийцы [160, с. 64], пришедшие из степей Предкавказья и Приазовья. По поводу границ территории проживания этих кочевых племен единого мнения у ученых нет [246, с. 14-17]. Однако факт присутствия киммерийцев на Северном Кавказе подтверждают как письменные источники VIII в. до н.э. [150, с. 5], так и археологические памятники [245, с. 96].

В VI в. до н.э. началась греческая колонизация берегов Керченского пролива [33, с. 63] и, в частности, Северо-Западного Кавказа [17, с. 11], что включило регион в зону влияния высокоразвитой античной цивилизации. Одновременно с этим в степных районах Северного Кавказа выросла миграционная активность многочисленных кочевых народов: скифов [247, с. 103], савроматов,

сарматов [231; 232] и др. Среди последних выделились и стали занимать доминирующее положение ирано-язычные племена аланов, с именем которых историки связывают все важнейшие события, разворачивавшиеся на Северном Кавказе в течение последующих полутора тысяч лет [191, с. 5-6].

В IV в. до н.э. возникла Кавказская Албания – самое древнее государственное образование [369, с. 7], в состав которого входили территории современного Азербайджана, Восточной Грузии, Карабаха и Южного Дагестана [259, с. 117-147]. Его столицей был город Кабалака [302, с. 336]. Древние авторы отмечали полиэтничность этого рабовладельческого государства. «Языков у них 26, так что они нелегко вступают в сношения друг с другом» [353, XI, с. 4, 6]. Согласно мифическим преданиям эти народы считались потомками Ясона – предводителя аргонавтов [301, VI, с. 38]. Албанцы (с современными европейскими албанцами никак не связаны) занимались отгонным скотоводством, плужным земледелием, садоводством и виноградарством. Развита были гончарное ремесло и ювелирное дело.

Кавказская Албания была сильным государством с мощной армией, которая участвовала на стороне Дария в знаменитом сражении против Александра Македонского при Гавгамелах в 331 г. до н.э. [31, III, с. 8]. В 65 г. до н.э. албанцы совместно с Арменией сражались с войсками римского полководца Помпея Великого, против которого они выставили 60 000 пехотинцев и 22 000 всадников [353, XI, с. 4, 5]. В начале IV в. н.э. государственной религией Кавказской Албании стало христианство, а ее церковь пользовалась фактической автокефалией (независимостью) [313, с. 458].

В III-VI вв. Кавказская Албания противостояла натискам империи Сасанидов. В конце VI в. эта территория попала в зону интересов еще двух государств – Византии и Хазарского каганата. С этого времени борьба албанцев шла с переменным успехом: они попадали в зависимость то от одного, то от другого государства, то восстанавливали, то теряли свою самостоятельность.

Начавшееся в IV в. великое переселение народов существенно затронуло степные районы Предкавказья и Причерноморья. Пришедшие из Азии гунны в IV в. вторглись в пределы аланского племенного союза, простиравшегося от Северного Прикаспия до Причерноморья. Под их натиском часть алан двинулась в Европу, присоединившись к великому движению народов на Запад. Они добрались до Испании, а через нее и до Северной Африки, где сошли «с исторической сцены, растворившись в окружающей среде» [73, с. 6]. Но большая часть алан, под натиском гуннов мигрировала в направлении кавказского высокогорья, где начался процесс смешения с коренным (автохтонным) населением. Результатом этого перемещения стало формирование алано-осетинской средневековой общности [87, с. 9].

Оформившееся государственное образование, получившее название Алания, было достаточно большим и устойчивым. Оно занимало территорию от границ современного Дагестана до Азовского моря. Южный рубеж вдоль Главного Кавказского хребта граничил с местными племенами, северный рубеж был подвижен в силу натисков со стороны соседей (хазар, а затем и половцев) [293, с. 442]. С VII в. значительная часть Алании входила в состав Хазар-

ского каганата. Одновременно через проникновение в Аланию христианства усиливалось влияние Византии и соседней Грузии. Добившись на рубеже IX-X вв. независимости от хазар, аланы вели упорную борьбу с Византией и Арабским халифатом. В это же время начали складываться раннефеодальные отношения, и уже к XII в. Алания приобрела черты государства, во главе которого находились цари-«богатары» [346, с. 329].

Успешной борьбе аланов против хазар способствовало появление на рубеже IX-X вв. нового мощного политического игрока – Древнерусского государства. Военные успехи кн. Святослава в Приазовье, на Дону и Волге привели к распаду Хазарского каганата, а также притоку в эти места славянского населения. Однако движение народов из Азии в Европу продолжалось, и на смену хазарам пришли печенеги, вытесненные из Средней Азии сильными соседями [360, с. 42]. В 70-80 гг. X в. печенеги заняли Центральное Предкавказье [87, с. 183]. Их пребывание в регионе было относительно недолгим – в середине XI в. они потерпели серьезное поражение под Киевом. Однако уже в последней четверти столетия место печенегов заняли новые кочевники – половцы (кипчаки) [104, с. 43].

В течение двух столетий половцы существенно влияли на баланс сил и внешнюю политику всего Кавказа и Древней Руси. Отношения кочевников с русским государством можно характеризовать как военное противоборство как в целом с Русью, так и с отдельными княжествами, поскольку кипчаки были активно вовлечены в междоусобную борьбу. Напротив, взаимоотношения с кавказскими народами не отличались частым и острым военным противостоянием, а порой представляли собой сотрудничество. Так, «с самого начала XII в. мы видим половцев на службе у грузинских царей против владетелей мусульманских» [104, с. 188].

В первой половине XIII в. у одних народов Северного Кавказа происходила политическая децентрализация, власть феодализирующихся группировок усиливалась, у других – шло укрепление государственности [160, с. 144]. Перед лицом внешнего вторжения ни местные правители, ни знать не смогли объединиться и противостоять татаро-монгольскому нашествию [161, с. 165], которое произошло синхронно вторжению на Русь и имело идентичные результаты – подчинение Золотой Орде.

Особенностью последствий этих событий для Северного Кавказа стало изменение этнической карты [86, с. 178]. Нашествие отразилось на процессах этногенеза кавказских народов, привело к значительным перемещениям и смешениям различных этнических групп. Те, кто не был уничтожен и покорен при первых вторжениях противника, уходили в безопасные, как правило, высокогорные, места [160, с. 196]. Сложилось совершенно новые условия взаимодействия этносов и их этнической консолидации.

Появление во второй половине XIV в. нового завоевателя стало одним из самых трагичных и кровавых событий для Северного Кавказа. Войска Тимура (Тамерлана), разгромив Золотую Орду, захватили степные пространства Предкавказья и проникли в горы, куда прежние захватчики не решались заходить. Это вторжение было особо жестоким, население истреблялось или уводилось в

рабство. Но жестокость агрессоров усиливала желание дать достойный отпор, для чего необходимо было объединять и сплачивать силы. Это усиливало власть местных князей как вождей сопротивления, ускоряло процессы слияния различных этнических групп [380, с. 96-97].

Процессы, порожденные внешними вторжениями, существенным образом влияли на ход этногенеза современных народов Северного Кавказа. В результате на рубеже XV-XVI вв. в основном оформились этнические особенности, определились относительно постоянные территории проживания северокавказских народов.

1.2. НАРОДЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Кавказское многоязычие известно давно. Древняя арабская легенда гласит: «У Аллаха был огромный мешок, в котором хранились различные языки. Объезжая мир, каждой территории, заселенной людьми, он выделял по одному. И лишь дойдя до разделенного ущельями и складками горной гряды Кавказа, высыпал все оставшееся содержимое в одно место» [238, с. 3]. Еще в X в. известный историк и географ, снискавший славу «арабского Геродота», аль-Масуди назвал Кавказ горой языков [175, с. 10]. Он писал: «В этих горах считают 72 племени, и у каждого племени свой царь и свой язык, несходный с другими наречиями» [173, с. 40].

Для того чтобы описать многочисленные народы, проживающие на Северном Кавказе, необходим некий критерий, по которому можно их классифицировать и выстроить определенную структуру изложения. Такими признаками могут быть: численность того или иного народа, территория проживания, специфика социально-экономического уклада жизни, религиозная принадлежность, антропологические характеристики, особенности материальной и духовной культуры и др. Но поскольку основой культуры любого народа является язык, полагаем, что для нас универсальным критерием будет лингвистический критерий.

Еще в XIX в. в языкознании был разработан метод генеалогической (историко-генетической) классификации языков [270, с. 124-160]. В ее основание заложено установление генетического тождества языков с использованием сравнительно-исторического метода. При определении степени родства языков применяются в порядке убывания три единицы классификации: семья языков, группа (ветвь) языков, подгруппа языков [136, с. 70]. Исходя из данной классификации, отметим, что на относительно небольшой территории Северного Кавказа проживают народы, которых соотносят с тремя семьями языков: иберийско-кавказской, алтайской, индоевропейской.

Иберийско-кавказская языковая семья является автохтонной (коренной) на Кавказе. Она представлена народами, проживающими в России, Закавказье, Турции, а также небольшими народностями Ирана, Сирии и некоторых стран Ближнего Востока. Эта семья распадается на три группы: картвельскую (южную), абхазо-адыгскую (северо-западную), нахско-дагестанскую (северо-

восточную) [417, с. 208]. На первой группе мы останавливаться не будем, поскольку ее представители расселены за пределами нашей страны – преимущественно в Грузии [188, с. 14]. Из народов, проживающих в России, в **абхазо-адыгскую группу** народов входят абазины, адыгейцы, кабардинцы, черкесы [399, с. 80].

Самым многочисленным народом рассматриваемой группы являются **кабардинцы**. Их самоназвание (эндоэтноним) – «адыге», что означает «благородные» [15, с. 16]. Так же называют себя и их ближайшие «родственники» – адыгейцы и черкесы. Все они потомки древнеадыгской общности, сформировавшейся в середине I тысячелетия н.э. на Северном и Северо-Западном Кавказе. Древним грекам и римлянам они были известны как зихи. Арабские и древнерусские источники называли их касогами, а с XII в. общим для адыгов стало название черкесы [361]. Кабардинцы как восточная группа адыгов стали выделяться во второй половине XIII в. [25, с. 177]. До XVI в. шел процесс деления адыгских народов на две большие группы, что завершилось формированием Черкесии и Кабарды как территориально-политических единиц и их народностей. Кабарда, занимая предгорья и равнины, охватывала земли от верховьев Кубани на западе и до реки Сунжи на востоке [50, с. 50].

Еще в VI-VII вв. среди адыгов стало распространяться пришедшее на Северный Кавказ из Грузии и Византии христианство, уживавшееся с языческими верованиями. В XIII в. вместе с татаро-монгольским завоеванием в среду адыгов стал проникать суннитский ислам. Процесс принятия новой религии шел долго и, активизировавшись во второй половине XVI в., завершился только в XVIII в. [47, с. 126]. В настоящее время в конфессиональном отношении абазины, адыгейцы, кабардинцы, черкесы являются мусульманами-суннитами. Традиционным типом хозяйства кабардинцев было отгонное скотоводство.

Формирование кабардинской государственности началось после гражданской войны и установления советской власти. В 1921 г. из территории Горской АССР была выделена Кабардинская автономная область, преобразованная уже через несколько месяцев в 1922 г. в Кабардино-Балкарскую автономную область. В 1925 г. она была включена в Северо-Кавказский край. По Конституции 1936 г. была создана Кабардино-Балкарская АССР [195, с. 98-99; 105]. В период насильственной депортации балкарцев 1944-1957 гг. она именовалась как Кабардинская АССР, затем прежнее название было возвращено. В 1991 г. была провозглашена Кабардино-Балкарская ССР, ставшая в 1992 г. Кабардино-Балкарской Республикой в составе России [275, с. 207].

Сегодня кабардинцы – титульная нация, т.е. определяющая официальное название субъекта федерации, где их проживает 500 тыс. человек. Это составляет 57% от общего числа жителей Республики. Значительная часть проживает в Северной Осетии, Ставропольском и Краснодарском краях. На территории России за пределами северокавказского региона проживает 2,7% кабардинцев. В Белгородской области перепись 2010 г. зафиксировала 42 представителя данного народа. Среди кабардинцев имеется незначительное преобладание сельского населения над городским (53,9% и 46,1% соответственно). Более половины (56,9%) – молодежь до 35 лет. Высок показатель владения русским

языком – 93,9%. Среди кабардинцев старше 15 лет высшее и послевузовское образование имеют 20,9%, среднее специальное – 34,2%, среднее – 25,7%, основное и начальное – 18,3%. Для 55,8% трудоспособных кабардинцев источником средств к существованию является трудовая деятельность, а для 26,4% – личное подсобное хозяйство.

Следующим по численности народом абхазо-адыгской группы являются **адыгейцы**. После того, как из адыгской общности выделились кабардинцы, на прежнем месте по побережью Черного моря и в бассейне р. Кубань остались племена, из которых стала формироваться адыгейская народность [276, с. 201]. Источники первой половины XIX в. выделяли 13 только больших адыгских групп. В ходе политических и военных событий некоторые из них росли численно, расширяя территорию обитания. Иные, наоборот, теряли свои позиции или даже ассимилировались с более сильными группами [78, с. 16-17]. Адыгские этнические группы ученые условно разделили на «демократические» и «аристократические». Первые имели народное выборное управление, вторые управлялись князьями [359, с. 9]. Исследователи полагают, что в первой половине XIX в. общее число адыгов было от 500 тыс. до 1 млн человек [276, с. 201]. Главным хозяйственно-культурным типом в период раннего средневековья у них было оседлое скотоводство в сочетании с земледелием.

В 20-е гг. XIX в. Российская империя усилила свое продвижение на территории адыгов, что вызвало формирование основ военно-государственного союза всех адыгейских групп. По завершении военных действий начался массовый исход горских народов в Турцию и на Ближний Восток. По официальным сведениям XIX в., только в 1858-1865 гг. свои родные места покинуло 493 194 человека [48, с. 163]. Современные исследователи отмечают, что за период с 1857 по 1877 гг. переселилось от 1 млн 400 тыс. до 1 млн 500 тыс. человек, причем 57 человек из каждых 100 горцев были адыгами [201, с. 33, 41]. Меньшая оставшаяся часть переселилась в равнинные районы.

Этапами государственного строительства адыгейского народа стали 1922 г., когда была создана Адыгейская автономная область Северо-Кавказского края, вошедшая в 1937 г. в состав Краснодарского края, и 1991 г., когда Адыгея приобрела статус союзной республики.

В Российской Федерации сегодня проживает 125 тыс. адыгейцев, которые сосредоточены достаточно компактно. При этом они не составляют большинства на территории своего расселения. В Адыгее живет около 110 тыс. представителей титульной нации, что составляет 24,3% населения Республики. Около 14 тыс. адыгейцев расселено в Краснодарском крае. На остальной территории России, за пределами Северного Кавказа, живет 2,2% данного народа. Последняя перепись населения отметила в Белгородской области 12 адыгейцев. Адыгейцы являются среднеурбанизированным этносом. Городское и сельское население у сегодняшних адыгейцев соответствует 45,6% и 54,4%. Почти все (97,2%) владеют русским языком. Около половины (48,8%) адыгейцев – в возрасте до 35 лет. Среди российских адыгейцев старше 15 лет высшее и послевузовское образование имеют 30,0%, среднее специальное – 32,6%, среднее – 19,8%, основное и начальное – 16,8%. Источником средств к существованию для

66,2% адыгейцев трудоспособного возраста является трудовая деятельность, для 18,6% – личное подсобное хозяйство. Структура отраслевого распределения представляется типичной для сравнительно небольших титульных народов, проживающих среди преобладающего населения, занятого в индустрии, не имеющего титульного статуса. Поэтому адыгейцы-горожане в основном трудятся в сфере культуры, образования, здравоохранения, торговли [25, с. 131].

В составе народов Российской Федерации **черкесы** по своей численности представляются относительно небольшим этносом – немногим более 73 тыс. человек. Мы уже говорили, что слово «черкесы» в прошлом использовалось для обозначения всех северокавказских адыгов, т.е. и современных черкесов, и кабардинцев, и адыгейцев. Известно, что данный этноним (название нации или народа) – иноязычный, т.е. пришедший извне [79, с. 18]. Возможно, он происходит от слова «керкет», которым древние греки называли одну из групп адыгских народов [275, с. 616]. Есть мнение, что это слово турецкого, персидского или татарского происхождения и означает «перерезывающий дорогу, разбойник» [15, с. 16; 51, с. 13].

Формирование современных черкесов связано с переселенческой политикой царского правительства в конце XIX в., когда потомки ранее бежавших адыгов были переселены на территорию двух районов современной Карачаево-Черкесии. Здесь образовалось 12 аулов, а уже в 20-е годы XX в. на родину вернулись жители еще 5 аулов. Так сложилось ядро западных адыгов, которых сегодня называют черкесами [25, с. 192]. Основным в их хозяйственной деятельности было отгонное скотоводство. При этом в отличие от других адыгских народов черкесы разводили преимущественно не мелкий, а крупный рогатый скот. Известны они были и разведением лошадей знаменитой кабардинской породы [275, с. 616].

Государственное строительство черкесов шло сложным путем, связанным с многочисленными административно-территориальными реформами. В 1922 г. была образована Карачаево-Черкесская автономная область, которая в 1924 г. вошла в состав Северо-Кавказского края. Через два года она была разделена на Карачаевскую автономную область и Черкесский национальный округ, который еще через два года стал автономной областью. В 1957 г. была вновь образована Карачаево-Черкесская автономная область, но теперь в составе Ставропольского края. В 1991 г. Карачаево-Черкесия стала республикой.

Черкесы разделяют статус титульной нации с кабардинцами. На территории собственной Республики их проживает более 56 тыс. человек. Значительное число черкесов расселено в Адыгее, Кабардино-Балкарии, Краснодарском и Ставропольском краях. В России за пределами северокавказского региона проживает около 4 тыс. черкесов, из которых в Белгородской области в 2010 г. насчитывалось 11 человек. Молодежь в возрасте до 35 лет составляет 54,6% всех черкесов. Сельское население в процентном отношении преобладает на городском: 61,1% и 38,9% соответственно. Высок показатель владения русским языком – 95,1%. Российские черкесы хорошо образованы. Высшее и послевузовское образование имеют 27,2%, среднее специальное – 36,9%, среднее – 18,2%, основное и начальное – 16,8%. Для 62,3% трудоспособных черкесов ис-

точником средств к существованию является трудовая деятельность, а для 15,2% – личное подсобное хозяйство. По отраслям народного хозяйства отмечается равномерное распределение, с небольшим преимуществом в сторону культуры, образования, обслуживания и торговли [25, с. 194].

Самый маленький народ рассматриваемой группы – **абазины**, которых согласно переписи населения 2010 г. в Российской Федерации проживает около 43,5 тыс. человек. Абаза, как они себя называют, – автохтонные жители Кавказа. По происхождению они очень близки к абхазам, по соседству с которыми в I тысячелетии до н.э. абазины расселялись вдоль черноморского побережья [276, с. 232]. С VII в. предки абазин стали заселять Закубанье, а уже в VIII-IX вв. проникали на территорию современной Карачаево-Черкесии. Ученые полагают, что не позднее X в. у них начали складываться феодальные отношения, и произошло обособление от древнеабхазской народности. Таким образом завершилось формирование самостоятельной древнеабазинской народности [1; 12; 15]. С рубежа XIII-XIV вв. по конец XVII в. шло массовое заселение абазинами северокавказских территорий, которые иногда называют «Большая Абазия», «Малая Абазия» [373, с. 17]. После Кавказской войны, во второй половине XIX в., значительная часть (около 100 тыс.) абазин выехала за пределы России [373, с. 29]. В хозяйственной деятельности абазин отгонное скотоводство после переселения на равнину уступило приоритет земледелию [275, с. 19].

В современной России абазины преимущественно проживают в Карачаево-Черкесии (37 тыс.). Собственной автономии они не имеют. Более 3,5 тыс. человек проживает в Ставропольском крае. На остальной территории России живет 4,5% всех абазин. В Белгородской области в 2010 г. их насчитывалось 10 человек. Отмечается преобладание сельских жителей над городскими (60% и 40% соответственно). Почти все (96,3%) владеют русским языком. Более половины (52,2%) абазин – в возрасте до 35 лет. Образование современных абазин достаточно хорошее: высшее и послевузовское имеют 24,2%, среднее специальное – 34,9%, среднее – 22,4%, основное и начальное – 17,7%. Источником средств к существованию для 61% абазин трудоспособного возраста является трудовая деятельность, для 18,2% – личное подсобное хозяйство.

Завершая обзор народов абхазо-адыгской группы, отметим, что общее число их представителей около 760 тыс. человек. Но еще больше их проживает за пределами России. Наиболее компактными местами расселения адыгской диаспоры являются Турция, Сирия и Иордания. Кроме того, их представители есть на разных континентах, более чем в 40 странах мира. По неофициальным данным, адыгская диаспора насчитывает более трех миллионов человек [201, с. 14, 33-34].

Второй в иберийско-кавказской языковой семье является **нахско-дагестанская** (северо-восточная) группа. Не вдаваясь в более глубокую классификацию, выделим в ней две подгруппы: вайнахов и дагестанские народы. **Вайнахи (нахи)** – это носители нахских языков, к которым относят **ингушей** и **чеченцев**. Общность этих народов подчеркивается самим словом «вайнах», что означает «наш народ» [78, с. 142]. Ингуши называют себя «галгаи», эндоэтноним чеченцев – «нахчий».

Ранняя история этих народов до конца не выяснена и остается дискуссионной. Однако не вызывает сомнения то, что вайнахи являются коренными жителями Северо-Восточного Кавказа и что территория их обитания в древности была значительно больше [202, с. 38]. Первое достоверное упоминание этнонимов, согласующихся с современными вайнахскими этническими названиями, содержатся в «Армянской географии VII в.» [79, с. 123]. В это время они занимали свою древнюю территорию – «нагорную часть Чечни и Ингушетии, а также, возможно, некоторые сопредельные районы современной Северной Осетии и Грузии» [27, с. 25]. В XI в. – начале XIII в., в период могущества Грузинского царства, вайнахи признавали его верховенство над собой, т.е. находились под его политическим влиянием [114, с. 99]. Под влиянием многократных внешних нашествий (татаро-монголы, Тамерлан) вайнахские племена покинули равнинные территории, ушли в горы, где проще было обороняться. Но как только после распада Золотой Орды появилась возможность вернуться, началось возвращение на старые места, которое длилось с XV в. по XVIII в. С XVI в. к вайнахам из Дагестана стал проникать суннитский ислам, который окончательно утвердился в первой половине XIX в. [276, с. 232]. Традиционным типом хозяйства у ингушей было отгонное скотоводство, у чеченцев – отгонное скотоводство и земледелие.

В ходе исторического развития вайнахские народы попадали под влияние различных государств и государственных образований. Известно, что в их среде формировались феодальные отношения. Однако это не привело к созданию собственной государственности. Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XIX в. представляли «сумму независимых "вольных обществ"» [209, с. 15]. В это время на первый план в развитии вайнахских народов выходят отношения с Российской империей. Ингуши добровольно вошли в ее состав, признав в 1770 г. суверенитет России, а в 1810 г. подписали Владикавказский договор, провозгласивший переход всего ингушского народа в подданство российского царя [72, с. 37-38]. Поэтому продолжительная Кавказская война практически ингушей не затронула [146, с. 15]. Напротив, чеченцы оказывали активное сопротивление колониальной политике России на Кавказе, которое завершилось поражением в 1859 г. [223, с. 36].

Государственное строительство ингушского и чеченского народа шло сложным путем. В 1922 г. в составе РСФСР была образована Чеченская автономная область, а в 1924 г. такую же автономию получила Ингушетия. С учетом близости обоих народов в 1934 г. обе автономии были объединены в Чечено-Ингушскую автономную область, которая в 1936 г. приобрела статус автономной республики. В 1944 г. около полумиллиона чеченцев и ингушей были насильственно депортированы в Среднюю Азию. Чечено-Ингушская АССР была восстановлена после возвращения народов на родные земли в 1957 г. [275, с. 181, 623]. С распадом Советского Союза и провозглашением независимости Чечни в 1991 г. в жизни чеченского народа начался трагический период, связанный со множеством объективных и субъективных причин, завершившийся в 2003 г. возвращением Республики в Российскую Федерацию. Как самостоятельная Ингушская Республика вошла в состав России в 1992 г.

Сегодня ингуши представляются как относительно небольшой этнос – около 390 тыс. человек, из которых 86,7% проживает в своей Республике. Значительное их число (около 30 тыс.) живет в Северной Осетии. Вне Северо-Кавказского региона на территории России их проживает 5,6%. В Белгородской области по данным 2010 г. – 204 человека. Большая часть ингушей (59,7%) – селяне. Соответственно, меньшая (40,3%) – горожане. Среди ингушей больше молодежи в возрасте до 35 лет – 65,6%. Количество владеющих русским языком 89,4%. Высшее и послевузовское образование имеют 18,4%, среднее специальное – 24,8%, среднее – 27,1%, основное и начальное – 26,5%. Для 32% ингушей трудоспособного возраста источником средств к существованию является трудовая деятельность, для 10% – личное подсобное хозяйство.

Чеченцев в России проживает значительно больше – около 1,5 млн человек, из них 84,3% – в Чечне. В Ингушетии и Ставропольском крае живет соответственно около 19 тыс. и 12 тыс. человек. За пределами Северного Кавказа на территории России расселено 13% от общего числа чеченцев. На территории Белгородчины в 2010 г. проживало 217 представителей данного этноса. Так же, как и у соседей-ингушей, сельское население преобладает над городским – 63,6% и 36,4%. Возрастные показатели также в пользу молодого поколения: лица в возрасте до 35 лет составляют 67,6% от общего числа чеченцев. Владеет русским языком 91,5% чеченцев. Образовательные показатели у чеченцев смещены в сторону средней, основной и начальной подготовки. Высшее и послевузовское образование имеют 11,8%, среднее специальное – 19,3%, среднее – 35,8%, основное и начальное – 30,6%. Источником средств к существованию для 34,2% чеченцев трудоспособного возраста является трудовая деятельность, для 22,9% – личное подсобное хозяйство.

Пожалуй, самая сложная задача заключается в характеристике подгруппы **дагестанских народов**. Это связано с тем, что Дагестан является самым уникальным этнокультурным регионом не только нашей страны, но и всего мира. На небольшой территории компактно проживает более 100 наций и народностей, разговаривающих на 28 языках [80]. Помимо рассматриваемой нами иберо-кавказской языковой семьи в Дагестане проживают народы, разговаривающие на алтайских и индоевропейских языках, но они не составляют численного большинства в Республике [202, с. 57]. Мы остановимся на самых больших этносах Республики.

Особенностью этногенеза коренных народов Дагестана издревле было то, что их консолидации мешали естественно географические условия жизни, следствием которых были высокогорная изоляция и ведение натурального хозяйства. На протяжении веков своего исторического развития территория Дагестана и его народы частично входили в состав различных государств: Кавказской Албании, империи Сасанидов, царства гуннов, Хазарского каганата, Арабского халифата [354, с. 13-17]. В конце I – начале II тысячелетий, как утверждают арабские источники, здесь существовало несколько государственных образований, которые подвергались нашествиям кочевых племен [274, с. 11].

В X-XIV вв. шел процесс укрепления или исчезновения уже существовавших и формирования новых феодальных владений, правители которых но-

сили разные титулы: шамхал, нуцал, эмир, уцмий, майсум, султан, хан [269]. Как это было у ингушей и чеченцев, значительные территории занимали «вольные общества» – джамааты. Они концентрировались вокруг селений, имевших военное или экономическое преимущество. Эти общества могли быть как полностью независимыми, так и состоять в разной степени зависимости от владетельных феодалов. Значительный урон развитию дагестанских народов был нанесен опустошительными нашествиями татаро-монгольских племен в XIII в. и полчищ Тамерлана в конце XIV в. Период XVI-XVII вв. связан с процессами раздробленности, когда от старых феодальных владений отделялись новые [159, с. 247-251].

В середине VII в. на территорию Дагестана проникают арабы, ставшие первыми распространителями ислама. До этого здесь была заметна деятельность Грузинской и Албанской православных церквей. К X в. ислам утвердился в Южном Дагестане, а уже к XVI в. – на всей территории [325, с. 14]. Сегодня все народы дагестанской подгруппы исповедуют ислам суннитского толка.

В XVIII в. после Персидского похода Петра I началось активное продвижение России в Дагестан, завершившееся его окончательным присоединением к Российской империи в 1813, но народы Дагестана совместно с чеченцами еще не одно десятилетие были активными участниками борьбы за независимость [274, с. 12].

Создание народами Дагестана собственной государственности связано с событиями Гражданской войны. Осенью 1920 г. чрезвычайный съезд народов Дагестана провозгласил его автономию, а уже в январе 1921 г. декретом ЦИК РСФСР образована Дагестанская Автономная Советская Социалистическая Республика [354, с. 132]. В 1991 г. Съезд народных депутатов Дагестана преобразовал Дагестанскую АССР в Дагестанскую Советскую Социалистическую Республику – Республику Дагестан в составе РСФСР. По Конституции 1993 г. Республика Дагестан имеет статус равноправного субъекта Российской Федерации.

Самый многочисленный народ Дагестана – **аварцы** (самоназвание – «маарулал» – горцы), преимущественно проживающие в горной части Республики. Это древний коренной кавказский народ, о предках которого упоминают источники V-I вв. до н.э. [274, с. 118]. Они упоминаются среди 26 племен, населявших Кавказскую Албанию во второй половине I тысячелетия до н.э. [159, с. 106]. В период раннего средневековья территория, где проживали аварцы, была известна арабам как царство Серир, просуществовавшее до середины XI в. Арабские авторы приводят имя одного из его правителей – «малик Авар». Ученые полагают, что в этом имени указывается название династии, которое в дальнейшем перешло в название народа [202, с. 60]. Традиционный тип хозяйства аварцев – отгонное скотоводство и земледелие [25, с. 140].

Сегодня в России проживает более 900 тыс. аварцев, из них более 850 тыс. – на территории Дагестана. Кроме того, на Северном Кавказе они расселены в Ставропольском крае и Чечне. За пределами региона их насчитывается около 50 тыс. человек. Согласно переписи 2010 г. в Белгородской области проживало 309 аварцев. Заметно преобладание сельских жителей над городским населением

– 61,5% и 38,5% соответственно. Более половины (62,8%) аварцев – молодежь в возрасте до 35 лет. Среди лиц старше 15 лет высшее и послевузовское образование имеют 15,7%, среднее специальное – 20,8%, среднее – 35,8%, основное и начальное – 26,2%. Доля аварцев, владеющих русским языком, составляет 88,9%, при этом показатель знания заметно ниже среди сельских жителей. Для 40,8% аварцев трудоспособного возраста источником средств к существованию является трудовая деятельность, для 29,1% – личное подсобное хозяйство.

Вторыми по численности среди дагестанских народов являются **даргинцы**, преимущественно проживающие в предгорьях и горной зоне Центрального Дагестана, к югу от Махачкалы. Самоназвание этого этноса «дарган» происходит от более древнего слова, обозначающего «сердцевину даргинской земли» [224].

Первые упоминания о предках даргинцев относятся к IX в. В книге «Дербент-наме» содержатся термины, соответствующие современным даргинским территориям [268, с. 162, 165]. Этноним «дарган» начинает появляться в арабских и европейских источниках в XIV-XV вв. [207]. К этому же времени относится консолидация даргинцев в единую народность [4, с. 11]. В начале XIX в., к моменту присоединения к Российской империи, на территории проживания даргинцев находился ряд «вольных обществ», феодальное государственное образование Кайтагское уцмийство и частично Тарковское шамхальство [275, с. 156]. Для даргинцев традиционным типом хозяйства было оседлое скотоводство и земледелие [25, с. 146].

Около 600 тыс. даргинцев живет в сегодняшней России. Из них 500 тыс. – жители Дагестана. Около 14 тыс. даргинцев населяют Ставропольский край. Вне Северо-Кавказского региона на территории России их проживает 7,9%. В Белгородской области по последней переписи населения представителей данного этноса насчитывалось 279 человек. Степень урбанизации не очень высокая: большая часть даргинцев (61,6%) – селяне, соответственно меньшая (38,4%) – горожане. Среди даргинцев больше молодежи в возрасте до 35 лет – 62,8%. Количество владеющих русским языком – 91,1%. В структуре образования у даргинцев явно преобладает среднее, основное и начальное. Высшее и послевузовское образование имеют 15,5% лиц старше пятнадцатилетнего возраста, среднее специальное – 19,6%, среднее – 31,4%, основное и начальное – 32%. Для 29,1% даргинцев трудоспособного возраста источником средств к существованию является трудовая деятельность, для 18,6% – личное подсобное хозяйство.

Лезгины, проживающие в юго-восточной части Дагестана и сопредельных Азербайджану районах, по своей численности являются третьим этносом Республики. Самоназвание в единственном числе – «лезги», во множественном – «лезгияр». Предки современных лезгин были известны уже античным авторам. Так, Страбон называл их скифским племенем легов, живущим между амазонками и албанцами [353, XIV, с. 1, 5]. В IX-X вв. арабы знали «царство лакзов» в Южном Дагестане [276, с. 504]. На протяжении своей истории лезгинам пришлось противостоять многочисленным вторжениям со стороны соседних народов и кочевых племен [83, с. 5]. Французский путешественник XIII в. упоминает лесгов, которым удалось отстоять свою независимость в ходе мон-

голо-татарского нашествия [120, с. 111]. В это время вокруг больших лезгинских селений возникают автономные союзы сельских общин – «вольные общества», ставшие на долгое время, вплоть до присоединения к России в начале XIX в., основой как общественной, так и политической организации. Для лезгин традиционным типом хозяйства было оседлое скотоводство и горно-долинное земледелие [25, с. 152].

Гражданами современной России является более 470 тыс. лезгин, из которых около 390 тыс. проживает в Дагестане. Около 9 тыс. человек расселено на территории Ставропольского края. Значительная доля лезгин (15,4%) проживает за пределами Северного Кавказа на остальной части России. На Белгородчине перепись 2010 г. зарегистрировала 438 представителей данного этноса. Лезгины являются самыми урбанизированными жителями Дагестана. Доли городского и сельского населения среди них практически равны и соответствуют 51% и 49%. Возрастные показатели в пользу молодежи в возрасте до 35 лет – 61,4% от общего числа лезгин. Среди лиц старше 15 лет высшее и послевузовское образование имеют 21,6%, среднее специальное – 27,8%, среднее – 32,8%, основное и начальное – 16,9%. Подавляющее большинство лезгин (92,9%) знает русский язык. Третья часть (32,3%) лезгин трудоспособного возраста источником своего существования называет трудовую деятельность, а личное подсобное хозяйство – 15,5%. В отличие от других дагестанских народов среди лезгин достаточно велика численность работающих в культуре, образовании, науке, а также управлении и финансах [25, с. 152].

Относительно небольшими коренными этносами Дагестана являются **лакцы** и **табасараны**. Лакцы называют себя «лак», у табасаранов самоназвание «табасаран». На землях, где издревле проживали лакцы, на рубеже VIII-IX вв. сформировалось так называемое Казикумухское шамхальство [111, с. 8]. С его распадом в XVII в. возникло Казикумухское ханство [274, с. 11]. После присоединения в 1820 г. к России оно в 1859 г. было преобразовано в отдельный округ Дагестанской области [206, с. 20]. Местность, где издревле проживали табасараны, известна под названием Табар-стан, что переводится как «вершинная область» [276, с. 520]. Этот народ под именем таваспары впервые упоминается в «Армянской географии» [391, с. 38]. По сведениям арабских писателей, в начале II тысячелетия существовало государственное образование Табасаран, от которого на рубеже XVI-XVII вв. отделилась часть территории [274, с. 11]. С этого времени сложилось два самостоятельных феодальных владения: Северный Табасаран, которым управлял кадий, и Южный, управляемый майсумом. В состав России они вошли в 1813 г. [244, с. 16-17, 22].

Основу хозяйствования у лакцев составляло отгонное овцеводство, разведение крупного рогатого скота и земледелие. Табасараны преимущественно занимались земледелием, которое после присоединения к России стало включать, помимо традиционных культур, кукурузу, картофель, табак [25, с. 164, 167].

Согласно последней переписи населения в Российской Федерации проживает 480 тыс. лакцев и 150 тыс. табасаранов. Почти 390 тыс. лакцев населяют центральную часть Нагорного Дагестана и частично равнину. Около 120 тыс. табасаранов живут в Юго-Восточном Дагестане и предгорной зоне.

Значительное число лакцев и табасаранов проживает в Ставропольском крае – 8 тыс. и 7 тыс. соответственно. Из общего числа обоих народов в России за пределами Северного Кавказа находится 15,4% лакцев и 11,3% табасаранов. На территории Белгородской области в 2010 г. представителей этих этносов насчитывалось 438 и 223 человека соответственно.

Значительную часть населения Северного Кавказа представляют народы, относящиеся к **алтайской языковой семье**. Эта семья на основе предполагаемой генетической сопринадлежности объединяет этносы, разговаривающие на тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и др. языках [417, с. 28]. В Северо-Кавказском регионе она представлена народами **тюркской группы**.

Самым крупным по численности этносом данной группы являются **кумыки**. Самоназвание – «кьумукьлар». Традиционным типом хозяйствования у кумыков являлось земледелие и отгонное скотоводство. Исповедуют суннитский ислам. Большинство ученых считают, что происхождение этого народа связано с процессами смешения в период раннего средневековья коренного населения предгорного Дагестана с тюркоязычными племенами, а затем хазарами [380, с. 115]. На начавшийся в XII-XIII вв. процесс формирования кумыков как этноса значительное влияние оказали тюркские племена половцев [25, с. 156]. После татаро-монгольского нашествия территории, где проживали кумыки, вошли в состав седьмого улуса Золотой Орды [19, с. 9]. После распада последней формируются кумыкские феодальные образования, самым большим из которых было созданное в конце XV в. Тарковское шамхальство, занимавшее территории от р. Терек до южных границ Дагестана [345, с. 121]. Его сюзеренитет признавался другими кумыкскими и иными владетелями Дагестана [274, с. 475]. Шамхальство просуществовало до XIX в., и даже после вхождения в состав России в 1813 г. некоторое время сохраняло статус государства [112, с. 20-21]. В отличие от многих народов Северного Кавказа кумыкская знать показала полную лояльность Российской империи в ходе Кавказской войны.

Сегодня в России насчитывается полмиллиона кумыков, более 430 тыс. из которых проживают на территории Дагестана. Значительное их число живет в соседних регионах: Чечне, Северной Осетии, Ставропольском крае. За пределами Северного Кавказа в России расселено 7,2% всех кумыков. На Белгородчине последняя перепись населения зафиксировала 66 представителей этого народа. Равное число (50,5% и 49,5%) кумыков проживает в городе и селе. Почти все (92,5%) владеют русским языком. Перспективы развития кумыков хорошие, поскольку 63,3% из них – это молодежь в возрасте до 35 лет. Показатели образования достаточно хорошие: высшее и послевузовское среди лиц старше 15 лет имеют 18,9%, среднее специальное – 28,6%, среднее – 28,8%, основное и начальное – 22,5%. Источником средств к существованию для 33% трудоспособных кумыков является трудовая деятельность, для 13,5% – личное подсобное хозяйство. При этом они широко представлены в культуре, здравоохранении, науке, связи и транспорте, общественном питании и торговле [25, с. 159].

Следующие два народа, о которых пойдет речь, настолько близки друг к другу, что говорить о каждом из них отдельно очень сложно. **Карачаевцы** и

балкарцы едины в своем уходящем в древнюю кавказскую и тюркскую историю происхождении. У них общие культурные традиции. Разговаривают оба народа практически на одном языке. Карачаевцы называют себя «карачайлы», балкарцы – «таулу» [236, с. 16].

Сложный карачаево-балкарский этногенез начался в I в. н.э., когда на Северо-Западный Кавказ пришли аланы, смешавшиеся с коренными племенами. В VI-VIII вв. сюда стали проникать племена болгар и другие близкие им тюркоязычные народы. Складывавшаяся народность в XI-XIII вв. как один из главных компонентов [160, с. 196] впитала в себя кочевников-кипчаков [174, с. 21]. Завершение процесса формирования карачаево-балкарской народности в XIII-XIV вв. совпало с нашествиями татаро-монгольских племен и полчищ Тамерлана. Несмотря на это, в XV веке Балкария и Карачай находились на пороге государственного образования и представляли собой сформировавшиеся самобытные этнокультурные общности [248]. Отметим, что феодальные отношения, сложившиеся в XIV-XVII вв., имели незавершенную форму и были закреплены только правом обычая [174, с. 24; 208, с. 172]. Оба народа практически одновременно вошли в состав Российской империи. В 1827 г. акт присяги русскому царю был принесен главами владельческих фамилий всех балкарских обществ [260, с. 25]. В 1828 г. на верность российскому императору присягнули карачаевцы [45, с. 112].

Суннитский ислам, заимствованный из Кабарды, проник и утвердился у балкарцев в XVIII в. [326, с. 53]. У карачаевцев под крымско-татарским влиянием только в XVIII в. началось распространение мусульманской религии, которая окончательно утвердилась в Карачае в начале XIX в. [381, с. 73]. Традиционным типом хозяйствования карачаевцев и балкарцев было отгонное скотоводство. Разводили коз, овец, крупный рогатый скот и лошадей. Наряду с этим балкарцы занимались горным земледелием, носившим подсобный характер [276, с. 224, 271-272].

Формирование государственности обоих народов связано с завершением Гражданской войны. В 1921 г. определился статус карачаевцев в рамках национально-территориальной автономии, когда был создан Карачаевский округ в составе Горской АССР. В 1922 г. была образована Карачаево-Черкесская автономная область, из которой через четыре года была выделена Карачаевская автономная область. Кабардино-Балкарская автономная область была образована в 1922 г., в 1936 г. она приобрела статус автономной республики в составе СССР. В 1922 была образована Кабардино-Балкарская автономная область, в 1936 г. преобразованная в АССР [195, с. 59, 81, 100, 101, 125]. В годы Великой Отечественной войны оба родственные народа подверглись насильственной депортации в Среднюю Азию. В связи с этим в 1943 г. Карачаевская автономная область была ликвидирована [62, с. 5], а в 1944 г. Кабардино-Балкарская АССР переименована в Кабардинскую АССР [329, с. 38]. После возвращения народов в 1957 г. была восстановлена Кабардино-Балкарская АССР и Карачаево-Черкесская автономная область. После распада Советского Союза 1991 г. оба региона приобрели статус республик в составе Российской Федерации.

Более 220 тыс. карачаевцев и более 113 тыс. балкарцев населяют Россию сегодня. В основном они проживают в своих республиках: в Карачаево-Черкесии живет 90% всех карачаевцев, 96,2% всех балкарцев живет в Кабардино-Балкарии. Около 16 тыс. карачаевцев населяет Ставропольский край. Всего за пределами Северо-Кавказского региона в России проживает 3,3% всех карачаевцев и 2,4% всех балкарцев. В нашей области по итогам последней переписи представителей этих народов было 21 и 6 человек соответственно. Соотношение городского и сельского населения показывает невысокую степень урбанизации. Так, 39,3% карачаевцев и 46,1% балкарцев проживают в городе. Показатели сельского населения равны 60,7% и 53,9% соответственно. И те, и другие в одинаково хорошей мере владеют русским языком – 95,3% и 96,2%. Демографические перспективы обоих народов хорошие, поскольку более половины карачаевцев (56%) и балкарцев (54,6%) – это молодежь в возрасте до 35 лет. Среди карачаевцев старше 15 лет высшее и послевузовское образование имеют 28,5%, среднее специальное – 25%, среднее – 28,1%, основное и начальное – 17%. Достаточно близкие показатели образования у балкарцев – 28%, 33,7%, 20,1%, 16,8% соответственно. Для 44,3% трудоспособных карачаевцев и 38,6% балкарцев источником средств к существованию является трудовая деятельность, а для 24,3% карачаевцев и 17,8% балкарцев – личное подсобное хозяйство.

Происхождение следующего народа тюркской группы – **ногайцев** – не связано непосредственно с Северным Кавказом, однако его формирование неотделимо от истории коренного населения региона [380, с. 117]. Самоназвание ногайцев – «ногай». Происхождение слова связано с именем золотоордынского правителя Ногая. Появление этнонима зафиксировано только в конце XV в. [79, с. 76], но до этого ногайцы прошли долгий путь своего становления. Многочисленные тюркоязычные кочевые племена, ставшие этнической основой ногайцев, мигрировали на обширных территориях Северо-Западной Монголии, Средней Азии, Прииртышья и Северного Кавказа [274, с. 492-493]. Существенными компонентами формирования этноса в IX-XI вв. были печенежские племена, в XI-XIII вв. – половецкие, в XIII-XV вв. – золотоордынские [180, с. 35]. В результате распада Золотой Орды в XV в. сформировалось кочевое государственное образование, получившее название Ногайская Орда [168, с. 22]. Уже через сто лет произошел раскол на Большую Ногайскую Орду и Малую Ногайскую Орду [20, с. 7], после чего основным районом обитания ногайцев стали северокавказские степи. Отношения обоих улусов с Россией были сложные. В период второй половины XVI – первых десятилетий XVII в. намечались тенденции к возрастанию зависимости и вхождению ногайцев в состав России [370, с. 17]. Еще с X-XI вв. среди предков ногайцев стал распространяться суннитский ислам, утвердившийся в XV-XVI вв. в Ногайской Орде окончательно [181, с. 21]. Основным традиционным занятием ногайцев было кочевое и отгонное скотоводство. Разводили лошадей, овец, верблюдов, крупный рогатый скот [276, с. 93].

Более 100 тыс. современных ногайцев расселены на Северном Кавказе: в Дагестане их проживает более 40 тыс., в Ставропольском крае – 22 тыс., Карачаево-Черкесии – 16 тыс. человек. За пределами региона, преимущественно в

Южном Поволжье, живет 21% всех ногайцев. В 2010 г. на территории Белгородской области их насчитывалось 8 человек. Ногайцы слабо урбанизированы: 71,4% – селяне и 28,6 – горожане. Почти все (94,6%) владеют русским языком. Ногайцы как этнос имеют хорошие перспективы развития, поскольку 59,3% из них – это молодежь в возрасте до 35 лет. Показатели образования достаточно хорошие: высшее и послевузовское среди лиц старше 15 лет имеют 16,4%, среднее специальное – 28,8%, среднее – 28,7%, основное и начальное – 25%. Источником средств к существованию для 35,9% трудоспособных ногайцев является трудовая деятельность, для 15,6% – личное подсобное хозяйство. Последний показатель, на наш взгляд, плохо соотносится с числом лиц, живущих в сельской местности.

Индоевропейская языковая семья достаточно широко распространена в мире и присутствует на всех континентах [417, с. 186]. На Северном Кавказе она представлена народами нескольких групп: армянской, греческой, иранской, славянской.

Мы остановимся на иранской группе, в которой самым большим этносом в регионе являются **осетины**. Общего самоназвания в среде осетин нет, распространены два этнических имени – «дигорон» и «ирон», которые соответствуют западной и восточным группам народа [79, с. 108-109].

Мы уже говорили в первом параграфе, что этногенез осетин связан с приходом на Центральный Кавказ ираноязычных аланов. Согласно самой распространенной точке зрения средневековая осетинская народность сложилась из аланов и коренных горцев, которые были ассимилированы ими. Новый этнос, создавший свое государство, сохранил иранский язык и некоторые аланские культурные традиции [97, с. 52]. Алания в первой трети XIII в. попала под иго Золотой Орды и в конце XIV в. была окончательно разгромлена Тамерланом [169, с. 24-25]. Из оттесненных в горные ущелья Центрального Кавказа аланов в XV-XVI вв. сложились осетинские «общества». На северных склонах образовалось четыре крупных общества, на южных – много мелких, попавших в зависимость от грузинской знати [170, с. 86-87]. Путешественники XVIII в. отмечали, что у осетин народ находится под главенством князей или избранных старейшин. Так же, как у адыгов, эта разница в устройстве обществ закрепились в наименовании одних «аристократическими», других – «демократическими» или «республиканскими» [284, с. 76]. В это время начинали оформляться русско-осетинские отношения. Была создана «Осетинская духовная комиссия», занимавшаяся миссионерской деятельностью по христианизации осетин [228, с. 334]. В Петербурге в 1749-1752 гг. работало осетинское посольство, через которое к российскому правительству обращались с просьбами о принятии осетинами русского подданства и об их переселении по причине малоземелья на предгорные равнины. В результате успешно завершившейся Русско-турецкой войны и русско-осетинских переговоров Осетия в 1774 г. вошла в состав Российской империи [52, с. 109, 193].

Официально считается, что осетины приняли христианство в 921 г., но после падения Алании и переселения в горы в отрыве от христианских центров они стали возвращаться к язычеству. После вхождения в состав России христианство

в Осетии стало возрождаться [37, с. 261-262]. Традиционным типом хозяйства осетин было земледелие, а в горах – отгонное скотоводство [276, с. 300].

Формирование государственности осетинского народа началось после революционных событий в России. В ходе Гражданской войны и установления советской власти Осетия была разделена по Кавказскому хребту на две части. Южная часть попала под юрисдикцию Грузии, северная – РСФСР. Территории последней в 1921 г. были оформлены в Осетинский округ в составе Горской ССР. В ходе административных преобразований 1925 г. была создана самостоятельная Северо-Осетинская автономная область, которая в 1937 г. приобрела статус автономной республики [195, с. 59, 105, 125]. В ходе перестройки она стала в 1991 г. союзной республикой, а в 1993 г. вошла в состав Российской Федерации под названием Республика Северная Осетия.

Южная часть обрела статус автономной области в составе Грузинской ССР в 1922 г. С незначительными изменениями в названии, но без изменения статуса Юго-Осетинская АО была в составе Грузии до 1990 г. Сложные политические процессы, рост сепаратизма и национализма в Грузии, а также последовавший распад СССР привели к провозглашению в 1991 г. независимости Республики Южная Осетия.

Сегодня в Российской Федерации проживает более полумиллиона осетин, из них 460 тыс. – в Северной Осетии. Значительное количество живет в Кабардино-Балкарии и на Ставрополье. Всего за пределами Северного Кавказа на российской территории расселено 8,9% осетин. В Белгородской области в 2010 г. их проживало 330 человек. Преобладает городское население: 64,3% горожан и 35,7% селян. Почти все (96,9%) владеют русским языком. Перспективы развития осетинского этноса достаточно хорошие, поскольку почти половину из них (49,1%) представляет молодежь в возрасте до 35 лет. Осетины очень хорошо образованы: высшее и послевузовское среди лиц старше 15 лет имеют 29,9%, среднее специальное – 34,7%, среднее – 17,8%, основное и начальное – 16,9%. Источником средств к существованию для 57,6% трудоспособных осетин является трудовая деятельность, для 10% – личное подсобное хозяйство. При высокой урбанизации и образованности этноса естественным представляется процесс перераспределения трудовых ресурсов из промышленности и сельского хозяйства в сферы культуры, образования, здравоохранения, науки и управления [25, с. 203].

Мы кратко рассмотрели историю и современное состояние самых больших по количеству северокавказских этносов. Многие аспекты, характеризующие эти народы, намерено не затронуты, поскольку речь о них пойдет в следующих параграфах. Вне нашего внимания остались славянские народы, армянская, грузинская и греческая диаспоры, а также небольшие этносы Северного Кавказа, чья численность не превышает нескольких десятков тысяч человек.

1.3. СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Для того чтобы разбираться в специфике сложных межнациональных отношений, особенностях взаимодействия между субъектами рассматриваемого региона, сути происходящих на Северном Кавказе, событий необходимо знать их предысторию. Мы кратко рассмотрели исторические процессы северокавказской древности и средневековья, а также этногенез проживающих здесь народов. Еще одним важным историческим аспектом представляется выстраивание отношений России с Северным Кавказом, приведших к его присоединению и дальнейшему совместному развитию.

Географическое расположение Кавказа всегда придавало ему характер важного стратегического региона, где пересекались экономические и военно-политические интересы многих государств. Народы, проживающие на этой территории, очень часто становились заложниками этих интересов. Тот, кто владел Кавказом, контролировал значимые торговые пути, имел выходы к двум морям. Развивающееся российское государство в течение нескольких веков продвигалось на Кавказ [67, с. 43]. Темпы и направления этого движения были различными, но многие важные этапы развития российской государственности «отмечены моментами, имевшими "кавказский акцент"» [68, с. 11].

К IX в. на побережье Каспийского моря, благодаря выгодному географическому положению, возникло несколько крупных городов: Абаскун, Астрабад, Дербент, Семендер. Это были центры мировой торговли, через которые осуществлялись экономические связи среднеазиатских рынков Багдада, Бухары, Самарканда с древнерусскими городами, а через них – с европейскими. Русские купцы не оставались в стороне. Первый арабский географ, живший в IX в., Ибн Хордадбех писал о купцах «ар-рус», провозивших свои товары через Каспийское море, доставляя их в различные города Средней Азии. Предметом их торговли были «заячьи шкурки, шкурки черных лисиц и мечи» [147, с. 124]. Благодаря купцам древнерусские правители были хорошо информированы об этих территориях, их народах и уровне их развития. Эти знания частично отразились в летописях, описывавших проживавшие там этносы [18, с. 14].

Постепенно Северный Кавказ начинает занимать важное место во внешней политике Древней Руси. С целью укрепления своего политического и экономического влияния в Прикаспийском регионе во второй половине IX – первой половине X вв. древнерусские князья совершили три окончившихся неудачей военных похода в Табаристан, находившийся на южном берегу Каспийского моря. Только поход, предпринятый в 943-944 гг. на крупный экономический центр Кавказской Албании город Берда'а, оказался для руссов удачным [130, с. 20]. В 965 г. князь Святослав, разгромив болгар и разорив хазарскую столицу Итиль, по Каспию добрался до города Семендера на территории современного Дагестана. Затем вдоль Кавказа он двинулся на запад к Азовскому морю. Святослав установил прочную, продлившуюся до монгольского нашествия связь с кавказскими племенами асов и кософов. Созданием Тмутараканского княжества было положено начало постоянному русскому присутствию в регионе [291, с. 93-94]. Княжество стало центром, через который осуществлялись военно-по-

литические, экономические и культурные связи Древней Руси с народами Северного Кавказа.

Дальнейшему развитию этих отношений помешал ряд причин внутреннего и внешнего характера. Древнерусское государство вступило в период раздробленности, что не способствовало активной и целенаправленной внешней политике. В начале XII в. Тмутараканское княжество было захвачено Византией. А татаро-монгольское нашествие в XIII в. приостановило взаимодействие Руси с северокавказскими народами.

Изменения наступили после Куликовской битвы 1380 г., положившей начало освобождению Руси от золотоордынской зависимости. Как всегда первыми в этом процессе были предприимчивые люди. Есть свидетельства пребывания в 1404 г. русских купцов в Дербенте. В 70-е гг. через Дербент пролегал путь знаменитого тверского купца Афанасия Никитина. Восстанавливались и политические отношения. В 1465-1466 гг. Иван III и правитель Ширвана, куда тогда входила часть Южного Дагестана, ширваншах Фаррух-Ясар обменялись посольствами. В 90-е гг. в Москву прибывают закавказские посольства – кахетинского князя и шемахинского ширваншаха. В 1489 г. были установлены русско-ногайские отношения [160, с. 273-275].

В первой половине XVI в. началось стихийное русское продвижение в южные степи. Появились первые поселения на Дону и в верховьях Сунжи, положившие начало формированию Донского казачества – защитников Юга Московского государства. Во второй половине XVI в. возрождается постоянный интерес к Кавказу и с российской стороны [203, с. 3]. Это было связано с внешней политикой Ивана Грозного, главной особенностью которой стало расширение территории государства. Народы Северного Кавказа, испытывая в это время наибольшую угрозу со стороны Османской империи, ее вассала Крымского ханства и Ирана, видели в усиливавшемся Московском государстве своего защитника [343, с. 12].

Показательно, что буквально через месяц после падения Казани в 1552 г. в Москву прибыли черкесские князья. И просили они не помощи в борьбе с Крымским ханством и османами, а принятия в российское подданство [208, с. 202-203]. Адыгские народы уже тогда понимали, что их спасение в присоединении к России. После возвращения в 1555 г. специального московского посланника, подтвердившего присягу на верность Руси, Иван Грозный подтвердил принятие адыгских народов в свое владение [160, с. 332-333].

Значимость Московского государства на Северном Кавказе усилилась после падения Астраханского ханства в 1556 г. О принятии в подданство и защите от внешних врагов в 1557 г. просили дагестанские и кабардинские правители [405, с. 11]. Определенный вклад в процесс развития отношений с Кавказом внес второй брак Ивана Грозного, женившегося на кабардинской княжне Кученей, крещенной как Мария [342, с. 208]. С 1559 г. царские войска по просьбам местной элиты присутствуют в регионе. Ими в 1589 г. в устье реки Терек для обороны южных границ Московского государства была построена крепость Терки (Терский городок) – первый Российский форпост на Северном

Кавказе [92, с. 48]. Здесь начался процесс складывания сначала терского, а затем и гребенского казачества, завершившийся в следующем столетии.

В годы Смутного времени российское государство не имело возможности уделять должного внимания северокавказскому направлению внешней политики. И все же, несмотря на трудности в противостоянии польско-литовскому вторжению, русские войска в регионе, пусть в меньшем количестве, но присутствовали [160, с. 343]. После воцарения новой династии возобновились обращения кавказских народов за посредничеством и военной поддержкой в борьбе с агрессивными соседями – Крымским ханством и Турцией. Продолжали поступать просьбы о принятии в подданство. Михаилу Романову в самом начале его царствования присягу принесли западные черкесы, в конце правления – абазины. Алексею Михайловичу присягнули в 1645 г. Малая и Большая Кабарда [350, с. 21]. Уже в полном титуле Алексея Михайловича указывалось, что он государь и обладатель «Кабардинские земли, Черкасских и Горских князей» [64, с. 233].

Начало XVIII в. ознаменовано длительной Северной войной за выход к Балтийскому морю. Поэтому к кавказскому направлению во внешней политике Россия вернулась только после победы над Швецией. Победоносный Персидский поход Петра I в 1722-1723 гг. завершился подписанием договора, по которому Россия приобретала западное и южное побережье Каспийского моря с городами Дербент, Баку и др. [57, с. 156-157]. Но эти территории в противовес Турции в 1735 г. правительством Анны Иоанновны были возвращены Ирану [26, с. 272-273].

Утверждение России в регионе в последующем шло по пути усиления военно-казачьей колонизации. Для укрепления границ в 1736 г. было начато строительство крепости Кизляр, положившее начало возведению Кавказской линии. Уже при Екатерине II в 60-е гг. были возведены военные укрепления от Кизляра до Моздока, основанного в 1763 г. [350, с. 25].

Почти все многочисленные русско-турецкие войны XVIII – начала XIX вв., независимо от их целей, театра военных действий и результатов, в какой-то мере затрагивали Северный Кавказ, где Российская и Османская империи оставались главными соперниками.

В 1774 г. согласно Кючук-Кайнарджирскому договору с Турцией к России отошел правый берег Кубани и Кабарда [152, с. 273]. Почти сразу же правительство приступило к строительству Азово-Моздокской укрепленной линии. Несмотря на военное сопротивление кабардинской знати, линия крепостей протянулась от устья Дона до Терека. Началось активное освоение новых земель крестьянами, прибывавшими из внутренних губерний России, а также европейскими колонистами и христианскими переселенцами из Закавказья [327, с. 1, 22].

После присоединения Крыма к Российской империи все крепостные укрепления составляли единую линию от Черного до Каспийского моря. Новые земли нуждались в особой системе управления. С этой целью в 1785 г. Екатерина II создала особый орган административно-территориального управления – Кавказское наместничество [233, с. 20].

Отношения с местными народами складывались далеко не однозначно. Главную сложность представляла позиция горской феодальной знати, которая пыталась лавировать между интересами двух империй, занимая то протурецкую, то прорусскую позицию [350, с. 29].

Были случаи, когда местная элита использовала российские вооруженные формирования для подавления социальных выступлений своих народов. В 1792 г. вспыхнуло восстание шапсугских крестьян против своего дворянства. Последние бежали в Санкт-Петербург и обратились за помощью лично к Екатерине II, не отказавшей им в поддержке. В решающем сражении в 1796 г. на р. Бзюнок (близ нынешнего Краснодара) против восставших на стороне феодалов выступал отряд казаков с артиллерией, обеспечивший победу знати [135, с. 27].

Нередко вспыхивали восстания, направленные против российской администрации. Так, в 1794 г. началось антиколониальное восстание всех слоев кабардинского общества, которое с небольшим перерывом длилось до 1807 г. К восставшим присоединилось исламское духовенство. События приобрели религиозную окраску и получили название шариатского движения, поскольку восставшие требовали введения духовного суда мехкеме [122, с. 50].

В течение XVIII столетия российское влияние на Кавказе стало преобладать и превосходить позиции Ирана и Турции. Если целью Московской Руси на Северном Кавказе было укрепление своих южных границ, то уже Российская империя приступила к его завоеванию и колонизации, сопровождавшейся переселением на новые земли не только казаков, но также государственных и крепостных крестьян [12, с. 11-17]. Продолжая оставаться ареной серьезных противоречий между традиционными соперниками в регионе, кавказские проблемы все более перемещались для российских властей во внутривосточную сферу [67, с. 48].

В начале XIX в. Российская империя укрепила свои позиции в Грузии, присоединила Северную часть Азербайджана. Между этими территориями и Предкавказьем оставался неконтролируемый регион Большого Кавказа. Вполне логичным было желание России присоединить этот «анклав» горских народов, ситуация в котором была очень сложной. Соперничество между собой местных феодалов и общинной знати рождало междоусобицу и феодальную анархию. Это сопровождалось грабежами, разбоем, набегами на казачьи станицы и укреплением Кавказской военной линии.

С решением новой геополитической задачи связан самый сложный этап кавказской политики Российской империи, получивший название «**Кавказская война 1817-1864 гг.**» [379]. Спецификой этой войны, отличавшей ее от классических войн, был ряд признаков. Во-первых, у северокавказских народов не было военной организации европейского типа. Поэтому генеральных сражений, приносящих решительную победу какой-либо стороне, фактически не было [214, с. 20]. Во-вторых, русским войскам далеко не всегда приходилось иметь дело с четко опознаваемым противником. Сложно было понять, кто есть враг, а кто есть друг или нейтрал. В-третьих, в военное противостояние между войсками и горцами вмешивались отношения бесконечных междоусобиц между местным населением [117, с. 119].

Начало войны, как правило, связывают с назначением в 1816 г. на должность главнокомандующего русскими войсками и управляющим по гражданской части на Кавказе известного генерала А.П. Ермолова.

В рамках реализации согласованной с Александром I программы А.П. Ермолов перенес линию укреплений с Терека на Сунжу, для чего были построены крепости Грозная и Внезапная. С целью упрощения контроля над горной территорией в лесах рубились просеки. Для быстрого перемещения войск строились дороги, делающие горные селения досягаемыми для армейских подразделений. Еще одной важной составляющей, вызвавшей особое недовольство местного населения, стало насильственное переселение горцев на равнинные территории, где под присмотром гарнизонов их сопротивление резко снижалось [213, с. 58].

Основной тактикой чеченцев, черкесов и адыгов были набеги, отличавшиеся откровенно варварскими методами. В ответ русскими войсками предпринимались репрессии в виде экзекуционных и превентивных «частных экспедиций» [214, с. 21], носивших открыто карательный характер, сопровождавшихся также излишней жестокостью.

Достаточно быстро противостояние со стороны горцев стало приобретать религиозный характер священной войны с неверными. Как реакция на ермоловскую стратегию в 1825 г. вспыхнуло восстание горцев Чечни и Северного Дагестана. Первоначально восставшие требовали возвращения земель, захваченных при постройке крепости Грозная и других укреплений по р. Сунже. Некоторые служители ислама поддержали повстанцев и призвали к военному джихаду против русских. Восстание было подавлено после разгрома горского ополчения [334, с. 117].

Идеи священной войны подхватил объявленный в 1828 г. имамом Гази-Магомед, чьи последователи – мюриды – стали основными военными силами в дальнейшем противостоянии России. На основе исламского вероучения он выдвинул социально-политические лозунги равенства всех мусульман, уничтожения наследственной власти местной аристократии и подчинения только духовным лидерам, объединения всех правоверных для бескомпромиссной священной войны (газавата) против русских [96, с. 23]. Гази-Магомед лично командовал дерзкими и внезапными рейдами на территорию, подчиненную имперским властям. Так, он захватил Кизляр, взял в осаду Дербент. Однако в 1832 г. при штурме его родного села Гимры Гази-Магомед был убит [115, с. 20].

Принявший титул имама Гамзат-бек не обладал ни значительными военными силами, ни большим влиянием. Его мероприятия против российских войск были малоэффективными. Предпринятый им в 1834 г. поход в Аварское ханство с целью принудить его руководство выступить против России оказался неудачным. После того, как Гамзат-бек уничтожил аварскую правительницу и ее сыновей, он был убит по законам кровной мести [91, с. 98-101].

Третьим имамом в 1834 г. стал Шамиль – человек глубоко верующий, хорошо образованный, отважный, физически очень крепкий и выносливый, обладавший значительным военным опытом. Он сумел создать на территории Дагестана и Чечни сильное военно-теократическое государство. На основе воинской повинности были организованы вооруженные силы, численность кото-

рых временами достигала несколько тысяч человек. На основе строгого подчинения была создана система административного управления имамата, который делился на округа и наибства [115, с. 24, 26]. Однако это государство опиралось преимущественно не на социально-экономические и политические основы, а на идеологию (религию). Исламский фактор имел решающее значение. Он конкретизировался в главных задачах: войне с неверными, борьбе за распространение своей религии, замене обычного права шариатом. Шамиль, несомненно, обладал полководческим талантом. Он сумел, исходя из особенностей его армии, разработать собственную тактику войны, главной целью которой было избегание крупных столкновений, недопущение наступления противника, изматывание его сил в бесконечных стычках и налетах, расширение набеговой системы [96, с. 25].

Военные действия во второй половине 30-х гг. XIX в. для отрядов Шамиля были не очень удачными. Они были вытеснены русским Кавказским корпусом из большей части Аварии. В 1837 г. власть имама распространялась только на часть Нагорного Дагестана, где в ауле Ахульго, окруженном с трех сторон неприступными горами, находилась хорошо укрепленная резиденция Шамиля. В 1839 г. Ахульго был осажден и подвергнут штурму, но имаму со своей семьей и несколькими мюридами удалось спастись [223, с. 28-29].

Российское командование расценило эти события как полную победу и приступило к жесткой политике в отношении горцев. В ответ весной 1840 г. началось стихийное восстание в Чечне, перекинувшееся в Нагорный Дагестан. Шамиль использовал новую ситуацию и возглавил движение. Его влияние быстро распространилось на всю Чечню. Имамат был восстановлен [303, с. 281].

Следующее десятилетие было временем самых больших военно-политических успехов имамата. Войска Шамиля совершили ряд удачных набегов на территорию Грузии, нанесли несколько серьезных поражений русским войскам. Расширились границы имамата, куда вошли Авария и Нагорный Дагестан. Пытаясь увеличить границы своего влияния вплоть до Черкессии, Шамиль в 1846 г. вторгся в Осетию и Кабарду. Но здесь местное население ему отказалось подчиняться, и грандиозная военная операция превратилась в обычный грабительский набег [53, с. 459-460].

Во второй половине 40-х гг. российская сторона приходит к выводу о необходимости менять тактику борьбы с непокорными горцами. Она заключалась, с одной стороны, в планомерном продвижении в горы путем вырубki лесов, что сужало кольцо вокруг имамата. С другой – в разделении горцев через установление отношений сотрудничества с вождями и их откровенном подкупе. Это коснулось в первую очередь самого близкого окружения Шамиля. Его наибы на выгодных для себя условиях стали переходить к противнику, как это сделал известный наиб Аварии Ходжи-Мурат [96, с. 27].

К сказанному добавилась сложная социальная ситуация внутри самого имамата. Политика духовенства и наибов, превратившихся в крупных феодалов, своими увеличивавшимися податями разоряла народ. Имамат Шамиля слабел, теряя поддержку низов горского общества [115, с. 29, 31].

Началось вытеснение Шамиля в горные районы Дагестана, которое было приостановлено в 1853 г. очередной русско-турецкой войной. На эту войну, как и помощь Турции, имам возлагал большие надежды. Пользуясь ситуацией и собрав большое войско, Шамиль в 1854 г. двинулся в Южный Дагестан, откуда небольшими отрядами совершил набег в Кахетию. Это было фактически последнее удачное военное предприятие имама, после которого он активные действия практически прекратил [303, с. 464-465].

Завершение войны справедливо связывают с деятельностью назначенного в 1856 г. наместником Кавказа А.И. Барятинского. Свои наступательные операции он умело сочетал с тонкой дипломатией, налаживанием добрых отношений с бывшими сподвижниками Шамиля. Горцы стали отходить от имама и даже поднимать восстания против него. После неудачного сражения весной 1859 г. за аул Ведено и восстания против него в Северном Дагестане Шамиль ушел в Южный Дагестан. С отрядом в 400 человек он укрылся в ауле Гуниб, где был окружен и после решительного штурма русских войск 25 августа 1859 г. был вынужден сдаться в плен [118, с. 266]. «Гуниб взят, Шамиль в плену и отправлен в С. Петербург», – докладывал по телеграфу А.И. Барятинский Александру II [401, с. 15].

Пленение Шамиля стало решающим для завершения Кавказской войны событием, хотя она длилась еще почти пять лет. Официальной датой ее окончания считается 21 мая 1864 г., когда состоялся символический парад победы в Красной Поляне под Сочи. Метастазы войны в виде отдельных очагов сопротивления имели место вплоть до 1884 г. [407, с. 64-65].

Столь длительная война привела к значительным боевым потерям. Число погибших, взятых в плен и пропавших без вести в русской армии составило 77 тыс. солдат и офицеров [96, с. 29]. Точное число погибших горцев неизвестно, но это также десятки тысяч человеческих жизней. Кроме того, многие районы, особенно Западного Кавказа, в результате массового переселения их жителей в Турцию обезлюдели [213, с. 77]. Нет статистики и материального ущерба, причиненного войной.

Тем не менее результаты войны открывали для горцев перспективы лучшие, чем любые иные сепаратистские проекты. Россия не ставила задачу менять верования, традиции и культуру народов. Напротив, целью было приобщение местного населения к своему государству через развитие экономических, социокультурных и гражданских связей [411, с. 9]. Реформы, проведенные через несколько лет после окончания войны, определили развитие северокавказского общества, его устройство вплоть до революционных событий XX в. [350, с. 48].

Советское время для народов Северного Кавказа представляется не менее сложным и противоречивым, где есть и отрицательные, и положительные составляющие.

В предыдущем параграфе мы уже рассматривали историю формирования государственности северокавказских народов. Практически все крупные этносы региона в этот период в той или иной форме получили собственную или разделенную с близким народом автономию.

В 20-е гг. XX в. партийное руководство стало проводить в национальном строительстве политику «коренизации», которая имела два основных направления. Во-первых, в отличие от императорской России, проводившей русификацию управления горскими народами, советское руководство стремилось вовлекать в работу партийных и административных органов местные кадры. Во-вторых, советская власть активно реализовывала планы строительства национальных школ всех уровней, расширяла сферу использования национальных языков [364, с. 41]. Несмотря на «перегибы и издержки», политика коренизации способствовала национальной консолидации и культурному развитию северокавказских народов, актуализации национальных интересов [390, с. 106, 110]. Этот вариант социокультурной интеграции региона в советское общество имел серьезное противоречие, поскольку задача развития этнокультур ставилась одновременно с задачей интернационального сближения народов [406, с. 7].

Внутренняя политика, проводимая центром в 20-30-е гг., объективно не могла не встретить противодействия в стране, и особенно на Северном Кавказе. В регионе, где большая часть населения была занята в аграрном секторе, в первую очередь неприятие вызвала коллективизация и раскулачивание. Сопротивление началось практически сразу и приняло известные в прошлом формы. В эти годы вспыхнул целый ряд восстаний, в которых участвовали чеченские, ингушские, карачаевские, дагестанские крестьяне. Выступления жестко подавлялись армейскими частями и спецотрядами НКВД, после чего сопротивление коллективизации приняло характер партизанской борьбы [148, с. 173-175].

Протест вызывали и другие мероприятия советской власти. Покушение на традиционный уклад жизни, обычаи горцев, особенно борьба с религией, которая велась по всей стране, – все это драматично воспринималось верующими мусульманами. Во второй половине 20-х гг. была проведена конфискация земель и имущества мечетей, а также религиозных пожертвований. Началось притеснение духовенства. Оно было лишено избирательных прав и судебных функций. Находившиеся в его ведении религиозные школы были переведены в систему светского образования [227, с. 87-88]. Исламские священники, как и представители национальной интеллигенции, стали первыми жертвами массовых репрессий 30-х гг. По данным НКВД, в 1938-1939 гг. на Северном Кавказе около 3% населения находились в заключении либо были осуждены [350, с. 68-70].

Народное недовольство, стремление сберечь свою религиозную и этническую самобытность формировали традиционалистские и националистические настроения, которые приняли среди части северокавказского населения антисоветскую форму и остро проявились в годы Великой Отечественной войны. Правящий режим в этом увидел повод и конъюнктурное объяснение для насильственного решения этнополитических проблем региона [329, с. 28].

Одна из самых трагичных страниц в жизни северокавказских народов – это массовые репрессии по национальному признаку, принявшие форму этнических депортаций – насильственных переселений. Целый комплекс внутривнутриполитических проблем современной России напрямую связан с их последствиями. Сложность их разрешения заключается в том, что травматический опыт

депортации коренным образом повлиял на развитие национального самосознания пострадавших народов [321, с. 131-132].

Главным поводом к насильственной депортации некоторых северокавказских народов было пособничество фашистам во время оккупации, а также участие в боевых действиях на стороне врага созданных немцами национальных остлегионов [267, с. 24]. Целые народы, включая детей, стариков и женщин, стали ответственными за преступления, совершенные небольшими группами их представителей.

В ноябре 1943 г. в Казахстан и Киргизию было выслано 68 614 (15 987 семейств) человек карачаевцев, в том числе мужчин – 12 500, женщин – 19 444 и детей – 36 670 [352, с. 403]. В день Красной Армии и Флота, 23 февраля 1944 г., началась спецоперация по депортации чеченцев и ингушей. Было выселено 478 479 человек, из них 91 250 ингушей и 387 229 чеченцев [352, с. 453]. В марте 1944 г. было выслано к местам нового поселения в Казахскую и Киргизскую ССР 37 103 балкарца [352, с. 486].

Выселения сопровождалась ничем не объяснимой жестокостью. Так, в чеченском ауле Хайбах собранные из нескольких селений женщины с детьми, беременные, больные и престарелые жители, из-за отсутствия транспорта и их неспособности совершить трехдневный переход по горным тропам, были собраны в большом колхозном сарае и заживо сожжены [314].

Следствием депортации стала масштабная гибель людей. В пути и на месте высылки из-за голода, холода, антисанитарии и болезней погибли тысячи человек. Прямые потери от депортации составили: у чеченцев – 125 477, у ингушей – 20 284, у карачаевцев – 13 141, у балкарцев – 7 594 человека. Огромный ущерб от депортации был нанесен демографическому потенциалу этносов. Долгосрочные демографические потери составили: у чеченцев – 31,5%, у ингушей – 27,2%, у карачаевцев – 21,2%, у балкарцев – 18,4% [410, с. 302].

Помимо физического уничтожения народов следует говорить о разрушении всей структуры их социально-экономического и культурного развития, о нанесении колоссального материального и морального ущерба. Политические потери состояли в ликвидации автономных образований депортированных этносов. Для невозможности восстановления прежней государственности «освободившиеся» территории перекраивались и добровольно-принудительно заселялись соседними народами. Тем самым был создан клубок противоречий для будущих поколений [328, с. 110-111].

О депортации как о «попрании основных ленинских принципов национальной политики» заговорили уже после смерти ее организатора И.В. Сталина [281, с. 151]. Во второй половине 50-х гг. шел процесс реабилитации и возвращения высланных народов. Восстановление прав имело ограниченный характер: «имущество было возвращено только частично по добровольному согласию с новожителями, компенсации были скудными, автономии были восстановлены, но в разных территориальных конфигурациях, некоторые горные районы остались закрытыми для возвращения» [350, с. 76]. Прежнюю национально-территориальную картину, статус-кво воссоздать было невозможно.

Сложные ситуации, связанные с возвращением в родные места, решались либо благодаря жесткому контролю государственных органов, либо не решались вообще, а загонялись вглубь, создавая внешнюю иллюзию благополучия. Время от времени они прорывались в виде просьб и ходатайств, выражения протестов и даже межнациональных столкновений.

Одной их самых серьезных и актуальных до настоящего времени стала проблема Пригородного района, который после депортации проживавших там ингушей отошел к Северо-Осетинской АССР, но после реабилитации не был возвращен Чечено-Ингушской АССР. Под предлогом того, что район сросся с осетинской экономикой, ингуши были лишены 1/6 своей прежней территории [306, с. 161].

В конце 1972 г. группа ингушских коммунистов направила в ЦК КПСС письмо с обоснованием и просьбой о возвращении Пригородного района [299]. Уже с требованием о возвращении в январе 1973 г. в г. Грозном собрался несанкционированный митинг, в котором участвовало 400 ингушей из Пригородного района Северной Осетии [298]. События развивались в течение трех суток и закончились разгоном и уголовным наказанием организаторов.

Антиингушский характер носили учиненные в октябре 1981 г. в столице Северной Осетии беспорядки, поводом для которых стало убийство водителя-осетина [394, с. 127]. Его похороны стихийно превратились в протест, а затем переросли в широкомасштабные действия экстремистского и хулиганского характера. Силами армии, милиции и курсантов военных училищ трехдневные выступления были подавлены [230].

Эти события должны были показать руководству страны, что в осетино-ингушских отношениях существуют серьезные противоречия [372, с. 163]. Но их предпочитали не замечать, рассчитывая удерживать ситуацию силовыми способами. Противоречия между двумя народами вновь серьезно обострились уже после распада СССР и раздела Чечено-Ингушской АССР на отдельные республики.

В начале 90-х гг. участились различные осетино-ингушские эксцессы, в том числе с человеческими жертвами. Главным поводом для разразившегося открытого вооруженного конфликта была гибель тринадцатилетней ингушской девочки под колесами бронетранспортера осетинской милиции. 31 октября 1992 г. отряды ингушского ополчения, перейдя административную границу, вторглись в Пригородный район [394, с. 161]. В течение нескольких дней велось военное противостояние, сопровождавшееся с обеих сторон убийствами, захватом заложников, грабежами и т.п. После вмешательства регулярной армии и внутренних войск 6 ноября были подавлены все очаги боевых действий. В ходе вооруженного столкновения погибли 583 человека, в том числе 350 ингушей и 192 осетина, ранены – 939, стали заложниками – 1697, в их числе 708 ингушей и 989 осетин [46, с. 143].

На территории Северной Осетии и Ингушетии было введено чрезвычайное положение, вдоль границы была установлена буферная зона, а также создана Временная администрация. Только в январе 1993 г. начались переговоры между конфликтующими сторонами [306, с. 185]. За время, прошедшее после

горячей фазы конфликта, заключались различные договоренности, подписывались соглашения, принимались программы, однако все имеющиеся проблемы до сих пор не решены [409, с. 314-315].

Начавшийся в СССР в начале 90-х гг. «парад суверенитетов» достаточно быстро перекинулся и на автономии РСФСР. Наиболее радикально события стали развиваться в Чеченской Республике. Воспользовавшись сложной ситуацией августовского путча 1991 г., чеченская националистически настроенная элита в сентябре добилась роспуска Верховного Совета Республики и передачи власти созданному Общенациональному конгрессу чеченского народа [396, с. 16]. Уже в конце октября были спешно проведены выборы президента, которым стал генерал-майор авиации в отставке Д. Дудаев. Его первым указом объявлялся суверенитет Чеченской Республики. В срочном порядке началось формирование собственной армии, вооружавшейся за счет захваченных арсеналов Советской Армии [405, с. 458].

В это время в Москве шел процесс перехода власти от союзного к российскому руководству, поэтому должного внимания к проблемам далекого южного региона не смогли уделить. И хотя независимость провозглашенной Республики Ичкерия никем не признавалась, российская элита, занятая приватизацией и залоговыми аукционами, активных действий против дудаевского режима не предпринимала. Ситуация изменилась, когда в Чечне национализм переродился в криминальный произвол и уничтожение нечеченского населения [198, с. 4].

Первая чеченская военная кампания началась 11 декабря 1994 г. К чеченским боевикам из-за рубежа шла денежная поддержка, съезжались исламистские проповедники, выставлявшие конфликт как священную войну за основы ислама, авантюристы, наемники, террористы. Было совершено несколько крупных террористических актов за пределами Чечни. Боевые действия шли с переменным успехом. Так, благодаря тяжелейшим боям был освобожден Грозный, но под натиском боевиков был вновь оставлен [108, с. 606, 665]. В ходе спецоперации был ликвидирован Д. Дудаев, но появились новые лидеры. Усилия российских вооруженных сил не принесли общей победы и закончились подписанием 31 августа 1996 г. Хасавюртовского соглашения, означавшего капитуляцию федерального правительства [315, с. 113]. Эксперты считают, что в Первой чеченской кампании погибло от 20 до 100 тыс. человек. От 380 до 500-700 тыс. человек стали беженцами и вынужденными переселенцами [409, с. 349].

Осенью состоялись встречи российского руководства с преемником Д. Дудаева А. Масхадовым, где были достигнуты договоренности о принципах взаимоотношений. Вопрос о статусе Чечни был отложен на пять лет [405, с. 471].

Все эти события были восприняты боевиками как победа, вселили в них уверенность в возможности укрепления и расширения своего режима. Территория Чечни превратилась в криминальный анклав, где обыденными явлениями стали убийства, грабежи, работоторговля, наркомания. Социальными проблемами руководство, получающее финансовую помощь извне и разрываемое алчными интересами, практически не занималось [237, с. 76]. Для демонстрации

перед своими зарубежными руководителями готовности вести войну против России, чеченские боевики совершили ряд террористических актов в Москве и нескольких российских городах [315, с. 124]. Прикрываясь ваххабитскими идеями, руководители бандформирования строили планы создания халифата на Кавказе, готовили вторжение в соседние республики.

Более тысячи вооруженных боевиков 7 августа 1999 г. вторглись в соседний Дагестан. Несмотря на то, что это вмешательство поддержала Исламская шура [383, с. 112], народ Дагестана выступил против чеченских бандитов. Вторжение послужило поводом для назначения нового главы российского правительства В.В. Путина, который возглавил общее руководство борьбой с терроризмом. Так началась Вторая чеченская война. После того, как боевики были вытеснены из Дагестана, основные действия развернулись на территории Чечни. Столица Республики и ее основные города в ходе упорных боев были освобождены от бандформирований. Остатки боевиков были вытеснены в горы, после чего их сопротивление приняло форму партизанской борьбы [107, с. 148].

Население Чечни в целом было недовольно действиями федеральных властей. Восстановление разрушенной экономики и социальной сферы шло очень медленными темпами, не был четко определен путь урегулирования конфликта. Ситуация в Республике стала постепенно меняться после назначения в 2000 г. на должность главы администрации, а затем и избрания президентом, пользовавшегося большим авторитетом бывшего муфтия Чечни А.-Х. А. Кадырова. Сепаратистские настроения в Республике были преодолены – около 77,4% чеченцев в 2001 г. видели Чечню как суверенный субъект Российской Федерации [163, с. 25].

А.-Х. А. Кадыров погиб в результате террористического акта 9 мая 2004 г. Его преемником и последователем стал А.Д. Алханов, а с марта 2007 г. Р.А. Кадыров, продолживший активное противодействие терроризму, идеологии и практике религиозно-политического экстремизма [383, с. 115]. Режим контртеррористической операции в Чечне был прекращен 16 апреля 2009 г., что не означало прекращение борьбы. Она продолжалась, но в соответствии с общим порядком, действующим на всей территории страны [107, с. 681]. Тем не менее эта дата считается окончанием Второй чеченской войны.

Завершая наш исторический очерк, отметим, что вопрос борьбы с терроризмом не снят с повестки дня. Наоборот он усложняется тем, что международный терроризм совершенствуется и принимает новые формы. Если раньше бандформирования поддерживались сетью «Аль-Каиды», то сегодня их хозяевами является террористическое государство ДАИШ (ИГИЛ), борьбу с которым ведет не только Россия, но значительная часть государств мира.

РАЗДЕЛ 2.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

2.1. РЕЛИГИЯ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ РЕГИОНА

Исторически сложилось так, что почти все коренные народы Северного Кавказа в разное время в качестве своей религии приняли ислам. В переводе с арабского языка слово «ислам» означает «покорность», «предание себя богу» [157, с. 103]. Исповедующих эту религию называют мусульманами (musliman означает преданные исламу) [367, с. 282].

Ислам возник в VII в. на Аравийском полуострове, заселенном с древности племенами арабов. По своим природным качествам, по языку и по территории проживания они были близки древним евреям. Это родство нашло отражение в библейских преданиях. Евреи и арабы имеют единого прародителя (патриарха) **Авраама**, которого в арабской традиции именуют Ибрагимом [132, с. 264]. Авраам в браке с Сарой очень долго не имел детей. С разрешения жены он взял себе в наложницы рабыню-египтянку Агарь с расчетом усыновить ее ребенка для того, чтобы иметь наследника. Так появился **Измаил** – будущий родоначальник всех арабов [69, XVI]. Вскоре у Сары родился собственный ребенок, которого назвали Исааком, и Агарь со своим сыном была вынуждена покинуть дом Авраама. Они отправились в пустыню и поселились возле источника, ниспосланного для их спасения Господом [69, XXI].

Рядом находился разрушенный храм, который еще до потопа был построен Адамом и его сыном. В основании здания находился дарованный Адаму белый яхонт из рая. Некоторое время спустя Авраам нашел Агарь и Измаила, и в честь их чудесного спасения он по велению свыше восстановил храм Господу – **Каабу** [157, с. 123]. Вокруг этого места, в западной части Аравийского полуострова, вырос город **Мекка** – главный город для всех мусульман мира. Каждый человек, исповедующий ислам, считает очень важным для себя совершить **хадж** (паломничество) в Мекку. Как когда-то Агарь в поисках воды семь раз обошла окрестные холмы [262, с. 152], он должен семь раз обойти Каабу, семь раз поцеловать яхонт, ставший из-за людских грехов черным камнем, и семь раз испить самой чистой воды из колодца Зам-Зам [192, с. 90].

Город Мекка священен еще и тем, что здесь родился основатель ислама и первой общины мусульман, посланник Господа (Аллаха) **Мухаммед**. Год его рождения точно неизвестен. Арабские ученые считают, что это событие произошло в «год Слона», что соответствует 570 г. по христианскому летоисчислению [290, с. 40]. Его отец Абдаллах Мутталиб из рода хашим родо-племенной группы курайш умер до появления Мухаммеда. Его мать Амина скончалась, когда мальчику было шесть лет. До восьми лет Мухаммеда воспитывал дед, а затем – дядя [8, с. 7], в хозяйстве которого он пас скот, был погонщиком верблю-

дов. В двадцать четыре года Мухаммед стал сопровождать торговые караваны, через год он женился на Хадидже – хозяйке торгового дома [243, с. 75].

В сорокалетнем возрасте Мухаммед объявил своим близким, что к нему является архангел Гавриил (Джабраил) и передает ему послания от Аллаха. Эти откровения он стал пересказывать близким. Затем круг его слушателей расширился. Когда же Мухаммед начал вести проповеди в центре Мекки, его деятельность вызвала недовольство местной родовой аристократии [156, с. 128-129]. Со своим самым преданным последователем, будущим первым правителем Арабского халифата Абу Бакром 16 июля 622 г. он скрытно переезжает в находящийся севернее город Медину [139, с. 44]. Дата переселения (хиджры) была принята впоследствии началом мусульманского летоисчисления [222, с. 1]. На новом месте Мухаммед приобрел значительный авторитет и стал религиозным и светским предводителем Медины. Здесь сформировалась **умма** (община) – единство неродственников, последователей нового религиозного учения, где в одних руках сосредотачивалась власть духовная и светская [348, с. 74]. На основе Мединской уммы в дальнейшем началось собирание арабов в единое теократическое государство.

Мухаммед, несмотря на свой огромный авторитет, не принял никакого светского титула. Для своих последователей он был Пророком – посланником Аллаха. Умер Мухаммед в 632 г. и был похоронен в Медине [8, с. 254]. Богоугодным для мусульманина считается посещение этой могилы, находящейся в ограде Мечети Пророка [156, с. 154].

За время своей религиозной деятельности Мухаммед произнес перед своими последователями много проповедей. Его пророческие откровения в условиях почти полной неграмотности заучивались наизусть. После кончины Пророка возникла необходимость передачи его наставлений будущим поколениям. В течение долгих лет собирались тексты проповедей для их письменной фиксации. К середине VII в. эта работа была оформлена в виде единой книги – **Корана** (ал-куръан означает чтение вслух) [323, с. 35]. Согласно вероучению Коран – книга несотворенная, существующая вечно, как сам Аллах. Она хранится на седьмом небе в виде свитков с арабскими письменами [189, с. 5]. Ее содержание было передано людям через Муххамеда.

Значительное место в Коране занимает полемика в виде диалога Аллаха через Пророка с неверующими. В Книге имеются предупреждения о судном дне, описания ада и рая. Отражена борьба Мухаммеда с язычеством и другими религиями. Большое место в Коране отведено подробным религиозно-правовым наставлениям, регулирующим отправление культа, поведение и весь образ жизни правоверного мусульманина [155, с. 20].

В дополнение и объяснение Корана было создано описание жизни Пророка в виде преданий и **хадисов** (повествований) о нем. Этот сборник рассказов **Сунна** (обычай, пример) состоит из поступков Мухаммеда, его высказываний и молчаливых одобрений поступков и слов других людей [157, с. 213].

Из закрепленных в Коране и Сунне и обязательных для мусульманина предписаний сложилось учение об исламском образе жизни – **шариат** (надлежащий путь). Здесь рассматриваются вопросы догматики и этики, которые устанав-

ливают религиозные убеждения и совесть правоверного мусульманина [285, с. 242]. Во всех сферах жизнедеятельности мусульманского общества действует несколько запретных и дозволенных шариатом принципов, которые контролируют поведение человека в течение всей жизни от первого до последнего вздоха.

Самый строгий неоспоримый запрет, который нельзя даже подвергать сомнению, определяется категорией **харам**. Ни в коем случае нельзя отвергать Аллаха, отрицать святость Корана и загробную жизнь, убивать без права, воровать, употреблять алкоголь и свинину [416, с. 91], женщине-мусульманке выходить замуж за иноверца [22, с. 30].

Порицаемые для мусульманина действия называются **макрух** – это нежелательные поступки [93, с. 6]. Оценка им дается с точки зрения морали, наказания за них нет ни в этой, ни в той жизни [418, с. 8]. Это все то, что может уронить человека в глазах окружающих: вызывающее поведение, расточительство, скупость, жестокость, несоблюдение общинных обязанностей, заключение брака с немусульманкой и др. [156, с. 233].

Самое нейтральное понятие – **мубах** – дозволенное действие, за исполнение которого нет воздаяния, а за неисполнение нет греха [300, с. 23]. Это самые необходимые бытовые действия, не нуждающиеся в какой-либо оценке. Каждый волен сидеть, спать, вставать, пить, есть и т.д. [416, с. 90].

Поступки следующей категории – **мустахаб** – следует рассматривать как основу гуманности в отношениях между людьми. Сюда относятся непредписанные и необязательные действия, но исполнение которых ценится другими людьми и будет вознаграждено: проявление благочестия, религиозного усердия, милосердия и щедрости [155, с. 46]. Некоторые исламские богословы насчитывают 150 поступков, оцениваемых как мустахаб [93, с. 6].

Наивысшей формой **халала** (дозволения) считается **фард** – обязательные поступки, связанные с выполнением всех обрядовых установлений, а также всего возложенного на мусульманина его общиной [418, с. 8].

Для каждого мусульманина обязательно соблюдение кодекса религиозных обрядов, называемого **пять столпов ислама**.

Первый столп – **шахада** – свидетельство, исповедание веры в виде произнесения догмата: нет Бога, кроме Аллаха, а Мухаммед – Пророк его. Шахада как главная молитвенная формула обладает большой значимостью. Если иноверец в присутствии хотя бы двух мужчин-мусульман произносит этот догмат, он может считаться мусульманином [139, с. 76]. Второй столп – молитва: каждый мусульманин обязан пять раз в день молиться – совершать **намаз**. Третий столп – **саум** (пост). Он проходит в **рамадан** – девятый месяц мусульманского лунного календаря. Во время поста пить, принимать пищу; вдыхать запахи, вступать в интимные отношения запрещается. Четвертый столп – узаконенная милостыня: мусульмане обязаны платить **зьякят** – налог на имущество и доходы, идущий на нужды общины и распределяющийся среди бедных и неимущих. Пятый столп – паломничество: необходимо совершить хадж в Мекку. Не возбраняется послать вместо себя заместителей [283, с. 286-287].

Последователи Мухаммеда после его смерти смогли сохранить единство только при первых двух халифах – Абу Бакре и Умаре. После смерти послед-

него развернулась борьба за верховную власть между кланом омейядов и кланом хашимитов, которых представляли соответственно два зятя Пророка Усман и Али. Верх одержал Усман, ставший третьим халифом [71, с. 75]. Эти события стали началом раскола мусульман на два основных направления.

Самым многочисленным является **суннизм** – ортодоксальное направление, которого придерживается 90% всех современных мусульман [398, с. 79]. Суннитский ислам имеет четыре **мазхаба** (школы), по-разному толкующих некоторые теологические вопросы: маликиты, ханафиты, шафииты, ханбалиты. Они считаются равноправными, вражды между ними нет [252, с. 4].

Сторонники **шиизма** убеждены, что суннитские халифы незаконно захватили власть, которая должна была достаться Али. Шииты соблюдают традиционную мусульманскую обрядность, почитают Мухаммеда и Коран, куда шиитские богословы добавили суру «Два светила», где упоминается Али как преемник Пророка. Они также не признают в полном объеме Сунну [167, с. 190]. Мусульман-шиитов в России очень мало. Шиизм исповедуют живущие в Дагестане таты, лезгины дагестанского селения Мискинджа, а также большая часть российских азербайджанцев [398, с. 104].

Распространение ислама связано с арабскими завоеваниями огромных территорий, превосходивших империи Александра Македонского и Рима. Уже в VII в. в орбите исламизации оказались народы, проживавшие на Северном Кавказе [70, с. 33]. Некоторые исследователи начало распространения учения Пророка на территории современной России связывают с приходом арабов в 642 г. в Дербент [336, с. 52].

Особенностью мировых религий, в том числе и ислама, позволившей им утвердиться среди многих народов, являлась их способность адаптироваться к местным особенностям. В культурно разнообразной среде северокавказских этносов был реализован принцип синкретизма (слитности, нерасчлененности) с древними языческими верованиями, элементами иных религий, другими родовыми особенностями народов [41, с. 20]. Северокавказский вариант ислама отличается от его канонической догматики. Нормы новой религии утвердились здесь только на обрядно-бытовом уровне, претерпев при этом сильное воздействие со стороны доисламских обычаев и верований [110, с. 130]. В силу этого специфической чертой ислама в регионе стала его многоликость, исходящая из этнической пестроты живущих здесь мусульман [140, с. 55].

В исламе как социокультурной составляющей Северного Кавказа первенство принадлежит этническому элементу, при этом сама религия охраняет этничность от внешнего цивилизационного давления. Самоидентификация, т.е. отождествление личности с социальной группой, «происходит сначала по родовым признакам, затем по этническим, а уже потом – по религиозным» [337, с. 406]. Когда же политиками, лидерами формируется национальная идеология, ислам начинает претендовать на ее основное содержание. Но в силу своей адаптированности под местные особенности кавказской многоэтничности, он приобретает локальные черты [41, с. 22]. Исторически сложилось несколько геополитических ареалов, где ислам имеет значимые особенности: 1) Дагестан,

2) Чечня и Ингушетия, 3) Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия и Адыгея, 4) Северная Осетия [154, с. 67].

Отличием Дагестана был не только самый ранний приход ислама, но и его особая социокультурная значимость. Мусульманская религия стала здесь идеологической (духовной) и правовой (легитимирующей) основой формирования **джамаатов** – суверенных городов-государств, устроенных по образцу уммы в Медине при жизни Пророка [186, с. 12-13]. Эти, как их называли, европейцы «республики» или «вольные общества» на договорной основе могли объединяться в союзы. Правовая жизнь строилась исключительно на **фикхе** – исламской правовой системе.

В Чечню и Ингушетию ислам пришел на тысячу лет позже и не повлиял на принципы социально-политической организации вайнахского общества. Он организовался в виде многочисленных и своеобразных **вирдов** – религиозных братств, объединенных вокруг лидера – **шейха**. Эти братства стали играть важную социокультурную и этносоциальную роль. Вирды не разрушали, а укрепляли традиционную социально-политическую тейповую систему. **Тейп** – это родовая община, группа людей с общей территориальной, языковой и родовой принадлежностью [288, с. 84]. Вирд консолидирует общество на более высоком уровне, он может охватывать десятки тейпов [389, с. 55]. Религиозная практика вирдов отличается особенностями обряда **зикр** (восхваления) [14, с. 34]. Верующие, прыгая на месте или бегая друг за другом по кругу, громко исполняют зикр [402, с. 59].

Сегодня самыми ислаимизированными на Северном Кавказе являются Дагестан, Чечня и Ингушетия [340, с. 42]. Количество верующих мусульман в этих республиках составляет соответственно 94%, 96%, 98% от общего числа жителей [235, с. 68].

К народам третьего ареала – адыгейцам, балкарцам, кабардинцам, карачаевцам, черкесам – ислам первоначально стал проникать из Золотой Орды, затем из Крымского ханства и Османской империи. Поэтому на Северо-Западном Кавказе утвердился ханафитский мазхаб, имевший государственный статус в Турции [419, с. 132-133]. Однако существенного влияния на социальный порядок народов этой части Кавказа пришедшая извне религия не оказала, поскольку у адыгских народов определяющим остался свой традиционный комплекс этико-правовых принципов [200, с. 319]. Исламских институтов, подобных дагестанским или вайнахским, здесь не появилось. Даже царская администрация в свое время пыталась создать систему управления духовными делами горцев Северо-Западного Кавказа, что однако не было доведено до конца [205, с. 21]. Сегодня в Кабардино-Балкарии 70%, в Карачаево-Черкесии 63% и Адыгее 21% верующих мусульман [235, с. 68].

В религиозном разнообразии североосетинского ареала ислам занимает скромное место. Немногим больше десятой части жителей Республики являются мусульманами. Почти половина исповедует православное христианство. Пятая часть осетин соотносит себя с традиционными верованиями [249]. При этом все осетины сохраняют и практикуют собственную систему традиционных правил общественного поведения и обрядов [184, с. 69].

Важной социокультурной характеристикой региона представляется продолжение процесса исламизации (доисламизации) общественного сознания северокавказских республик. Завершается прерванное советским периодом утверждение ислама [153, с. 97]. И хотя этот процесс начался вместе с общим религиозным возрождением в постсоветской России, он имел свою специфику, отличия от других религий. Ислам смог сохранить свое большое влияние на верующих. Как религия национальных меньшинств ислам в СССР и России был и остается средством самосохранения, важным элементом этнической самоидентификации. Участие в исламизации принимали мусульманские государства, что сформировало у российских приверженцев Пророка чувство единства с исламским миром. Процесс исламизации достаточно быстро приобрел политический характер, через усиление влияния духовных лидеров на региональном уровне [337, с. 410].

Можно выделить несколько направлений, по которым шел и продолжает идти процесс исламизации на Северном Кавказе. Усиливаются позиции традиционного ислама, что отражается в растущем преобладании мусульманских обрядов и традиций в повседневной жизни. Повышается значение церковной организации через увеличение числа мечетей и активизацию деятельности мусульманских священников и религиозных деятелей. Растут связи с международными мусульманскими объединениями и организациями различных стран. Формируется система исламского образования и просвещения – мусульманских учебных заведений и средств массовой информации. Создаются и активно действуют различные исламские общественные объединения и политические партии [41, с. 22-24].

Исламизация региона способствовала тому, что на Северном Кавказе сформировались свойственные мировому исламскому развитию конкурирующие и противоборствующие направления – традиционное и реформаторское. Сторонники **традиционализма** категорически выступают против каких-либо перемен и реформ не только ислама, но всей общественной жизни. Это направление связано с местными этнокультурными особенностями, поскольку традиционалисты охраняют исторически сложившуюся в том или ином месте версию ислама [128, с. 42-43].

В **реформаторском** направлении противопоставлены две парадигмы изменений в современном исламе [10, с. 144]. Первая представляет стремление к **модернизации ислама** для того, чтобы он соответствовал всем достижениям современной цивилизации. Приспособить традиции мусульманской религии к условиям сегодняшнего мира считается возможным через совмещение шариата со светскими законами, с требованиями современности [116, с. 686]. Вторая парадигма ориентирована в прошлое, на возвращение к основам, фундаменту ислама. Мусульманский фундаментализм получил название **салафизм** (салаф – предки, предшественники) [157, с. 204]. Требование возврата к первоначальному духовно-культурному состоянию, существовавшему в ранней общине у праведных предков, категорически выступает против любых веяний современной западной культуры на мусульман. Впервые идеи салафизма были высказаны еще на рубеже XIII-XIV вв. в трудах арабского теолога Такиуддина Ахмада

ибн Таймии. Его последователем в XVIII в. стал Мухаммад ибн Абд аль-Ваххаб, по имени которого сегодня салафизм также еще называют **ваххабизмом** [356, с. 173].

Главным в ваххабизме является представление о единобожии – **таухид**, согласно которому только Аллах как единственный творец достоин поклонения. Однако мусульмане стали поклоняться не только ему, но различным святым, они изменяют основам веры, вводя различные **бида** (новшества) [71, с. 84]. Следовательно, необходимо «очищение ислама» [75, с. 103-104], строгое соблюдение морально-этических принципов, а также братство, единство всех мусульман и социальная гармония. Особое место в достижении этих целей отводится идее борьбы не только против сторонников других религий, но в первую очередь против мусульман-вероотступников, предавших принципы раннего ислама. Именно так ваххабитами понимается **джихад** (усилие), который ими возводится в ранг еще одного, шестого столпа ислама [280, с. 322].

Активному распространению ваххабизма на Северном Кавказе способствовал целый комплекс причин как экономического, так и социокультурного характера [382, с. 80]. Одной из них стала заманчивая идея альтернативы существующей социальной организации. Простые пути достижения братства, равенства и справедливости нашли отклик у отдельных социальных групп: маргинальных слоев молодежи, безработных, части интеллигенции, студенчества [225, с. 141].

Довольно быстро миссионеры ваххабизма на Северном Кавказе перешли от распространения идей «очищения ислама» к открытой конфронтации с традиционным исламом. Богословские дискуссии были заменены лозунгами и действиями религиозно-экстремистского характера [9, с. 4]. Дело дошло до вооруженных столкновений между ваххабитами и представителями традиционного ислама [331, с. 226]. В объявившей себя самостоятельной Чечне, по признанию ее второго президента А. Масхадова, ваххабиты сформировали параллельные не подчинявшиеся ичкерийской власти военные и политические структуры, финансируемые из-за границы [9, с. 5].

Усилиями политиков и религиозных деятелей ваххабизм превратился в идеологическое обоснование терроризма. Социальная доктрина учения отошла на второй план, а на первый выдвинулись фанатизм и склонность к экстремизму в отношении несогласных [127, с. 72].

Человек, разделяющий ваххабистские взгляды, не становится автоматически террористом. Для этого его превращают в фанатика, воспитывая в нем ряд качеств: крайнюю нетерпимость к инакомыслию, особенно религиозному; веру в собственную исключительность и превосходство над остальными; уверенность в обладании божественной истины; избранность членом религиозного фанатического сообщества, понимание себя как элиты; черно-белое восприятие внешнего мира в альтернативе между Богом и дьяволом и т.д. [421, с. 94]. Благодаря сформировавшейся искаженной картине окружающей действительности, фанатику внушают убежденность в том, что главной санкцией по отношению к «неверным» должно быть лишение их жизни [125, с. 114].

В деятельности ваххабитов серьезным направлением стало использование террористов-смертников, которых стали называть «**шахидами**». В исламской

догматике этим словом обозначают человека, пожертвовавшего собой за веру, утвердившего свою веру смертью в борьбе с неверными. Он попадает в рай, минуя все испытания, поскольку ему прощаются все земные грехи [157, с. 296]. Использование смертников представляется ваххабитами как необходимость джихада. По их мнению, это самый эффективный способ нанести ущерб противнику, запугать его. Однако в прославлении самоубийц за веру идет откровенная манипуляция понятием «шахидизм». Поскольку «согласно исламской ортодоксии, мусульманин, сознательно совершивший самоубийство, не может считаться шахидом, что Аллах считает тягчайшим грехом и никогда не прощает самоубийство, повлекшее за собой гибель ни в чем не повинных мирных людей» [226, с. 72].

Еще одним следствием процесса исламизации стала смена социокультурной идентичности у некоторой части населения Северо-Кавказского региона. Серьезным образом изменились приоритеты в образовательной сфере, где усилились позиции религиозного образования. Все больше мотивированной на жизненный успех молодежи стремилось получить образование в исламских учебных заведениях за рубежом. Теряя свою прежнюю идентичность, они начинали осознавать себя частью большого исламского мира, а вернувшись домой, чувствовали себя миссионерами, несущими исламское просвещение и возрождение истинной исламской культуры [141, с. 56].

Перестав быть носителями традиционной для Северного Кавказа культуры суфизма, благодаря которой сохранялись веками традиции и обычаи, арабские неопиты критиковали ее с позиций фундаментализма.

Ими была проведена своеобразная ревизия национальных компонентов культур северокавказских народов. Не вдаваясь в теологические обоснования, отметим те культурные составляющие, которые вызывают салафитское неприятие. Поскольку факт родства в исламской общине не играет важной роли, серьезно критиковалась клановая форма социальной организации кавказских обществ [38, с. 157]. Осуждению подверглась существующая и сегодня традиция похищения невесты, которая практикуется в случае разногласий между будущими родственниками. Чистый ислам признает создание семьи только через свадебный обряд сватовства [39, с. 159]. Не поддерживаются традиции, сложившиеся при погребении: намаз на кладбище, многочисленные поминки, раздача одежды. На могилах нельзя ставить каменные плиты высотой более 30 см [141, с. 57]. Резкое порицание вызвало запрещенное мусульманской религией, но глубоко вошедшее в кавказскую культуру употребление алкоголя во время застолий. При этом назначать тамаду для ведения застолья, чего требует закон гостеприимства, не следует [38, с. 157]. Даже непререкаемое для жителя Кавказа почитание старших претерпело изменения. Салафитская этика не рекомендует вставать перед старшими, разрешает не уступать лучшие места в мечети старшим [141, с. 57; 39, с. 159]. Осуждаются бытующие в той или иной мере нормы обычного права: укрывательство совершившего правонарушение и кровная месть. Скрывать кого-то исламом запрещено. Шариат, исходя из идеи единства всех правоверных, ограничил кровную месть принципом «кровью кровь не моют» [273, с. 45]. Критике подверглась музыкальная и танцевальная культура. Исламский канон запрещает танец мужчины и женщины. Под бара-

бан и джигитовку разрешено танцевать только мужчинам. Не следует слушать не только эстрадную, но и национальную музыку. Предпочтение отдается только арабскому песнопению – **анашидам** [38, с. 158]. Ваххабиты старались придать северокавказской молодежи соответствующий исламу внешний облик [366, с. 15]. Перечень этих противоречий можно продолжить, поскольку несоответствий между исламскими канонами и народными традициями много.

Деятельность салафитов, их конфронтация с традиционным исламом, экстремизм, отрицание локальных культурных элементов и насаждение чуждых не могут вызывать общественного одобрения. Тем не менее отношение к процессам исламизации в северокавказском обществе крайне противоречиво.

Социальная поддержка салафитов сохраняется. Количество ваххабитов невелико и составляет, по разным оценкам от 2% до 10% населения [339, с. 420]. Наряду с этим, утверждается точка зрения, что ислам должен исполнять только функции, связанные с удовлетворением религиозных потребностей. Он не должен выходить за границу, где идут гражданские и общественно-политические процессы [185, с. 95].

Однако наиболее серьезным образом усиливается влияние среди широких слоев населения и поддержка со стороны элит традиционного ислама, который фактически освящает существующие экономические, политические и социокультурные системы [110, с. 131]. Но самое главное – это то, что он продолжает исполнять функцию охраны этничности. Основой его конструктивной позиции является его нацеленность на социокультурную автономию и разнообразие народов Северного Кавказа при духовном сопровождении ислама.

2.2. ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Для понимания поведения населения Северного Кавказа, выстраивания с ним адекватных взаимоотношений представляются важными знания особенностей общественной организации, специфики традиций этого региона. Народы, живущие здесь, имеют значимые и существенные отличия не только от других этносов России, но они, как это мы уже знаем, отличаются друг от друга своим происхождением, языком, историей, религиозными убеждениями. Даже внутри одного этноса в пределах села или общины в условиях их обособления формировались свои местные, локальные традиции и обычаи [109, с. 43-44]. В то же время народы, живущие на относительно небольшой территории, в сходных природно-географических условиях, разделяющие единую геополитическую судьбу, имеют достаточно много общего. Эта близость и схожесть стали основанием для развернувшейся дискуссии о существовании единой «кавказской цивилизации» [229, с. 61]. В ряду признаков этой цивилизации ее сторонники выделяют близость общественных отношений и одинаковые обычаи и традиции [368, с. 48-49].

Общественное развитие северокавказских народов шло разными темпами и путями. Из предыдущих параграфов можно заметить, что у некоторых этно-

сов уже в эпоху раннего средневековья формировались государства, другие народы достигали предгосударственного состояния. У многих общественное управление, порядок и стабильность обеспечивали только родовые группы или союзы общин. Поэтому нет единства в определении типологии и уровня общественного развития региона до его присоединения к России [395, с. 150]. Но в любом случае у всех горских народов главной формой социальной организации была родовая, клановая структура.

Термин «**клан**» широко используется в современной литературе, однако его содержание представителями различных наук трактуется по-разному. Политологи, социологи, экономисты употребляют данный термин для обозначения различных объединений, союзов, группировок и т.п. «Cland» или «clann» – слово изначально галльского происхождения и переводится как «дети», «потомство». Оно стало использоваться для обозначения родственных групп Ирландии и Шотландии [413, с. 287]. Это понятие антропологами и этнологами было перенесено на другие культуры, и кланом в целом стали обозначать кровнородственную группу, которая ведет свое происхождение от общего (мужского или женского) предка, но проследить генеалогически все свои родственные связи не может [212, с. 123]. Все представители клана видят друг в друге родственников, «и на самом деле они в большинстве случаев единокровные родственники» [131, с. 168]. К родне, которая в современном обществе рассматривалась бы как дальняя, здесь относятся как к близким родственникам. Даже перед четвероюродным братом существуют те же обязательства, что и пред родными братьями [99, с. 363].

Большинство народов Северного Кавказа свои клановые организации называют «**тухум**». Это слово иранского происхождения и на древнеперсидском языке означало род, племя, родственника [385, с. 176]. Чеченцы и ингуши, помимо тухума, для обозначения клана используют слово «**тайп**» (по-арабски «тайфа» – группа людей) [240, с. 5]. Как нам представляется, в силу событий последних десятилетий термин «тайп» (тейп) для обозначения северокавказских кланов используется в литературе чаще.

Исторически на Северном Кавказе оформилось два основных типа клана. На северо-востоке региона, преимущественно в Дагестане, был распространен первый тип, представлявший собой небольшие тухумы. Население каждого аула состояло из нескольких таких малых кланов. Нижними структурными единицами тухума были малые семьи [324, с. 75]. Объединение нескольких семей с учетом родства по мужской линии (патрилинейное) образовывало **патрономию** – группу семей, ведущих род и свое имя от общего мужского предка. Патрономии имели различные названия у народов Кавказа [197, с. 187]. В состав тухума входило несколько таких семейных объединений. Еще одной особенностью первого типа клана была его эндогамность – предписание выбирать себе партнера для брака в пределах своей группы. При этом заключение брака с представителем иного клана строго не запрещалось, но и не поощрялось [158, с. 12].

Второй тип клановой организации сложился у чеченцев, ингушей и народов Северо-Западного Кавказа. Здесь основу тайпа составляли не малые, а большие семьи, состоявшие, как правило, из трех-четырёх поколений и включавшие не-

сколько десятков родственников по мужской линии. Такой семьей при почти неограниченной власти руководил самый старший и авторитетный родственник по мужской линии. Несколько таких семей объединялись в патрилинейные общины, из которых уже создавались кланы. Тайпы представляли собой большие фамильные объединения [216, с. 15], включавшие в себя до несколько тысяч человек, проживавших на значительной территории. При этом чем больше клан, тем более защищенным была личность и собственность его представителя [324, с. 75]. Внутри клана этого типа существовал запрет на выбор партнера по браку – экзогамия. Создавать семью с членом клана своего отца или своей матери до седьмого поколения включительно не разрешалось [158, с. 15-16].

В горных и предгорных районах Центрального и Северо-Восточного Кавказа, а также в «демократических» обществах адыгских народов кланы были базой для создания сельской общины, которая выступала основной военной, экономической и административной единицей горского общества. Такая община представляла собой в большей мере не родовую демократию, а скорее некую иерархию конкурировавших за ресурсы и власть кланов [334, с. 66].

Общественная организация народов Северного Кавказа с середины XIX в. подвергалась постоянному модернизационному влиянию со стороны Российского государства. Сами традиционные социальные системы региона были далеки от каких-либо реформаторских устремлений [172, с. 68]. В этом процессе выделяются три этапа, в которых значительной спецификой отличались формы власти и модернизационные модели общественных изменений: имперский, советский, современный [333, с. 17]. Сто пятьдесят лет реформ с различным целеполаганием коренным образом не смогли повлиять на традиционные формы социальной организации. Клановая структура общественной организации не только не исчезла, она адаптировалась к новым социально-экономическим и политическим условиям [24, с. 66].

В сложных ситуациях кланы становились единственной основой социальной организации северокавказских народов. Так, проверенные многовековым опытом родовые отношения стали единственно действующим способом самоорганизации бытия и коллективного выживания в условиях депортации. В начале 90-х гг., когда органы советского государственного строя фактически перестали действовать, их функции постепенно брали на себя тухумы и тайпы [218, с. 87].

Родственные связи на Северном Кавказе и в настоящее время – очень важная, сложная и многофункциональная структура организации общественных отношений. С исчезновением многопоколенных семей не изменилось построение кланов. Семьи по-прежнему объединяются в патронимии, которые в свою очередь формируют тухумы и тайпы. В этих структурах особым уважением пользуются самые старшие мужчины, но существуют и действительные главы патронимий и кланов, ведающие самыми важными вопросами всего родственного объединения [158, с. 100-101]. Групповая солидарность, круговая порука и коллективная ответственность помогают членам клана преодолевать жизненные трудности, позволяют надеяться на помощь всей родни. Но приверженность этим отношениям может нести и опасность втягивания родственников в антисоциальную, криминальную и антигосударственную деятельность.

Современные северокавказские кланы между собой и внутри себя находятся в сложной системе достаточно устойчивых и довольно сложных связей [403, с. 16]. Соперничество, конкуренция и даже вражда характеризуют отношения между ними в стремлении занять господствующую иерархическую позицию для обеспечения своему клану каких-либо преимуществ в перераспределении ресурсов и благ [7, с. 70].

В постсоветский период эти процессы привели к продвижению клановой организации в систему власти, управления и экономики. Сегодня на самых важных должностях во всех северокавказских республиках стоят представители пяти-шести кланов [292, с. 96]. Выйдя на такой уровень, тухумно-тайповая система стала приобретать новое качество, связанное с выходом за границы рода [393, с. 56]. Здесь она строится не только по кровнородственному или национальному признаку, но и по принципу верности и преданности клановой верхушке. Система не только интернационализировалась, но в нее включены государственные служащие, предприниматели, сотрудники правоохранительных органов и даже представители криминальных структур [292, с. 96].

Такие современные кланы имеют строгую иерархию, состоящую из лидера и его ближайшего окружения, среднего звена и рядовых членов. Если это не маленький клан, чье влияние ограничено пределами района или отдельного города, а большой, действующий на территории республики, то в его структуру входят еще территориальные и функциональные руководители [358, с. 1]. При этом кланы не утратили свою изначальную идентичность, которая поддерживается консолидированными родовыми интересами, которые далеко не всегда совпадают с общегосударственными задачами. Именно в этом многим исследователям видятся трудности модернизации Северного Кавказа [335, с. 61; 134, с. 18].

Значение клановой принадлежности для человека, выросшего на Северном Кавказе или воспитанного в культурных традициях этого региона, трудно переоценить. Во многом поведение кавказца определяется, диктуется системой норм, предписаний, ограничений, условностей и т.п., принятых в его клановом окружении [403, с. 6]. Не в меньшей степени оно регулируется традиционными общественными институтами, которые обладают универсальными и феноменологическими качествами, поскольку представляют собой устойчиво повторяющиеся и воспроизводящиеся отношения людей. Мы остановимся только на тех институтах, которые, имея глубокие исторические корни, остаются важной частью общественных отношений у северокавказских народов или определенным образом повлияют на их психолого-поведенческие особенности.

Как показывают этнографические исследования самый древний общественный институт, зародившийся с началом межродового и межплеменного общения, – это **гостеприимство** [194, с. 7]. Регламентация отношений с пришедшим в дом чужим человеком имеет большое значение в системе межличностных и межгрупповых связей. Во времена, когда какие-либо государственные институты отсутствовали, обязанность принимать гостя, защищать его была гарантией безопасности и сохранности для купцов и путешественников.

Кавказское гостеприимство подразумевает, с одной стороны, право любого странника, путника стать гостем, найти приют в любом доме селения, с

другой, – морально-этическую обязанность хозяина предоставить кров и пищу, все лучшее в доме [162, с. 11]. Причем это рассматривается не как добродетель, а как долг, который следует отдавать даже врагу, если он переступил порог твоего дома [90, с. 16]. Известный исследователь Кавказа А.П. Берже писал: «Гость, кто бы он ни был, считался для горца лицом священным, и он мстил за его смерть, за нанесенную ему обиду или оскорбление» [49, с. 364]. Неисполнение долга гостеприимства или любое высказанное гостем неудовольствие покрывало позором не только самого хозяина, но всю его общину.

В свою очередь гостю вменялось демонстрировать свое почтение к хозяину, его семье, всем родственникам и односельчанам, что достигалось через знание, уважение и соблюдение местных обычаев и традиций. Кроме того, ему необходимо было своим поведением подчеркивать не только свое достоинство, но и достоинство представляемого собой общества [90, с. 20].

Институт гостеприимства не знал какой-либо строго установленной дифференциации, но все-таки негласно она присутствовала. Так, кабардинцы оценивали гостя по нескольким критериям: из какого далека он прибыл, к какому сословию он принадлежит, есть ли у него особые личные заслуги или качества, цель визита, его возраст, наличие между ним и хозяином связей родственного или дружеского характера. В зависимости от степени «почетности» приезжего существовало несколько видов приема: прием «большого гостя», прием «дорогого гостя», прием «важного гостя», прием «гостя». Различия заключались в степени оказываемого почета, что выражалось преимущественно в нюансах этикета [40, с. 17-18].

Поскольку за безопасность гостя отвечает хозяин, перед входом в дом прибывший отдает все оружие, кроме кинжала [6, с. 43]. Гость должен входить в дом после хозяина. При входе в дом нельзя наступать на порог, а следует переступить его правой ногой [100, с. 149].

Если прибывших много, обычно их по возрастному или иному статусному старшинству делят на две группы, которые размещают в различных помещениях. В знак уважения гостя усаживают на почетное место [387, с. 222]. После размещения за столом следует вести вежливую и малозначащую беседу. Хозяин ни в коем случае не должен спрашивать о целях визита, нельзя разговаривать о посторонних вещах или спорить. Без особого на то желания гостя нельзя оставлять одного. Один из младших в семье приставляется к приезжему для сопровождения и выполнения его просьб [415, с. 72-73].

Гостю нельзя говорить о том, что он голоден, или о том, какое блюдо он хотел бы отведать. В свою очередь хозяин, не спрашивая гостя об этом, должен обеспечить стол из самых лучших и разнообразных угощений. Гость не может встать из-за стола без дозволения хозяина. Сразу после принятия пищи неприлично говорить о желании уйти. Также будет истолковано поглядывание на дверь [6, с. 49].

Гостю запрещено вмешиваться в хозяйские семейные дела, входить на кухню и в женские помещения, даже в шутку заигрывать, флиртовать с женщинами из семьи хозяина или его соседей [415, с. 74]. Гостю не следует нахваливаться что-либо в доме, поскольку хозяин обязан будет подарить понравившему-

юся вещь. Наоборот, считается хорошим тоном сдерживать гостеприимную расточительность хозяина [242, с. 126].

Гость должен уезжать только получив на то разрешение хозяина. Правила гостеприимства предписывают одаривать отъезжающего гостя и провожать не только до ворот, но как можно дальше. Отказываться от подарков нельзя, но можно деликатно отклонить дальние проводы. Покидающий гостеприимную семью в обязательном порядке предлагает хозяину в ответ посетить его дом [415, с. 75].

Гостеприимство, формируя отношения дружбы, приязни и привязанности, вызывая феномены личной преданности и верности [76, с. 24], может стать основой еще одного общественного института – **куначества**. «Кунак» – слово тюркского происхождения, прочно вошедшее в наш язык в значении «побратим», «друг», «приятель», «гость» [89, с. 51]. Одним из первых его использовал основоположник современного русского языка А.С. Пушкин. «Кунак (т.е. приятель, знакомец) отвечает жизнью за вашу безопасность, и с ним вы можете углубиться в самую середину Кабардинских гор» [317, с. 52-53], – объясняет он в примечаниях к первому изданию поэмы «Кавказский пленник».

Хозяин и гость, между которыми возникли особенно доверительные отношения, вступают в тесные дружеские отношения независимо ни от этнического, ни от социального происхождения, ни от вероисповедания. Поводом к появлению куначества может стать знакомство не только в гостях, но и при иных обстоятельствах.

Кунак – в затруднительной жизненной ситуации, в радости и в горе всегда надежная опора. Даже кунак-иноверец активно участвовал в семейных делах друга, за исключением мусульманских обрядов [100, с. 157]. Кунаки поддерживают друг друга, оказывая помощь наравне с самыми близкими людьми. Поэтому кунак является не только другом. Этот не связанный кровными узами человек несет ответственность и исполняет функции родственника. Однако не все исследователи Кавказа видят в куначестве форму искусственного родства [344].

Каждое домохозяйство на Кавказе располагает специальным помещением, которое называется «кунацкая». В зависимости от материального достатка это может быть или отдельное строение, или комната в мужской части дома. Эти покои предназначаются для приема не только кунаков хозяина, но и для любого гостя-мужчины. Кунацкая обязательно хорошо украшена, в ней поддерживается постоянный порядок, имеется неприкосновенный запас лучшей еды [242, с. 125].

И гость, и кунак принимаются в доме по одинаковым правилам, и тот и другой имеют равные права и привилегии, но некоторые отличия все же есть. Во-первых, хозяин отвечает за безопасность гостя только в пределах своего дома. Кунака обязан защищать во всем, всегда и везде. Во-вторых, этикет гостеприимства, как мы уже знаем, запрещает хозяину расспрашивать о делах гостя. Наоборот, по отношению к своему кунаку хозяин должен проявлять повышенный интерес и содействие в разрешении существующих у него проблем. В этой связи следует сказать, что исследователи в качестве форм куначества выделяют «куначество-дружбу» и «куначество-патронат». Субъектом послед-

ней формы является лицо, нуждающееся не только в гостеприимстве, но и в защите, в покровительстве [43, с. 7].

«Принципиальное отличие кунака от обычного гостя заключалось еще в том, что связь гостя с хозяином носила единовременный характер, а с кунаком – постоянный» [374, с. 365]. Эти отношения являются пожизненными, и даже передаются детям по наследству. Многие кавказцы не только помнят кунаков своих дедов и отцов, но и поддерживают с ними добрые отношения [100, с. 157].

Общественный институт куначества формирует социальный капитал личности, раздвигающий границы ее возможностей. Человек, у которого много друзей среди разных народов, живущих в разных уголках Кавказа и за его пределами, уважаем и почитаем, его социальный статус оценивается высоко. Возникнув в древности, куначество во многом остается и сегодня значимой формой межличностных связей и отношений [43, с. 9].

Представляется важным остановиться на общественных институтах северокавказских этносов, которые, несмотря на то, что они остались в прошлом, продолжают сохраняться в психологии народов, специфическим образом влияют на комплекс их духовных представлений. В первую очередь речь идет об институте, получившем название **наездничество**, – обычая военных походов, набегов для захвата добычи и приобретения славы, характерном для большинства народностей Северного Кавказа [171, с. 214]. Время наибольшего развития данного явления относится к XVI-XVII вв. [121, с. 109].

Наездничеству были свойственны все признаки общественного института. Оно выполняло определенные важные общественные функции, имело свое идеологическое обоснование, а также обрядовый, ритуальный комплекс. Поскольку участие в таких походах связано с опасностями, рисками для жизни, это был главный способ самоутверждения мужчины-джигита. Проявив отвагу и удаль, он мог получить известность. О его подвигах, даже если он погибнет, будут рассказывать в героических песнях и преданиях [177, с. 285-286].

В жизни мужчины-горца работа на поле или пастбище чередовалась с военными действиями, набегам на соседние территории, что было «своего рода производственной деятельностью, восполнявшей недостаток природных ресурсов, проводившейся регулярно и даже в определенные календарные периоды (осень, зима, весна)» [178, с. 169]. Набеги совершались на общины или народы, с которыми не было союзнических связей. Категорически запрещалось нападать на тех людей, с кем были отношения родства, гостеприимства или куначества. Дальность похода повышала престижность мероприятия. Исторические источники и предания говорят о значительной географии набегов (Малая и Средняя Азия, Закавказье, бассейны Волги, Днепра и Дона) [251, с. 15-16]. Наездничество было престижнее, чем героизм при защите своей Родины. «Не защита аулов и имущества составляли славу черкеса, но слава наездника, а эта слава, по мнению народа, приобреталась за пределами Родины» [129, с. 246].

Наездничество не было явлением, свойственным только северокавказским народам. Подобные институты возникали у многих народов на основе воинских мужских союзов, которые при всем разнообразии характеризуются демонстративной удалью, воинственностью и агрессивностью [415, с. 60]. Широ-

ко известны «походы за зипунами» и «поиски» российского казачества, принципиально не отличающиеся от наездничества [420, с. 35].

Архаичный по своему происхождению и своей сути общественный институт наездничества остался в прошлом, но он воспитал в народах Северного Кавказа сохраняющиеся и сегодня качества, главным из которых представляется традиционная предрасположенность к военной деятельности и воинственность [251, с. 4].

В следующем параграфе мы продолжим рассматривать отдельные общественные институты, характерные для рассматриваемого региона. Объектом нашего интереса будут те из них, которые связаны с формированием особенностей правовой культуры.

2.3. ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ РЕГИОНА

Правовая культура представляет собой очень важную составляющую жизни любого общества. Она представляет собой систему «ценностей, правовых идей, убеждений, навыков и стереотипов правового поведения, правовых традиций, принятых членами определенной общности... и используемых для регулирования их деятельности и отношений» [179, с. 19]. Как составляющие правовой культуры можно рассматривать взгляды, чувства, эмоции, которые формируются у людей в отношении к праву, что находит воплощение в выборе того или иного стиля поведения [88, с. 19-20]. Поэтому ее следует понимать как реализованное правовое сознание, отраженное в конкретных поступках индивидов, составляющих единую социальную общность.

В качестве одной из характерных черт правовой культуры современной России исследователи отмечают ее неоднородность, связанную с многонациональностью и дифференцированностью социальных групп [297, с. 31]. Она представляет собой достаточно непростое по своим первоисточникам, интегрированное социальное явление, вобравшее в себя правовые традиции различных народов. Важной составляющей российской правовой действительности с середины XIX в. остается правовая культура Северного Кавказа [113, с. 277]. Особенностью последней с этого времени стали адаптация и слияние национального права, сложившегося у северокавказских этносов, с правом российской империи, а в дальнейшем и Советского государства. До вхождения в состав России длительное развитие правовой культуры региона характеризовалось главным образом соперничеством местного правового обычая и шариата [294, с. 82].

Обычное право, т.е. право, установленное обычаями, называют **адат** (в переводе с арабского – «обычай», «привычки»). Адат представляет собой совокупность передаваемых из поколения в поколение традиционных норм народной юридической практики в различных сферах жизнедеятельности [102, с. 294]. Обычное право начинает складываться еще при первобытнообщинной организации жизни и санкционируется «силой общественного мнения сородичей» [211, с. 22].

В силу своего происхождения адаты очень разнообразны как по своему характеру, так и по содержанию. Самые древние записи адатов, дошедшие до нас, были сделаны в XIV в. на арабском языке в Нагорном Дагестане [5, с. 23]. Но главным образом правовые обычаи письменно не фиксировались, а передавались через поколения в устной форме. Только с приходом России на Кавказ была начата работа по записи адатов горских народов [266, с. 243], которая продолжалась и в советское время.

Возникновение адата идет от решений, принятых собранием всей общины и разного рода третейских судов. Адат не предполагал апелляцию, пересмотр судебных решений, которые были окончательными. Если общинный суд не мог разрешить тяжбу между кланами, то прибегали к третейскому разбирательству. На роль третейских судей приглашались знатные люди (желательно из отдаленных мест) [55, с. 127]. Третейство у некоторых народов Северного Кавказа называлось **маслаат** (в переводе с арабского – «общее благо», «выгода», «интересы сторон»). Как правило, это была форма разрешения самых острых конфликтов, связанных с убийствами, ранениями, крупными кражами и похищениями женщин [264]. Единого мнения о роли маслаата у правоведов сегодня нет. Одни считают, что он был обязателен как попытка примирения сторон, делавшаяся до разбирательства уголовных и гражданских дел. Другие – рассматривают маслаат в качестве первичной, но необязательной стадии адатского суда [265, с. 315].

Существенной особенностью правового сознания горцев было представление о преступлении и наказании как коллективных действиях. «Согласно адату, любое правонарушение причиняет ущерб или затрагивает честь не столько отдельного человека, сколько того рода и общественной группы, с которыми он связан» [55, с. 124]. Преступление рассматривалось как деяние не против личности, а против группы, размеры которой могли быть от отдельной семьи или клана до всего селения.

В условиях общинного образа жизни очень суровым наказанием для лиц, нарушивших обычные законы, было отлучение от своего тухума или джамаата, означавшее для человека полное крушение привычной для него системы общественных связей. Изгнанию (остракизму) подвергались лица, совершившие самые тяжкие согласно адату преступления: убийство отца, матери, брата, сестры или другого родственника, инцест, кровосмесительная связь или распутство, убийство и грабеж своего гостя, предательские сношения с врагами или измена Отечеству [29, с. 138-139]. Человек, изгнанный из общины, лишался какой-либо правовой защиты. Такого человека даже дозволялось лишить жизни [263, с. 77].

Несмотря на приверженность традиции и обычаю, предполагающую консерватизм, адат постоянно пополнялся, совершенствовался, а следовательно, изменялся. Отсутствие письменной фиксации адатных законов компенсировалось обязательностью их исполнения, что весьма строго контролировалось со стороны общества. Контроль основывался на исключительной лояльности индивида к своей социальной группе, которой принадлежала монополия оценки его добродетелей, поступков и образа жизни.

Продвижение на Северный Кавказ ислама, начавшееся, как мы уже говорили, в VII в., но растянувшееся на долгие столетия, повлекло за собой существенные мировоззренческие изменения. В ходе этого процесса к адатной правовой культуре северокавказских народов стали добавляться правовые нормы шариата.

Исламский комплекс социальных норм или мусульманское право называется **фикх** («глубокое понимание», «знание») [157, с. 254] и является составной частью шариата [182, с. 4]. Главными источниками шариатского права являются Коран и хадисы [307, с. 60-61], что определило основную особенность права – его религиозную природу. Законы шариата рассматриваются как данные Богом, идеальные и неподлежащие никакому сомнению. Поэтому государство не может быть творцом права, оно призвано его только обслуживать [295, с. 5].

Вера в Бога лежит в основе обязательности норм мусульманского права. Их нарушение влечет за собой религиозное возмездие, а санкции со стороны государства рассматриваются как «частичное воплощение на земле божественного правосудия» [34, с. 17]. Даже если при жизни преступник не будет наказан, ответственность за содеянное его настигнет после смерти. Это значительно повышает эффективность правовых норм в отношении истинно верующих. Понятия преступления и греха в шариате сложно разделить, поскольку религиозные запреты на убийство, воровство, прелюбодеяние и д.п. одновременно являются запретами правовыми [296, с. 22]. В то же время криминализированы и религиозные проступки.

Должность кади (судьи) достоин занимать только человек, строго соблюдающий в своей жизни все религиозные и моральные предписания Аллаха. Строгие религиозные требования существуют в отношении свидетелей на судебном разбирательстве [3, с. 34-35]. Интересным представляется то, что в судебном процессе особое значение придается клятве именем Аллаха, имеющей правовые последствия. Расчет делается на религиозную совесть и ответственность мусульманина, не позволяющие под страхом божественного наказания говорить неправду [34, с. 16]. Это действенный способ защиты. Поклявшийся именем Аллаха ответчик может таким образом доказать свою невиновность.

Регулирование общественных отношений при совершении преступлений заложено в первоисточниках шариата. Коран и хадисы определяют виды преступлений, степень их тяжести, а также формы их наказания. Согласно этим источникам, преступлениями являются: измена Богу, преступления против жизни и здоровья, преступления против половой неприкосновенности и половой свободы, преступления против чести и достоинства, преступления против общественного порядка, преступления против собственности, преступления против мусульманской общины [271, с. 9]. В качестве наказаний определены: смертная казнь, отсечение конечностей, соразмерное воздаяние (месть глаз – за глаз и т.д.), бичевание (**джельд**), выкуп за кровь (**дийа**) [23, с. 100]. Предусмотрены и менее суровые санкции: ссылка, обязанность освобождения раба, домашний арест, соблюдение поста [271, с. 10].

Шариатская смертная казнь и членовредительство отличаются разнообразием и особой жестокостью – забрасывание камнями до смерти (**реджм**), распятие, четвертование, отсечение головы, отсечение руки. Соразмерное воз-

даяние (**кисас**) также связано с телесными повреждениями: нанесением садин, царапин, физическим повреждением кожного покрова в области головы и лица, лишением какого-либо органа (руки, ноги, уха, языка, глаза, зуба), лишением какого-либо органа его функций (потерей зрения, слуха, репродуктивной способности, умственных способностей), нанесением проникающих и непроникающих ранений в область тела [295, с. 67-74].

Следует отметить, что особая жестокость наказаний обусловлена тем, что шариат, фикх складывались в период раннего средневековья, когда отношения собственности только складывались и нужны были очень строгие меры для ее защиты. Мучительная казнь и телесные наказания вполне соответствовали представлениям о праве и правах человека того времени [34, с. 8]. Никакой речи о гуманизме, особенно в современном его понимании, тогда и быть не могло.

Как уже отмечалось, классический ислам на Северном Кавказе проявил способность к адаптации под местные условия, претерпев воздействие со стороны локальных верований. Не мог быть воспринят в полном объеме и шариат. Этого не произошло даже у тех народов, которые раньше других приняли мусульманство и были более исламизированными.

В качестве причин, по которым шариат не был полностью воспринят в Северо-Кавказском регионе, исследователи называют чрезмерную жестокость наказаний даже за незначительные в представлении кавказцев преступления. Адатные штрафы, которые доставались местным правителям, были более выгодны, чем казненные или изувеченные преступники [241, с. 18]. Даже для достаточно образованного человека мусульманское законоведение было сложным и запутанным. Адат же выгодно отличался своей простотой. Принимаемые по нему решения были быстрыми, привычными и понятными для всех [5, с. 27]. Шариат вносил требование личной, индивидуальной ответственности верующего за свои поступки. Это сложно соотносилось с порядками кланово-общинного образа жизни и адатной коллективной ответственности [126, с. 74-76].

В то же время и отвергнуть шариат в условиях, когда почти во всех обществах Северного Кавказа утвердился ислам, было невозможно. Шел непростой процесс конвергенции, слияния адатного и шариатского права, в результате которого к началу XIX в. уголовное судопроизводство велось на основе обычного права, а гражданские дела рассматривались на основе мусульманского права [143, с. 43]. Дело в том, что шариат как упорядоченное право ранней стадии государства в сфере гражданских отношений был более гуманным, чем догосударственные адаты. Особенно это касалось брачно-семейной сферы, где утвердились некоторые материальные и личностные права женщины [294, с. 82-83].

Новый импульс в развитии правовой культуры народов Северного Кавказа наступил с их вхождением в состав Российской империи, имевшей совершенно иную правовую систему. Процесс правового вхождения присоединенных народов в правовое поле нового государства был достаточно сложным. Первоначально судопроизводство с небольшим сокращением пытались строить по имперским законам. Шариатский суд был сохранен для мусульман в сфере семейно-брачных отношений [151, с. 37-38]. Это не приносило положительных результатов в выстраивании отношений с горцами. Более того, попытки перенести

на местную почву существующие в империи судебно-административные шаблоны влекли за собой масштабные волнения местного населения [376, с. 391].

Изменения наступили с приходом нового главнокомандующего и наместника на Кавказе графа М.С. Воронцова. В 1845 г. он обратился с воззванием к народам Дагестана с призывом прекратить сопротивление, в котором обещал: «ваша вера, ваши законы и обычаи, ваши жены и дети, ваше имущество, ваши земли останутся неприкосновенными» [190, с. 53]. Новый наместник первым пришел к пониманию того, что в сложном комплексе причин неприятия имперской власти одной из важнейших является полное несоответствие российских законов и адатно-шариатского судопроизводства. М.С. Воронцов начал выстраивать новую систему, получившую название военно-народного управления, просуществовавшую с небольшими изменениями до 1917 г. [258, с. 114] Принципиальными основами этой системы в том числе были: неприкосновенность общественного строя северокавказских народов, их право управляться согласно адатам и шариату, сохранение местного судопроизводства [349, с. 19].

Обе существовавшие на Северном Кавказе системы права российской властью были легализованы. Исключение составили: из шариата – уголовная часть, из адата – кровная месть и «преступное укрывательство гостей». В последнем случае речь идет о лицах, преступивших закон и скрывающихся, находясь под защитой обычая гостеприимства. Было узаконено и местное судопроизводство [294, с. 83].

С этого времени правовая система России стала развиваться как интегрированный феномен, основанный на «собрании» систем права присоединенных народов. Этнические системы функционировали параллельно с правом общероссийским, что обеспечивало учет национальной специфики [254, с. 14] и гарантировало единство государства.

В правовой культуре народов Северного Кавказа окончательно утверждается правовой плюрализм (**полиюридизм**) – одновременное действие в социуме двух и более правовых систем или их элементов [166, с. 178]. «Конвергенция институтов, процедур, понятий адатского и мусульманского права с российским правом, кодификация и инкорпорация их норм в законодательство империи, институционализация адата и шариата и включение их в правовую систему государства означает громадный шаг вперед в развитии правовой культуры народов Северного Кавказа» [113, с. 278].

После известных событий 1917 г. в развитии правовой культуры народов Северного Кавказа наступил качественно новый период. Векторы правовой политики большевистского государства были достаточно неустойчивыми, они «не раз и резко менялись» [55, с. 207]. Особенно это заметно в отношении национальных окраин в первые годы существования советской власти. В обращении «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», подписанном Председателем Совета Народных Комиссаров В.И. Лениным и наркомом по национальным делам И.В. Сталиным в ноябре 1917 г., «всей мощью революции» гарантировалась неприкосновенность верований и обычаев всем исповедующим ислам, в том числе чеченцам и горцам Кавказа» [119, с. 113-115].

Такое заверение, на наш взгляд, объясняется неустойчивостью положения пришедших к власти лидеров и их стремлением усилить свою поддержку за счет населения национальных окраин. Реальное отношение как к религии, так и к обычаю (а его частью является адат) у большевиков было совершенно иным. С точки зрения марксистского классового учения о праве обычное право «обыкновенно играет контрреволюционную, реакционную роль» [355, с. 101]. Адат, по мнению советских юристов, противостоит шариату, и его придерживаются наиболее отсталые народы, в том числе и живущие на Кавказе [59, с. 578-579].

Что касается шариата, то большевики опасались в сложные отношения периода становления новой власти внести элемент религиозного противостояния. Атеисты по своей идеологической природе, они готовы были рассматривать мусульманское духовенство, имевшее большой авторитет у народных масс, как временных «попутчиков». Поэтому в своей национальной политике коммунистическое руководство активно использовало шариат [351, с. 395-396]. В свою очередь мусульманское духовенство (красные муллы) поддерживало советскую власть и даже активно боролось с ее врагами [11, с. 17].

Легализация норм шариата на Северном Кавказе началась в годы Гражданской войны решениями госорганов автономий, а затем «шарсуд» был включен в общероссийскую правовую систему. Несмотря на то, что шариат поддерживался в ущерб адату, шарсуды в своей деятельности руководствовались как мусульманскими правовыми нормами, так и адатным правом [56, с. 79, 81].

С укреплением власти большевиков, к началу индустриализации и коллективизации, необходимость в сотрудничестве с исламскими религиозными лидерами в их правовой деятельности отпала. Началось постепенное наступление на религию, о чем мы уже рассказывали в историческом очерке нашего пособия. Процесс упразднения шариатского судопроизводства в автономиях Северного Кавказа начался в 1922 г. в Горской АССР и завершился в 1927 г. в Дагестанской АССР [253, с. 14-15]. Вскоре были запрещены и оставшиеся кое-где древние адатные суды в патрилинейных общинах [294, с. 84].

С целью более эффективной борьбы с наследием правовой культуры прошлого в уголовное законодательство РСФСР в 1928 г. была включена глава X «О преступлениях, составляющих пережитки родового быта». Преступными становились действия, которые совершались исходя из традиций адатного права и шариата: преступления, проистекающие из обычаев кровной мести (дийа за убийство), преступления против свободы и достоинства женщины (калым, похищение невесты, многоженство), преступления против малолетних и несовершеннолетних (ранний брак), самоуправство, проистекающее из обычаев родового быта (нападение на личность, семью, род, племя по родовой и племенной вражде) [404, с. 468].

Жесткий курс на утверждение советской правовой системы, сопровождавшийся уничтожением всех прочих, не смог полностью ликвидировать полиюридизм правовой культуры на Северном Кавказе. Адатно-шариатские традиции из публичной перешли в неофициальную сферу. Внешне не проявляясь, не выражаясь открыто, они подразумевались и учитывались. Некоторую часть этих традиций вобрали в себя советские народные суды, работавшие в

регионе [556, с. 89]. Кроме того, в советский период в регионе действовали неформальные институты, которые регулировали отношения между мусульманами, руководствуясь нормами адата и шариата. «Нередко это происходило в мечетях с участием мусульманских религиозных руководителей» [363, с. 53].

Известные события на Северном Кавказе в постсоветское время способствовали возрождению шариатских судов. Первоначально в вышедшей из единого правового пространства России Чечне, а затем в возникшем в конце 90-х гг. на территории Буйнакского района Дагестана ваххабитском анклав, получившем название Кадарской зоны, было установлено мусульманское судопроизводство [362, с. 6].

Но стремление к возрождению шариата и адата в Северо-Кавказском регионе нельзя связывать исключительно с реализацией радикальных исламистских устремлений. Помимо этого и на подконтрольной центральной власти территории стали возникать шариатские суды, лояльные по отношению к существующим законам. В своей юридической практике они обратились в большей степени к нормам адата, нежели шариата [363, с. 53]. Не являясь официальными органами правосудия, они приобрели значительный авторитет, стали пользоваться большим влиянием у населения. Большинство таких судов существуют и в настоящее время, являясь подтверждением сохраняющегося на Северном Кавказе полиюридизма.

Представление о правовой культуре Северо-Кавказского региона будет неполным без рассмотрения такого древнего общественного института, как **кровная месть**, которая стала самой известной нормой адатного права благодаря тому, что о ней много писали практически все исследователи Кавказа. Этот институт, как полагают специалисты, существовал в разное время у всех народов мира [239, с. 9]. Приверженность к архаичности и стойкость традиционной общественной жизни у отдельных этносов сохранили его до настоящего времени во многих регионах. Как правовой обычай родового строя кровная месть остается частью сегодняшней правовой культуры некоторых северокавказских народов – преимущественно дагестанцев и вайнахов [101, с. 19].

Происхождение кровной мести изначально было связано с необходимостью защищать свой род. «Чтобы не нарушить существовавшего ранее равновесия между родами, не стать слабее рода обидчика, род обиженного должен был или причинить враждебному роду равноценную обиду, или убить равноценного члена рода» [138, с. 240]. Принципиальными были обязательность и равнозначность отмщения. В древности обычай кровной мести был гарантией от произвола и анархии, охранял порядок и справедливость. Он, регулируя взаимоотношения между людьми, играл роль государственного института, т.е. предупреждал преступления и карал совершивших их лиц. Но главный смысл кровной мести был не в уничтожении преступника, «а в том, чтобы заставить ценить и уважать жизнь» [13, с. 165].

Основаниями для кровной мести было не только убийство, но и умышленное ранение, надругательство или обида женщины, захват земли, тяжкое оскорбление словом или делом (кража или порча имущества) и т.п. [55, с. 55] Эти преступления расценивались как обида и бесчестье всего рода, которые

можно смыть кровью лично обидчика или членов его рода. В случаях изнасилования месть иногда длилась столетиями до полного истребления всего рода [158, с. 71-72].

Обязанность акта возмездия возлагалась на родных братьев пострадавшего члена общины или на его ближайших родственников по отцовской линии. Если не было родственников, кровную месть должен был совершить любой член тухума [55, с. 56]. Это была не просто обязанность, но и дело чести всей общины. «У горцев кровомщение не есть необузданное, неудержимое чувство, вроде вендетты корсиканцев; это скорее обязанность, налагаемая честью, общественным мнением, требованием крови за кровь» [221, с. 7].

Под влиянием шариата, решительно осуждающего кровную месть, а также негативного отношения к ней законов Российской империи в правовой культуре региона происходили определенные изменения. Поскольку поводов для кровавой вражды оставалось достаточно много, ее все чаще старались сдерживать предусмотренной адатами системой денежных и натуральных штрафов. Так, в XIX в. компенсация за убийство, помимо трех лошадей с упряжью и мелкого скота, предусматривала денежную выплату у чеченцев 630 руб., а у ингушей – 310 руб. [32, с. 48].

Тем не менее окончательно избавиться от кровомщения, приравненного законами империи к убийству с отягчающими обстоятельствами, в дореволюционные годы так и не смогли. В Чечне, Ингушетии и Нагорном Дагестане в начале XX в. около 80% тяжких преступлений совершалось по причине кровной мести [158, с. 77].

В советское время борьба с данным пережитком родового строя продолжалась. После запрета шарсутов во второй половине 20-х гг. появилась практика создания специальных примирительных комиссий, задачей которых была организация встреч с кровниками, нахождение между ними компромиссов и прекращение череды мести. Порой деятельность таких комиссий была достаточно эффективной [273, с. 46]. В 1931 г. прокуратура Северо-Кавказского края выступила с инициативой ужесточения борьбы с кровной местью. По решению пленума Верховного суда убийства на почве кровной мести были приравнены к государственным преступлениям и стали караться по ст. 58, п. 8, по которой предусматривался расстрел [55, с. 73]. Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. рассматривал такие преступления как умышленные убийства при отягчающих обстоятельствах. Помимо длительного тюремного заключения, за их совершение также предусматривалась смертная казнь [193, с. 207]. Борьба с искоренением кровной мести весь советский период продолжалась с переменным успехом, но желаемых результатов не принесла.

Значительный рост преступности в годы крушения Советского Союза и становления государственности новой России не мог не повлиять на увеличение числа случаев кровной мести. Этот архаичный обычай сегодня на Северном Кавказе остается «социально одобряемым (признаваемым), но внеправовым» [145, с. 47-48]. Такую ситуацию подтверждают современные научные исследования [219, с. 15] и не только они. На весь мир стало известно убийство диспетчера швейцарской авиакомпании уроженцем Северного Кавказа, главой

семьи, погибшей в авиакатастрофе над Боденским озером. Факты того, как оценивались его действия по результатам социологических опросов и как отбывший недолгое наказание за это преступление был встречен на Родине [282], не вызывают сомнений в отношении к кровной мести в обществе.

Еще одним древним общественным институтом, представляющим важную составляющую правовой культуры народов северокавказского региона, было **абречество** – уникальное явление для огромной и многонациональной России. Его появление и развитие шло неразрывно и одновременно с кровной местью, наездничеством, гостеприимством и другими институтами, регулирующими отношения в обществе [176, с. 13]. Абречество в наибольшей мере получило распространение в Дагестане, Чечне и Ингушетии [392, с. 110].

Происхождение слова «абрек» связывают с индоевропейскими и древнеперсидскими языковыми формами, обозначающими такие слова, как «разбойник», «изгой», «бродяга» [239, с. 405]. Это слово получило распространение почти во всех языках народов Северного Кавказа. В 30-е гг. XIX в. благодаря русским писателям и первым кавказоведам оно прочно вошло и в современный русский язык как региональный историзм [89, с. 47-49]. Одно из первых разъяснений смысла слова нам оставил военный историк П.П. Зубов: «Производящие грабеж и нападения, называемые Обреками, есть изгнанные за пороки и преступления, и могут называться разбойниками...» [144, с. 76]. В этом определении четко показана главная социальная составляющая абречества – это изгнание, т.е. прерывание любых отношений со своей общиной.

Выше мы уже рассматривали причины, по которым согласно адатам человек мог стать изгоем. Кроме того, остракизму кавказец подвергался за грубое нарушение святынь и незыблемых общинных, родовых или адатных правил поведения. Были и другие причины (личного характера, нравственной травмы или стечения обстоятельств), когда навсегда или на определенный срок горец становился на путь абрека. Это было следствие «особенного рода молодечества или какого бы то ни было горя, несчастья или бедности» [220, с. 259]. С приходом на Кавказ российских законов еще одним источником пополнения числа абреков стали «несправедливые», по мнению осужденных, судебные приговоры и условия наказания в тюрьмах, ссылке или на каторге. Бежавшему оттуда, как правило, был один путь – в абреки [392, с. 128].

Став абреком, горец лишался своего образа жизни, дома, семьи, имущества. Ему нечего было терять, и его не связывали никакие обстоятельства. Он мог ожесточиться и стать не знающим пощады даже к своим соплеменникам убийцей, безудержным грабителем. Была вероятность, что абрек возьмет на себя роль благородного разбойника, оказывая материальную поддержку нуждающимся [63, с. 142-143], а также, что он превратится в участника национально-освободительного движения.

Отсюда происходила неоднозначность общественного отношения к абрекам. С одной стороны, их боялись из-за чрезмерной жестокости совершенных ими преступлений, напоминая своей показательностью и громкостью современные террористические акции. Например, в длинном перечне преступлений одного из абреков значатся нападение на поезд в 1905 г. и налет на Киз-

лярское казначейство в 1910 г. В первом случае было убито 19 пассажиров, во втором – 19 человек [277, с. 21]. К тому же абреки зачастую с презрением, надменно относились к простым людям. С другой стороны – их удаля, бесстрашие, яркость поступков формировали особый интерес, а порой и восхищение, о чем говорят многочисленные дошедшие до нас рассказы. Преобладание того или иного отношения варьировалось в зависимости от конкретных исторических условий [239, с. 408-409].

Для российской администрации на Северном Кавказе не было особой разницы между абречеством и наездничеством, хотя это близкие и взаимосвязанные, но все же разные институты. «Как правило, все абреки занимались наездничеством, но не все наездники были абреками» [250, с. 114]. Для последних наездничество или, как его называли русские, «хищничество» было основным источником средств существования.

По объекту своей преступной деятельности выделяют три категории абреков: грабивших всех, у кого можно было что-то отобрать (деньги, лошадей, быков, оружие и т.д.); грабивших только богатых людей (купцов, дворян, помещиков и т.д.); грабивших и убивавших преимущественно бывших своих притеснителей, обидчиков (помещиков, судебных приставов, судей, сельских старшин и т.д.) [123].

Абречество самым серьезным образом поддерживал другой общественный институт – гостеприимство. Несмотря на то, что абреки были изгоями, согласно традиции им нельзя было отказать в крове и помощи [63, с. 140]. Поэтому, ведя борьбу с абречеством, российская администрация данный вид гостеприимства, как уже отмечалось, рассматривала как преступление.

Противостояние с данным институтом приносило определенные успехи, число абреков уменьшалось. Большинство из них к 1913 г. были физически уничтожены [375, с. 154]. Но полностью искоренить его одними карательными мерами было невозможно [204, с. 9]. Причина состояла в том, что в абречестве с приходом России на Северный Кавказ помимо традиционного и социального присутствовал мощный освободительный компонент. Поэтому данное явление активно развернулось в годы Гражданской войны и предвоенных социалистических преобразований.

Многие исследователи видят в событиях, происходивших на Северном Кавказе после крушения Советского Союза, возрождение абречества в модернизированном виде [55, с. 90-97; 54, с. 33-34; 239, с. 410-411]. Оснований для таких выводов вполне достаточно. Они коренятся в комплексе исторически сложившегося у народов Северного Кавказа представления о нормах, убеждениях и установках должного правового поведения личности и общности, а также исторической памяти как передаваемой через поколения системы образов действий, достойных современного воспроизведения.

РАЗДЕЛ 3.

ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

3.1. ОБЩИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ НАРОДОВ

Географическое положение республик Северного Кавказа позволяет рассматривать проживающие в них народы как единую систему этнических групп. Выше было показано, что эти народы имеют схожую историю развития, близость географического расположения и особое место в системе межрегиональных связей. Они обладают общей этничностью – совокупностью менталитета и культуры, которая не только отличает отдельный этнос, но и объединяет его с родственными этносоциальными образованиями [400, с. 115-118].

Основой северокавказского этнического единства является историческое, этнокультурное, бытовое и нравственное родство [61]. Это позволяет говорить об общекавказской солидарности и существовании здесь определенного культурно-исторического и психологического типа личности [347, с. 154]. Можно выделить психологические особенности, характерные в той или иной степени для всех северокавказских народов. Следуя известному методу французского историка и этнографа Г. Лебона, рассмотрим эти особенности в ситуации межэтнической конфликтности, поскольку именно в таких ситуациях обостряются те качества народа, которые укоренились в процессе его исторического развития и которые определяют способы поведения представителей народа внутри своей этнической группы и вне ее [217]. Данные качества определяются через систему альтернатив, перед которыми оказываются представители северокавказских народов в ситуациях межэтнического напряжения. Это шесть парных понятий: «традиционализм-модернизм», «закрытость-открытость», «регламентированность-хаотичность», «коллективизм-индивидуализм», «андроцентризм-феминизм», «радикализм-умеренность». Многочисленные социологические и этнопсихологические исследования свидетельствуют о том, что северокавказские народы в системе указанных альтернатив поведения и психологического бытия более склонны к первым противоположностям. В связи с этим их можно охарактеризовать скорее как традиционные, закрытые, регламентированные, коллективистские, андроцентрические (превалирует мужское начало), радикальные [347, с. 155].

Традиционность

Обычно к показателям традиционализма относят: устойчивость традиционных социальных институтов, силу связи с прошлым, сопротивление переменам [272, с. 167]. Большинство северокавказских народов тяжело переживают модернизацию (особенно насаждаемую извне), их отличает приверженность привычному жизненному укладу. В предыдущих разделах отмечалось, что все попытки резко изменить традиционный уклад жизни северокавказских наро-

дов, осуществлявшиеся царской администрацией и советской властью, терпели неудачу.

Сегодня на Северном Кавказе наблюдается активное возрождение традиционных социальных институтов, что свидетельствует о тяготении северокавказских культур к прошлому [304, с. 112-113]. Связь с ним активно осуществляется посредством религии, которую французский психолог С. Московичи назвал способом воскрешения коллективной памяти [257, с. 84]. Все воссоздающиеся обычаи, традиции, ритуалы имеют, как правило, религиозный характер (на основе соединения ислама/христианства с языческими верованиями). Например, традиционный праздник первой борозды у абазин, старинный праздник Святого Хетага у осетин, празднование Сабантуя у ногайцев и др.

Воскрешается национальная и мусульманская атрибутика в одежде (в Чечне открыты специальные ателье для женщин, новобрачных). Младенцев, как правило, называют национальными именами. С целью пропаганды традиционной национальной культуры в Северной Осетии-Алании создаются нихасы (народные советы) всех уровней [365, с. 56-57]. Возвращение к традициям и обычаям предков приветствуется в воспитании подрастающего поколения. Популярность обретают даже такие отжившие обычаи, как похищение невесты [338, с. 43-45] или кровная месть [158, с. 82]. Последний обычай был подробно описан выше, здесь лишь отметим, что кровная месть – это достаточно развернутая поведенческая модель, характерная для большинства горских народов всего мира, результат «...воинской организации социальной жизни в изолированных районах» в условиях постоянной угрозы со стороны внешнего мира [149]. Межэтнические конфликты 90-х гг. XX столетия на Северном Кавказе содействовали возрождению кровной мести как социального института, чему в немалой степени способствовали националистически настроенные местные элиты, разжигавшие в своих соплеменниках враждебность по отношению к другим этносам. Вызывает интерес и другая сторона института кровной мести – обычай примирения кровников. На его основе выполнялась и выполняется важнейшая функция этого института, предполагающая четкую альтернативу насилию – мирный договор и доверительность сторон. Издавна функцию примирения кровников брали на себя третейские суды старейшин (в Абхазии, Чечне, Ингушетии, Северной Осетии и Дагестане), действовавшие на основе адата. Сегодня отдельные механизмы старого примиренческого обряда снова обрели свою актуальность. Например, принцип индивидуального подхода, который определял деятельность третейского суда (примирение отдельных семей, отдельных аулов, наконец, отдельных людей), был успешно реализован в ходе прекращения кровной вражды семей Кадыровых с Ямадаевыми и Закаевыми в Чечне. Именно через конкретных людей, через фамилии должна проводиться на Северном Кавказе работа по снижению роста внутриэтнической и межэтнической конфликтности.

Закрытость

Под закрытостью понимается не просто изоляция этноса от внешнего мира. В качестве признака закрытости культуры рассматривается высокий уровень стабильности традиционных моделей поведения и внутригрупповых вза-

имоотношений в сочетании с интенсивностью социального и человеческого обмена и связей с внешней по отношению к данной культуре средой [347, с. 159-160]. С этой точки зрения северокавказские народы больше закрыты для внешних влияний, чем открыты. Относительной замкнутости северокавказских народов способствовало два фактора. Во-первых, это географические особенности Северного Кавказа, которые выражаются в ограниченной доступности большинства горных районов для связей с внешним миром. Это обстоятельство помогло сохранить на сравнительно небольшой территории многообразие языков и культур. Во-вторых, «закрытость» северокавказских культур определяется жестким традиционализмом в бытовой жизни, кланово-родовой системой (тейпы в Чечне и Ингушетии, тухумы в Дагестане), а также религией. Так, например, мусульмане, проживающие в мусульманской среде, менее подвержены ассимиляции другими культурами. В этом случае даже оторванность от своего этноса имеет меньшее значение [61]. Советский исследователь Г.В. Заурбекова приводила сравнение двух кабардинских сел в Курпском районе Ставропольского края и отмечала, что в селе, где мусульманская вера была не утрачена, лучше сохранилась национальная культура [142].

Определенную роль здесь сыграли ссылки и гонения на отдельные северокавказские народы со стороны советской власти [322]. В значительной степени благодаря репрессиям наиболее сохранили свой язык и этнокультурную самобытность те народы, которые были депортированы в сталинские годы. Большинство чеченцев и ингушей практически так и не перешли на двуязычие. Они также сохранили высокую этнокультурную однородность, которая в современной социально-политической ситуации возрастает за счет резкого увеличения числа однонациональных браков во всех регионах Северного Кавказа [77, с. 11].

В то же время северокавказские культуры всегда были доступны для «других» – представителей кавказских и некавказских народов. Известны случаи, когда основателями тейпов в Чечне были представители невайнахских народов, а под боком у горцев веками мирно проживали русские казаки. Безусловно, русский и другие народы приходили на Кавказ со своей культурой и своей психологией. Но зачастую, попадая в строго регламентированную и традиционную среду горских народов, они скорее переделывались сами, чем пытались изменить существующий уклад коренного населения [74].

Регламентированность

Показателями регламентированности жизни этноса выступают жесткость регулирующих и запретительных стандартов общества, определенность и консерватизм культурной жизни [357, с. 87]. Иными словами, регламентированная культура – это культура, в которой человеку прямо предписывается, что он должен делать, а что – нет. Границы и степень жесткости регламентированности поведения на Северном Кавказе определяются: принадлежностью лица к клановой иерархии, социальным статусом (обычно занимаемой должностью) и его возрастом.

Клановый характер социальной структуры северокавказских обществ иерархичен и авторитарен, почти исключительно поддерживается вековой тради-

цией. Власть клана, рода в индивидуальном и массовом сознании давно ассоциируется с властью государственных и муниципальных органов и порождает особое отношение к руководящему началу. «Уважение к власти» демонстрируют более 97% населения Чечни, участвуя в миллионных мероприятиях в поддержку лидера Республики Р. Кадырова, являющегося главой одного из значительных вайнахских тейпов – центоройского. В Кабардино-Балкарии, например, до сих пор право кровной мести определяется статусом в клановой иерархии – кровная месть не может быть обращена против вышестоящего лица [165].

Култ старших – одна из характерных особенностей северокавказских народов. Уважение старейшин своего народа – непреложный закон жизни [58]. Влиятельные советы старейшин существуют во многих северокавказских республиках и выполняют роль хранителей традиционных ценностей, а также основанных на них моделей нормативного поведения (послушания, конформизма, покорности). Консерватизм северокавказских культур поддерживается их высокой приверженностью к традиционным укладам, устойчивой межпоколенной связью и преемственностью. Характерная для них инерционность заставляет рассматривать эти культуры скорее как застывшие, чем динамично развивающиеся. Так, общеизвестно, что реликты рабовладения на Северном Кавказе не были изжиты еще в XIX столетии и даже проявлялись вплоть до последнего времени.

Северокавказские культуры – высокосимволичны. Все происходящее в них имеет свой особый смысл. Ежедневная жизнь полна условностей и запретов. Не только обряды, но и бытовое поведение имеют собственное культурное звучание, порождая прочность поведенческих стереотипов. Еще одной стороной высокой условности северокавказских культур является важность различий между членами своего этноса и «другими», между поведением внутри этнической группы и вне ее. Здесь существует двойной стандарт, о котором надо иметь представление: за пределами группы любые действия, не приносящие ей ущерба, могут не рассматриваться как девиантные. Внутри группы признается только однозначность действий. Гомогенность (однородность) поведенческих моделей скрепляют этикетки северокавказских народов – совокупность норм, правил, регулирующих поведение человека в любой ситуации от рождения до самой смерти. Требования традиционного этикета наиболее отчетливо проявляются во время обрядов и на людях. Этикетки – важные способы регламентации северокавказских обществ. Например, подробное описание адыгского этикета содержится в работе отечественного исследователя Б.Х. Бгажнокова [42; 44]. Так, один из принципов адыгского этикета – рассмотрение поля общения с точки зрения «почетное – менее почетное». Это касается и социального, и физического пространства [137, с. 162-163] – не только отношений между людьми, но и сторон света в жилом помещении, и правил разделки и распределения пищи. В любой ситуации предполагается определение иерархии присутствующих, а значит прав и обязанностей участников. Сегодня, как и ранее, этикетки выполняют объединяющую роль [137, с. 39-40]. В Республике активно возрождается «Адыгэ хабзэ» (адыгский этикет), который является важной основой объединения всех черкесов Северного Кавказа. Повсеместно возрождаются та-

кие понятия, как «чеченство», «абхазство» и др., символизирующие, с одной стороны, национальную идентичность традиционных образов жизни отдельных северокавказских народов, а, с другой – свидетельствующие о наличии универсальных черт кавказского этикета.

Общинность

Основными критериями общинности являются: подчиненность коллективу и зависимость от него, важность для индивида одобрения со стороны коллектива, наличие внутригрупповой поддержки, господство вертикальных, межпоколенных связей. На основе этих критериев северокавказские народы можно определить как коллективистские.

Общинность – это результат социальной организации северокавказских народов, построенной по кланово-родовому принципу. Клановость в первую очередь предполагает высокую преданность и привязанность к своему роду и семье, а также подразумевает регулирование отношений как отдельных представителей, так и родовых сообществ между собой. Это всегда был один из универсальных принципов поддержания единства у всех северокавказских народов [347, с. 163].

Семейно-родовые связи часто переплетались с соседскими и куначескими отношениями, поэтому в клановую структуру включались различные формы искусственного родства [164, с. 17]. Это имело целью упрочить позиции клана, что особенно становится важным в условиях межэтнической напряженности. В ситуации межэтнической конфликтности объективно усиливаются внутриэтнические эмоциональные связи, внутригрупповая сплоченность, круговая порука и взаимная поддержка, возрастает чувство этнической общности, а собственная группа в системе ценностей выдвигается на первый план [330, с. 81]. В качестве примера можно привести чеченцев, этническая консолидация которых значительно усиливалась в период вооруженных действий. То же самое можно сказать и об ингушах в ходе конфликта с осетинами из-за Надтеречного района в 90-х годах и об осетинах в момент противостояния с Грузией в 2008 г. Стоит отметить, что и в мирное время национальные элиты северокавказских республик прилагают немало усилий для развития этнического самосознания и внутриэтнической сплоченности особенно среди молодежи и соплеменников, проживающих за пределами своих регионов.

Андроцентризм

Северокавказские народы – андроцентрические, т.е. в значительной степени они ориентированы на мужчин. Мужчины на Кавказе – главные действующие лица. В семейно-родовых сообществах Северного Кавказа им всегда принадлежали все ведущие позиции, так как выживание народов в суровых горных условиях требовало четкой регламентации поведения каждого члена общества. Отсюда жесткая дифференциация половых ролей. Для внутрисемейных отношений народов Кавказа в прошлом были характерны авторитарная власть главы семьи (старшего мужчины в доме), строгое подчинение младших старшим, иерархизация статусов членов семьи, строгая половозрастная регламентация труда [319]. При этом роль женщины всегда жестко ограничивалась традициями (адат) и мусульманской религией (шариат) и в основном локализо-

валась вокруг ведения домашнего хозяйства. Такое соотношение мужского (активного) и женского (пассивного, второстепенного) начал в жизни северокавказских народов сохранилось и сегодня. Например, за годы новейшей истории Российской Федерации в высшие органы представительной власти страны от субъектов Северного Кавказа не было выдвинуто ни одной женщины. Среди республиканских парламентариев женщины – весьма редкое явление.

Среди семейно-бытовых традиций, определяющих внутрисемейное распределение ролей у народов Северного Кавказа, до сих пор продолжают встречаться, например, такие реликты, как многоженство. Полигамия сейчас получает уже открытое общественное одобрение [341, с. 16-17]. Российский исследователь Г. Солдатов приводит выдержки указа первого Президента Ингушетии Р. Аушева, разрешающего в соответствии с национальными и религиозными обычаями брать в жены нескольких женщин [347, с. 165]. Социальное неравенство между мужчинами и женщинами глубоко укоренилось в северокавказских обществах. Но женщины здесь никогда не были бесправными или забитыми. Их функции высоко ценились мужчинами, и женщины всегда занимали достойное положение [347, с. 165].

Главенствующее положение мужчин в северокавказских культурах можно считать одной из причин тенденции к радикализации отношений в регионе. Мужчины чаще используют насилие или одобряют насильственные действия как средство социального регулирования.

Радикализм

Воинственность для кавказского мужчины всегда была позитивной и общественно одобряемой характеристикой. Кроме того, это качество для горца было жизненно необходимым, так как приходилось постоянно отстаивать и свои владения, и свою жизнь. Поэтому в прошлом оружие всегда было непременным атрибутом вышедшего за порог своего дома кавказца [28, с. 10]. Общеизвестно, что представители северокавказских народов не только отличались воинственностью, но и обладали воинской доблестью. В годы Первой мировой войны из числа горцев Северного Кавказа была создана знаменитая «Дикая дивизия» [21]. В период Великой Отечественной войны чеченцы, ингуши, осетины нередко достигали высших воинских званий. В наши дни на Северном Кавказе получили широкое распространение различные военизированные формирования: батальоны Конфедерации народов Кавказа, воевавшие в Абхазии в начале 90-х годов, «национальная гвардия» масхадовского режима в Чечне, спецподразделения силовых министерств в современной Чеченской Республике.

Суровый образ жизни горцев способствовал формированию у них особого способа мышления и поведения в условиях конфликтных ситуаций. Кавказцы склонны скорее к силовым решениям как наиболее верным, хотя и радикальным способам разрешения разногласий. Наиболее предпочтительной стратегией поведения в ситуациях межэтнической напряженности в глазах горских народов является «настойчивое стремление решить вопрос в свою пользу», нежели компромисс. Личностные и культурологические факторы – далеко не единственные условия, способствующие распространению радикализма в

мировосприятию кавказцев. Этому благоприятствовали такие обстоятельства, как почти бесконечные войны на Северном Кавказе за последние двадцать лет (армяно-азербайджанский конфликт, «абхазский» и «южноосетинский» кризисы), обилие в регионе оружия и целенаправленный курс местных элит на милитаризацию (Южная Осетия, Чечня, Абхазия), обострение криминогенной обстановки (Дагестан), две жестокие войны и оставшийся потенциальный очаг нестабильности в самом центре Северного Кавказа – Чечне. Совокупность указанных факторов, безусловно, не могла не отразиться на психологическом самочувствии людей. Для жителей северокавказских республик характерно распространение таких психических состояний, как повышенная тревожность, массовая невротизация и фрустрация, провоцирующих различные негативные переживания. Снижению толерантности, повышению уровня межличностной конфликтности, агрессивности и росту негативных эмоций способствуют также экономические трудности и масса нерешенных социальных задач в северокавказских республиках. Множество проблем, охвативших этот регион вместе с традиционной «кавказской воинственностью», толкает население в ситуациях напряженности к выбору радикальных способов разрешения противоречий. Все это свидетельствует о высоком внутреннем и внешнем конфликтном потенциале северокавказского региона и активизации в случае обострения межэтнической напряженности защитных реакций населения на угрозу этнической безопасности в виде упрочения кланово-родовых связей, усилении замкнутости этно-культурных сообществ, повсеместной реанимации старых традиций, мощном всплеске религиозности.

3.2. ЭТНИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПСИХИКИ И НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА У ОТДЕЛЬНЫХ СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ НАРОДОВ

Как было показано выше, сходство различных аспектов жизнедеятельности северокавказских народов является основой их общей этничности. Не только вследствие общности геополитического положения, но и в силу общей этничности народы Северного Кавказа можно отнести к единому северокавказскому суперэтносу. Это определяет высокую схожесть механизмов адаптации и противостояния в северокавказских культурах глобальным изменениям, происходящим в обществе [347, с. 167]. Вместе с тем северокавказские народы нельзя считать этнически идентичными друг другу. Каждый из этносов имеет свои неповторимые черты, включая психологические особенности и своеобразие проявления национальных черт. Рассмотрим эти особенности применительно к ряду коренных северокавказских народов.

Чеченцы

В своем историческом развитии чеченцы пропустили этап рабовладения и феодализма, поэтому клановые и родовые отношения всегда составляли основу их социальной организации. Чеченец не мыслит себя иначе как часть семьи, рода, клана (тейпа). Члены тейпа имеют кровное родство и ведут свое происхождение по мужской линии. Члены тейпа обладают одинаковыми пра-

вами и гордятся внутригрупповыми привилегиями. У представителей чеченской нации внутриродовые связи сильнее, чем у других кавказцев, причем чувство принадлежности к тейпу превалирует над этнической принадлежностью.

Приверженность кланово-родовой традиции у чеченцев объясняется тем, что у них никогда не было государства, а свою независимость и свободу приходилось постоянно отстаивать в окружении более многочисленных и сильных народов. Тейп, таким образом, выполнял роль «мини-государства», обеспечивающего безопасность и защиту своим членам. С другой стороны, личной обязанностью каждого члена группы было преумножение силы и влияния своего тейпа [289]. Чеченец должен был постоянно соотносить свои действия с интересами рода, так как за его ошибку приходилось отвечать всем родственникам. Это положение породило такие поведенческие установки, как недозволённость жаловаться в государственные органы, прибегать к их защите от обидчиков. В то же время донести на родственников – это грех, который не прощается. Донести на соседа – то же самое [199, с. 203].

Сегодня тейповая структура чеченского общества по-прежнему остается доминирующей. За последние годы она даже еще более усилилась [402, с. 36], главным образом за счет приращения вооруженными формированиями (например, все силовые структуры Республики построены в строгом соответствии с тейповой иерархией). С другой стороны, тейповая организация общества является не только залогом сплоченности чеченцев, но и причиной их относительной разобщенности, поскольку межтейповые отношения как в прошлом, так и сейчас отличались высоким соперничеством [255, с. 22].

Повседневное поведение чеченцев подчинено стереотипам, которые складывались веками под воздействием традиций и религии. Главным же каналом трансляции поведенческих стандартов от поколения к поколению была своеобразная система воспитания подрастающего поколения. Детей учат прежде всего личным примером таким правилам горского этикета, как недопустимость прощения публичного унижения, обязательность отмщения за оскорбление, защита собственного достоинства, приверженность групповой сплоченности, готовность использовать самые жесткие способы для отстаивания личной чести и чести рода. Данные кавказские универсалии стали неотъемлемой чертой национальной психологии чеченцев и нередко проявляются в их поведении в гипертрофированном виде.

Другими заметными компонентами национального характера чеченцев можно назвать своеобразный локальный патриотизм [378, с. 204] (любовь не ко всему пространству, населенному чеченцами, а к родной земле с могилами предков), гостеприимство (защита гостей, недопустимость оскорбления гостя), распространенность побратимства (верность дружбе, нетерпимость к предательству и отступлению от куначеского этикета).

Стоит отметить, что поведение чеченцев за пределами своего тейпа и Республики вообще существенно отличается от внутригруппового образа действий. В инородной среде чеченцы держатся обособленно и поддерживают близкие контакты только с земляками. Они склонны к манифестарной (показной) независимости, переходящей со временем в стремление к лидерству.

Ингуши

Как и чеченцы, относятся к вайнахским народам (говорят на одном языке нахской группы), однако отличаются от первых несколько иным темпераментом. Ингуши более спокойны, имеют самообладание, сдерживают свои эмоции. Как правило, у них отсутствуют высокомерие и надменность. В конфликтах ингуши проявляют благоразумность – не избегают обострений, поскольку считается позором не отвечать на вызов, но и не ввязываются в лишние распри, чтобы не навлечь беду на свой род. Представители этого северокавказского народа стараются не высказывать свои суждения о посторонних на людях, избегают публичных оценок чужих слов и действий. Свою личную жизнь, жизнь семьи, рода ингуши не афишируют, придерживаясь житейской формулы «мой дом – моя крепость». Российский исследователь О. Павлова характеризует ингушей как толерантный к другим национальностям народ, проявляющий больший такт и уважение к представителям других культур [287].

Кабардинцы и балкарцы

Родственные народы, истари проживавшие на одной территории, но имеющие разные этнические корни – черкесские и тюркские. Различное происхождение повлияло на особенности национального характера кабардинцев и балкарцев: первые более реактивны в поведении, эмоциональны и горячи, вторые – статичны и уравновешенны. В повседневной жизни кабардинцы скорее склонны поддерживать межэтнические контакты, чем абсолютизировать свою национальную идентичность. Поэтому они легче приживаются в интернациональных коллективах. Балкарцы стоят на страже своих национальных обычаев и традиций, труднее идут на контакты с «чужими» [408]. Для балкарцев характерно следование внутригрупповой этике, преклонение перед авторитетом старших, подчинение мнению большинства. В связи с этим потребность в общении в поликультурной среде у балкарцев выражена меньше. Представители этого народа ориентированы скорее на личный успех, достижение признания со стороны соплеменников и прилагают для этого немало стараний, воли и терпения.

Адыги (адыгейцы) и черкесы

По сути, это один народ, в основе разделения которого на две подгруппы лежат некоторые отличия лингвистического характера. Адыгам и черкесам издавна приходилось отстаивать с оружием в руках свои земли, из-за чего воинственность и «походный» образ жизни стали частью национальной психологии. Представители этого народа неприхотливы в быту, весьма скромны в желаниях, но всегда готовы защищать свое личное пространство от посторонних, в том числе и силовыми методами. Адыги и черкесы высоко чтят горский этикет и ценят такие качества людей, как достоинство, честность, верность слову и дружбе, взаимопомощь, бесхитрость. В достижении жизненных целей они проявляют большое упорство, настойчивость, энергичность. В то же время для них характерны обидчивость, легкоранимость, впечатлительность. Поэтому в общении с адыгами и черкесами нужно проявлять такт, терпение, сдержанность. Понимание и поддержку с их стороны найдут искренность, прямота и чистосердечие. Резкое неприятие может вызвать стремление другой стороны

продемонстрировать какое-либо превосходство или отсутствие паритета во взаимоотношениях.

Осетины

Относятся к автохтонным (коренным) этносам Северного Кавказа. В силу доминирующей религии (православное христианство) испытали сильное влияние со стороны грузинской и русской культуры. Осетинская этническая общность выделяется открытостью и толерантностью из всех северокавказских наций и народностей. В то же время открытость у осетин относительная, она сочетается с глубокой приверженностью кланово-семейным связям, кровнородственным отношениям (обязанность знать своих предков по мужской линии до девятого колена). У осетин сильно развито чувство ответственности перед своей семьей и родом, круг обязанностей строго регламентирован и отступление от стандартов поведения в этом плане подвергается общественному осуждению [408].

Характерными чертами осетинского национального характера выступают: обостренное самолюбие, зачастую гипертрофированное чувство национальной гордости, упорство в достижении результата, простота и открытость во внутригрупповом общении. Осетины высоко ценят дружбу и деловые контакты с русскими, которых считают близкими по духу. Они всегда отвечают взаимностью на доброжелательность, честность и открытость, т. е. не считают это проявлением слабости у представителей иных этносов.

Дагестанцы

Скорее не этническая, а географическая общность, поскольку дагестанцев объединяет одна территория проживания. В этническом отношении дагестанцы представлены четырьмя языковыми массивами, весьма далекими по происхождению друг от друга: нахско-дагестанской семьей (аварцы, рутульцы, лезгины, чеченцы, агулы, лакцы), тюркской семьей (кумыки, азербайджанцы, ногайцы), славянской семьей (терские казаки, украинцы, белорусы), иранской семьей (таты, горские евреи). Всего более 60 народностей. Из-за относительной малочисленности дагестанских этносов в Республике нет так называемого титульного народа.

Как и у большинства других небольших народностей и этнических групп, у жителей Дагестана сильно развиты национальные чувства, проявление которых от народа к народу весьма самобытно. Нередко эти чувства обнаруживаются либо в приверженности традиционному образу жизни, либо в пристрастии к ношению национальной одежды (включая холодное оружие), либо в преувеличенной религиозности, в трепетном отношении к родному языку и т.д. В повседневном поведении у дагестанцев выражение национальных чувств может переходить границы толерантности и демонстрироваться через настороженное и даже нетерпимое отношение к «чужим». Проживание в горных, глухих местностях, оторванность от образовательных и культурных центров обуславливают относительную замкнутость дагестанских этносов, определяют безразличие ко внешней этнической среде у жителей небольших и в основном сельских общин [2]. С другой стороны, у большинства дагестанских этносов отсутствует установка на конфликтность с соседями, поскольку малочисленность собствен-

ного населения всегда была фактором, уравновешивавшим национальные амбиции и эгоизм. Жизнь заставила дагестанские народности вырабатывать сложную систему взаимоотношений друг с другом на основе взаимной безопасности, уважения и паритета национальных статусов. Для закрепления такой системы взаимоотношений в прежние времена широко использовались институты аталычества (воспитания детей в иноплеменной семье), куначества (побратимости), а теперь – межнациональные браки [85, с. 98].

Ярко выраженной чертой национального характера дагестанцев является усердие и прилежание в труде (во всем мире известна, например, очень трудоемкая «кубачинская» техника обработки металлов у даргинцев). Однако такие позитивные качества у дагестанцев в полной мере проявляются в родной этнической среде, в многонациональных коллективах представители Дагестана держатся большей частью изолированно и обособленно. Одной из причин такого поведения является слабое знание русского языка и сравнительно невысокий по сравнению со средним по стране общеобразовательный уровень. В силу данных обстоятельств, оказавшись в интернациональной среде, дагестанцы, как правило, не претендуют на лидерство и вполне довольствуются своей «нишей», которую сами себе определяют. Однако в случае реальной или мнимой опасности дагестанцы мгновенно консолидируются и независимо от национальной принадлежности совместно дают отпор обидчикам. В общении с дагестанцами требуется соблюдать такт, терпение, не следует стремиться искусственно навязать им свое товарищество, а предоставить возможность самим определять степень глубины и частоты контактов.

3.3. ЭТНИЧЕСКАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК УСЛОВИЕ СОХРАНЕНИЯ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Исследователями замечено, что регионы мира, отличающиеся этническим и конфессиональным многообразием состава населения, – потенциально нестабильны. По мнению американского политолога С. Хантингтона, через такие регионы проходит «линия разлома между цивилизациями», туда перемещаются «основные очаги кризисов и кровопролитий» [384, с. 5]. К таким регионам исторически относился и относится Северный Кавказ. Основными факторами межнациональной напряженности здесь являются:

1. Геополитическое положение региона и возросшее значение Черноморско-Каспийского бассейна. Традиционные геостратегические интересы России связаны с тем, что контроль над Северным Кавказом дает возможность влиять на развитие ситуации в Закавказье, Прикаспии и на Ближнем Востоке в контексте обеспечения стабильности на южных рубежах страны. Вместе с тем свыше 30 государств объявили регион зоной своих стратегических интересов. Коллизия этих интересов стимулирует межэтническую напряженность в регионе.

2. Кризисное состояние социально-экономической сферы жизнедеятельности людей и миграционные процессы. Низкий жизненный уровень в республиках Северного Кавказа: в Дагестане уровень средней зарплаты в три раза

ниже среднего по России, до 40% всего населения Дагестана, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии имеет доходы ниже прожиточного минимума, в Ингушетии и Дагестане самый высокий уровень безработицы в России. Одной из причин роста межэтнического напряжения, нетерпимости и потенциала конфликтогенности явился демографический и миграционный прирост в регионе.

3. Этнотерриториальные претензии друг к другу отдельных субъектов федерации (Адыгея, Северная Осетия, Ингушетия); проблемы, связанные с реабилитацией репрессированных народов; распространение политико-религиозного экстремизма (ваххабизма) [84].

Вместе с тем, несмотря на устойчивое и долговременное воздействие неблагоприятных факторов, в настоящее время сохраняется значительный потенциал для корректного, бесконфликтного развития гражданского общества на Северном Кавказе. Для этого существует ряд объективных предпосылок:

1. У северокавказских народов, исповедующих православное христианство, ислам, иудаизм, отсутствует почва для доктринальных разногласий, поскольку каждая из религий восходит к собственному источнику вероучения.

2. Каждый из этносов имеет традиционную национально-культурную среду бытования, поэтому их элитам не свойственны установки на привлечение в свои ряды представителей других национальностей и религий, что часто и ведет к межэтническому и межконфессиональному напряжению.

3. Присущая северокавказским народам общность основных этических ценностей благоприятствует взаимопониманию их представителей, обеспечивает предпосылки к взаимодействию и сотрудничеству в социально-гуманитарной сфере.

4. Народы, населяющие регион, сближают общие интересы и озабоченность общими проблемами. Среди них – содействие сохранению межнационального мира и согласия в многонациональной стране; противостояние угрозам национально-культурной самобытности народов, нивелирующим последствия процессов глобализации, экспансии массовой культуры; защита своих приверженцев от экспансии чуждых им религиозных движений [183, с. 183].

Важнейшим условием сохранения многонациональной среды и обеспечения безопасности региона Северного Кавказа выступает этническая и конфессиональная толерантность (терпимость). **Этноконфессиональную толерантность** можно представить как утверждение терпимых, взаимоуважительных отношений между разными национальными, конфессиональными группами и их представителями путем снятия или предотвращения состояния напряженности, вражды и т.п. благодаря деятельности органов государства и институтов гражданского общества, представителей народной дипломатии и лиц, обладающих способностями утверждать согласие и взаимопонимание, безопасность и мир [84]. Содержание этноконфессиональной толерантности характеризует ряд показателей, к которым в первую очередь относятся **терпимость, согласие и ненасилие**. На основе этих ориентиров строится конкретная политика, направленная на разрешение противоречий в этноконфессиональной сфере и предполагающая нейтрализацию источников и причин антагонизма, чреватого возможными насильственными конфликтами и угрозами.

Основными субъектами, осуществляющими такую политику в регионе, являются органы государственной власти и общественные объединения, к ним также можно отнести местных авторитетных людей (старейшин).

Государство в наибольшей степени обладает средствами обеспечения межэтнического согласия, в том числе и монопольным правом применять силу для противодействия разжиганию розни и проявлениям насилия (например, с этой целью в Чечне, Ингушетии и Дагестане на долгосрочной основе несут службу специальные и иные подразделения Министерства внутренних дел Российской Федерации из многих регионов страны). Обладая широкими возможностями, органы государственной власти и управления активизируют свое участие в разработке национальной и федеративной политики на Северном Кавказе. Только за последние десять лет в регионе неоднократно проводились представительные встречи, совещания, конференции и другие важные мероприятия по вопросам национальной политики, достижения межнационального и межконфессионального согласия, формирования толерантности, обеспечения мира и безопасности (Общественный форум народов Кавказа и Юга России (2004 г.), Учредительный съезд Российского конгресса народов Кавказа (2007 г.), Всероссийская научно-практическая конференция «Народы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне» (2010 г.), Форум народов Северо-Кавказского федерального округа России (2013 г.), Межрегиональная научно-практическая конференция «Северный Кавказ – наш общий дом» (2014 г.) и др.).

Ведущими органами государственной власти, занимающимися вопросами обеспечения мира и безопасности на Северном Кавказе, формированием этноконфессиональной толерантности у жителей региона являются аппараты представительств Президента Российской Федерации в Южном федеральном округе (ЮФО) с центром в г. Ростове-на-Дону и Северо-Кавказском федеральном округе (СКФО) с центром в г. Пятигорске. Одно из направлений деятельности полномочных представительств – налаживание взаимодействия федеральных органов и структур исполнительной власти республик, краев и областей, входящих в округа, с религиозными и национально-культурными объединениями по решению ключевых задач региона [311]. Для оказания консультативной помощи в миротворческой деятельности, достижения межэтнического согласия и решения других специфических вопросов при полномочных представителях Президента РФ в ЮФО и СКФО образованы Советы старейшин с участием представителей национально-культурных объединений и казачества. В тесном взаимодействии с Советами находится деятельность Межконфессиональных миротворческих Советов при полномочных представителях Президента РФ в ЮФО и СКФО, созданных «в целях укрепления мира, взаимопонимания, взаимоуважения, терпимости и согласия среди народов и конфессий». В данные структуры вошли национальные и духовные лидеры из республик, краев и областей федеральных округов [84].

Поддержание межнациональных отношений в режиме продуктивного диалога находится в центре внимания органов и структур исполнительной власти субъектов северокавказского региона. Мероприятия, направленные на решение этой задачи, отражены в республиканских целевых программах и планах

первоочередных действий, например, в Государственной программе Республики Дагестан «Реализация стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года на 2013-2015 годы», в Государственной программе Республики Ингушетия «Укрепление межнациональных отношений и развитие национальной политики (2014-2016 годы)» и др. [106; 310]. В северокавказских республиках сложилась система эффективного взаимодействия с национально-культурными объединениями. Ценный опыт решения проблем межэтнического, этноконфессионального характера накоплен Комитетом по делам национальностей, связям с соотечественниками и средствами массовой информации Правительства Республики Адыгея. Одним из направлений деятельности Комитета является активизация работы этнических советов, развитие национально-культурных автономий, налаживание цивилизованного диалога между основными национальными организациями Республики – «Черкесским конгрессом», «Адыге-Хасэ», «Союзом славян Адыгеи». Благодаря целенаправленной и продуманной работе государственных органов Республики, действовавших в тесном взаимодействии с общественностью, удалось нейтрализовать попытки деструктивных сил поднять население на акции протеста накануне и во время проведения Олимпийских и Паралимпийских игр в Сочи в 2014 г.

Определенную позитивную роль в стабилизации межнациональных отношений, формировании этноконфессиональной толерантности играют общественные организации. Большинство из них были созданы на пике подъема национального самосознания в 90-е годы XX в. и первоначально имели открытую националистическую направленность. Однако с течением времени эти организации стали более умеренными и сегодня активно сотрудничают друг с другом и органами власти в интересах мира и согласия на Кавказе. Открытыми для межнационального диалога считаются такие организации, как «Адыге Хасэ» (черкесы и адыгейцы), «Тёре» (балкарцы), «Бирлик» (ногайцы), Ассоциация тюркских народов, «Нийсхо» (ингуши), «Джамагат» (карачаевцы), «Садвал» (лезгины), организации Терского и Кубанского казачьих войск и некоторые другие. Активисты этих организаций проводят множество публичных мероприятий позитивной социальной направленности и пользуются поддержкой органов власти. Вместе с тем степень влияния национальных движений и организаций на население северокавказских республик не стоит преувеличивать. Их поддерживает главным образом интеллигенция и узкий слой «среднего класса» городов, в то время как основная масса аграрного населения мало что знает об их существовании. Гораздо более универсальны в этом отношении религиозные (конфессиональные) объединения. Главные из них относятся к Русской Православной Церкви (Пятигорская и Черкесская, Владикавказская и Махачкалинская, Ставропольская и Невинномысская епархии) и к Духовному управлению мусульман Северного Кавказа (муфтияты – духовные управления Адыгеи и Краснодарского края, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Ставрополя, Северной Осетии, Дагестана, Ингушетии). Религиозные организации и их авторитеты принимают участие практически во всех мероприятиях, имеющих миротворческую направленность, работают совместно в местах про-

живания смешанного населения над недопущением межэтнических и межконфессиональных конфликтов. Особый объект внимания двух церквей – северокавказская молодежь. С 2007 г. в регионе проходит ежегодный Межконфессиональный молодежный форум «Кавказ – наш общий дом», на котором участники не только обсуждают пути упрочения позиций традиционных конфессий в молодежной среде, но и вырабатывают конкретные стратегии противодействия втягиванию молодежи в экстремистские (салафитские и ваххабитские) псевдорелигиозные организации и группы [256]. Работа эта идет с переменным успехом, так как не все мусульманские священники придерживаются официальной позиции своей церкви.

То же самое можно сказать и об отношении авторитетных людей (старейшин) и их советов к проблеме межэтнической и межконфессиональной толерантности. Степень воздействия на ситуацию и возможность управления ею у этих уважаемых людей сегодня не такая абсолютная, как еще несколько десятилетий назад. Меньшим влиянием на соплеменников обладают так называемые официальные советы старейшин, созданные при органах власти (например, в составе общественных советов, общественных палат) северокавказских республик и федеральных округов. Население воспринимает такие структуры как продолжение бюрократических коридоров и слабо прислушивается к заявлениям и декларациям их участников. С другой стороны, «традиционные» местные советы старейшин продолжают сохранять свой статус в социальной структуре этнических обществ и в определенной мере могут контролировать умонастроения и поведение земляков. Однако тут стоит отметить, что старейшины гораздо охотнее будут выносить решения по внутриобщинным вопросам (семейно-бытовые, имущественные, соблюдение этических норм и т.д.), чем по проблемам межэтнического или межконфессионального характера. Последнее вовсе не означает, что советы старейшин устранились от данной тематики. Напротив, в случаях, когда такие конфликты угрожают общине или отдельным ее представителям, старейшины часто выступают в роли миротворцев, причем делают это более эффективно, чем власти. Новейшая история народов Северного Кавказа знает многочисленные примеры, когда слово старейшин на годекане (горское название совета старейшин) останавливало кровопролитие между соседними народами. В этом отношении местные советы авторитетных людей могут выступать объективными союзниками правоохранительных органов в ситуации назревающего или реального межэтнического конфликта. Большинство старейшин – это прагматичные и уравновешенные люди, они адекватно воспринимают аргументацию противоположной стороны или иных участников контактов, особенно если такая аргументация убедительна и понятна. При этом, конечно же, не нужно забывать, что для получения положительного результата властям, в том числе и «силовикам», необходимо находиться в постоянном взаимодействии с этими неформальными органами местного управления.

Воспитание толерантности и признание культурных, национальных, религиозных различий на мирной основе возможны не только (и не столько) в процессе формализованного общения. Нахождение моделей социальной коммуни-

кации, позволяющих сохранить или сформировать позитивные основания национальных культур в условиях усиливающегося и усложняющегося межэтнического взаимодействия, нередко заложено в самих традициях и этикетах горских народов. В основе этнической интеграции северокавказских общин находится толерантность, уходящая своими корнями в традицию добрососедства. Соседские отношения у народов Северного Кавказа всегда приравнялись по значению к родственным. Мнение соседей нельзя было не учитывать, конфликтовать с соседом считалось грешным делом. Сосед воспринимался настолько «своим», что у некоторых народов Кавказа (адыгейцев, вайнахов, кабардинцев) браки с соседями фактически были запрещены. Причина формирования подобных традиций – необходимость единения перед лицом различных угроз и опасностей: нападений врагов, стихийных бедствий, болезней и эпидемий.

Важнейшими институтами добрососедства издавна были гостеприимство, куначество, аталычество, побратимство и другие чрезвычайно многообразные на Северном Кавказе формы заключения искусственного родства [103, с. 184].

Правила гостеприимства, о которых уже неоднократно отмечалось выше, распространялись, в том числе, и на людей иной веры и национальности. Строгое соблюдение этого обычая у горцев считалось первой добродетелью и включало в себя принципы неприкосновенности гостя, предоставления гостю лучшей пищи и лучшего имущества в доме, защиты гостя в случае нанесения ему обиды, помощи гостю в его делах, даже если это был преступник или кровник.

Широко распространенный среди горцев Северного Кавказа обычай куначества способствовал укреплению межэтнических отношений, разрушал культурные, языковые и иные барьеры. Отношения куначества завязывались между гостем и хозяином при первых же встречах. Они, как правило, становились друзьями, верными, как родные братья, обменивались подарками. Кунаков связывали взаимопомощь и участие в важнейших делах друг друга. Случалось, что кунак занимался воспитанием детей вместо умерших родителей, заботился о них до совершеннолетия. Данный обычай связывал кунаков не только гостеприимством, но и взаимопомощью. Горец считал своим первым и священным долгом оказывать при надобности материальную помощь кунаку-казаку. Точно так же относились казаки к своим кунакам-горцам. Казаки и горцы не только поддерживали обычай куначества, но и «гордились своей дружбой и передавали ее детям как священный завет от поколения к поколению». Нередко можно было встретить в горских аулах гостей – казаков и казачек [103, с. 184].

Своеобразной формой межэтнических отношений на Северном Кавказе было аталычество – передача детей для воспитания в другие семьи. Особенно распространено оно было у адыгов, осетин, балкарцев, карачаевцев и кумыков. Институт аталычества выходил за рамки одной этнической общности. Через него воспитывались дети других народностей, и этот институт служил одним из важных рычагов сближения разных племен и народностей. Это все способствовало взаимовлиянию и взаимообогащению их культур. Сегодня аталычество, безусловно, не так широко распространено, как прежде. Тем не менее отдача детей на воспитание (нередко – в закамуфлированных формах) встречается

ся и в наши дни. Причиной этого исследователи считают то обстоятельство, что установление аталыческих связей позволяет «...естественным образом воспроизводить механизмы поддержания упорядоченных и регулируемых по понятным правилам, а потому мирных межэтнических отношений в условиях смешанного проживания северокавказских народов» [196].

Еще одной формой проявления добрососедства у кавказцев было молочное родство: оно возникало и как следствие действительного кормления грудью чужого ребенка (при отсутствии молока у матери), и как стремление примирить кровников (в том числе и иноплеменников) или обрести покровительство того или иного человека – когда взрослый человек символически касался губами груди женщины. Побратимство (а у некоторых народов и посестримство), оформлявшиеся различными способами (питье из общей посуды, обмен подарками), также известно всем северокавказским народам и широко распространено в сельских и горных местностях региона.

Особой формой искусственного родства были присяжные или клятвенные братства, которые в зависимости от местных условий и конкретных ситуаций оформлялись или как индивидуальное, или коллективное усыновление, или как побратимство [286].

Пожалуй, самой высокой степенью межэтнической интеграции можно считать заключение смешанных браков. Межкультурное взаимодействие в национально-разнородных семьях характеризуется созданием универсального слоя культуры. Подобная семья вырабатывает общие, обоюдно приемлемые формы семейной жизни: язык внутрисемейного общения и доверия между разными народами и разными группами одного народа [36, с. 87]. Вместе с тем необходимо указать, что институт межэтнических браков всегда сталкивался с большими трудностями: существовали прямые запреты вступать в брак представителям разных конфессий, такие браки осуждались в своей этнической среде. Даже сегодня в сельских и высокогорных районах северокавказских республик смешанные браки встречаются крайне редко, а в городах – не превышают нескольких процентов от общего числа браков. С другой стороны, в условиях объективно усиливающегося и усложняющегося межэтнического взаимодействия в регионе количество смешанных браков и семей будет неизбежно расти. А вместе с ними будет укрепляться тот пласт унифицированной культуры, который рождает наиболее толерантных личностей и сочетает в себе лучшие достижения северокавказских народов.

Предпринятый краткий обзор традиций, определявших межэтническое сотрудничество народов Северного Кавказа, свидетельствует об их богатстве и многообразии. Народы этого региона накопили многолетний опыт взаимной терпимости, разумного приспособления, достойных компромиссов, разностороннего сотрудничества. Первоочередной целью всех субъектов формирования межэтнической и межконфессиональной толерантности в регионе должно стать преумножение и развитие этих традиций, их реальное воплощение (разумеется, в социально приемлемых формах) в практику повседневного общения людей разных народностей и вероисповеданий.

Основными направлениями формирования социально-позитивного восприятия этноконфессиональными общностями друг друга (толерантности) в северокавказском регионе на сегодняшний момент являются:

– нахождение наиболее эффективных форм деятельности субъектов формирования этноконфессиональной толерантности и налаживание взаимодействия между ними по линии «органы государственной власти – институты гражданского общества» (аппарат представительства Президента РФ в ЮФО и СКФО, органы власти субъектов РФ, входящих в Округа, органы местного самоуправления, семья, учреждения образования, воспитания и культуры, миротворческие неправительственные организации, национально-культурные общины, общественные и религиозные объединения);

– улучшение социально-экономической ситуации, своевременная реализация социальных и экономических интересов полиэтнического населения региона;

– осуществление целевых социально-культурных мероприятий, укрепляющих межэтническое взаимодействие и поощряющих традиции добрососедства;

– создание системы долгосрочного этнологического мониторинга и оперативного реагирования на ситуации межэтнической напряженности и межэтнические конфликты, в том числе при непосредственном участии правоохранительных органов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предложенные методические рекомендации отвечают определенной практической потребности. Она заключается в том, чтобы поставить знание о социокультурных и этнопсихологических особенностях народов Северного Кавказа на службу сотрудникам правоохранительных органов, исполняющим свои служебные обязанности в местах со смешанной национальной средой.

Обращение к основам бытия и духовного мира народов Северного Кавказа на фоне происходящих в современной России модернизационных перемен вызвано тем, что и в изменившихся общественных условиях традиционные формы культуры и массовой психологии, их элементы и комплексы продолжают функционировать, в значительной мере определяя специфику этого региона. Без знания и понимания этих особенностей места пребывания и службы сотруднику правоохранительных органов будет непросто ориентироваться в тонкостях внутригрупповых и межгрупповых отношений различных этносов, населяющих Северный Кавказ. Прежде всего эти знания будут востребованы в ситуации межэтнического и межконфессионального напряжения, когда от грамотного, компетентного и тактичного поведения сотрудника полиции, представляющего другие некавказские регионы страны, может зависеть исход конфликта и предотвращение насилия.

Какие же основные сведения, необходимые для эффективного несения службы в Северо-Кавказском регионе, может извлечь сотрудник полиции из данного пособия:

1. Северный Кавказ – это большой и весьма специфичный историко-культурный регион нашей страны. Его специфика обуславливается прежде всего самой большой в России плотностью проживания и этнической «пестротой» населения, сложной географией расселения этносов и конфессиональной (религиозной) мозаикой, многообразием языков и культур, богатой историей и не менее насыщенной событиями современностью.

2. Совокупность специфических черт, с одной стороны, обеспечивает целостность и приемлемый уровень социальной стабильности в регионе и одновременно, с другой стороны, является источником многих его проблем.

3. Значительным интегрирующим (объединяющим) и дезинтегрирующим (разъединяющим) потенциалом для северокавказских народов обладают такие базовые социокультурные факторы развития этноса, как религия, общественные отношения и правовая культура.

4. Конфессиональная (религиозная) принадлежность и кланово-семейная структура социальных отношений относятся, скорее, к дезинтегрирующим характеристикам, поскольку являются главными причинами кроссэтнической и внутриэтнической конфронтации и неприязни. Подавляющее большинство конфликтов между северокавказскими народами в прошлом и в новейшей истории имели религиозную подоплеку или были результатом межклановой конкуренции.

5. Особенности правовой культуры в форме адата как совокупности общих для всех северокавказских народов обычаев и народной юридической практики в самых разнообразных сферах имущественных, семейных и т.п. от-

ношений, а также наличие универсальных этнопсихологических черт, закрепленных в «кодексах поведения кавказца (горца)», символизируют объединяющее начало в жизни большого северокавказского суперэтноса, свидетельствуют о способности составляющих его народов к саморегуляции внутригрупповых и, что особенно важно, межгрупповых социальных отношений.

6. Наличие схожих психологических черт, проявляющихся на стыке культуры, ментальности и моделей поведения у представителей северокавказских этносов, – традиционности, закрытости (замкнутости), регламентированности, коллективизма (общинности), андроцентризма (приоритета мужского начала), радикализма – не отменяет существования особенностей психики и проявления национального характера у каждого конкретного народа. Игнорирование этнической и этнопсихологической идентичности (принадлежности к определенной нации, народности или этнической группе) северокавказцев, подход к общению с ними «с общей меркой» без учета национальных особенностей чреваты возникновением психологических барьеров, проявлением отчужденности, замкнутости, настороженности и даже враждебности.

7. Преодолению дезинтегрирующих и ксенофобских тенденций в регионе призвана способствовать долгосрочная и целенаправленная политика межэтнической толерантности (терпимости). Такая политика изначально проводилась центральной властью с начала присоединения Северного Кавказа к Российской империи, активно осуществлялась советской властью, открыто реализуется в современной Российской Федерации.

8. Основными субъектами и главными проводниками идеологии и практики межэтнической толерантности и миротворчества выступают органы федеральной государственной власти в регионе, органы государственной власти субъектов федерации, органы местного самоуправления, общественные объединения, авторитетные светские и духовные лидеры национально-культурных общин. Перечисленные субъекты обладают неодинаковой степенью влияния на население северокавказских республик: определенное недоверие сохраняется в отношении действий формализованных структур, наибольшее значение имеют решения неформальных органов самоуправления и мнение местных авторитетных лидеров.

9. Сотрудник полиции при исполнении служебных обязанностей в условиях полиэтнической среды Северного Кавказа должен учитывать данное обстоятельство. Являясь представителем государственной власти и носителем инородной национальности и культуры, страж правопорядка вряд ли сможет снискать симпатию и расположение местного населения без тесных (но без навязчивости) контактов с такими структурами и лицами. Ценность подобных контактов будет возрастать в ситуации внутриэтнической или межэтнической конфликтности, проведения миротворческих мероприятий.

10. В общении с местной элитой и населением акценты следует смещать с дезинтегрирующих, разъединяющих, антагонистических моментов в сторону лояльности, толерантности, ненасилия, подчеркивая взаимовыгодный характер таких отношений. При этом апеллировать следует к глубинным и одобряемым у северокавказцев традициям добрососедства, гостеприимства, дружбы и другим социально позитивным обычаям.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абазины (историко-этнографический очерк). – Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 1989. – 240 с.
2. *Абдувагабова А.М.* Психологические особенности межнационального взаимодействия в полиэтническом Дагестане (на материалах исследования аварцев, даргинцев и русских): автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Москва, 2009. – 25 с.
3. *Абдуллаев Э.Э.* Философско-религиозные основы и особенности мусульманского права // Социально-политические науки. 2014. № 1. С. 33-36.
4. *Абдулманапова А.А.* Даргинцы: история, культура, традиции. – Махачкала: Эпоха, 2014. – 80 с.
5. *Агакеримова Ч.А.* Взаимодействие в Дагестане адата, шариата и законов Российской империи: историко-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2008. – 41 с.
6. *Агиева Л.Т.* Ингушское гостеприимство. – Назрань: Пилигрим, 2015. – 188 с.
7. *Адзиев Х.Г., Гасанов Н.Н.* Межнациональное согласие в Дагестане и на Северном Кавказе // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2011. № 3. С. 68-74.
8. *Айваллы Р.* Жизнь пророка Мухаммеда. – Алматы: Сад, 2008. – 336 с.
9. *Акаев В.Х.* Религиозно-политические особенности северокавказского ваххбизма и конфликт с суфизмом // Исламоведение. 2010. № 4. С. 4-17.
10. *Акаев В.Х., Керимов М.М.* Мусульманская культура: фундаменталистские и модернистские проявления // Исламоведение. 2009. № 2. С. 142-147.
11. *Акаев П.Х.* Ислам и горские адаты на Северном Кавказе / Традиционализм и модернизация на Северном Кавказе / отв. ред. В.В. Черноус; Южно-российское обозрение Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК РГУ и ИСПИ РАН. Вып. 23. – Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ, 2004. С. 8-21.
12. *Алафаев А.А., Тетиев А.И.* Россия на Северном Кавказе в XVIII-начале XX в. // Преподавание истории в школе. 2007. № 3. С.11-17.
13. *Албогачиева М. С.-Г.* Особенности взаимодействия российской судебной-правовой системы и традиционных правовых институтов ингушского общества (XIX-XXI вв.) / Общество как объект и субъект власти. Очерки политической антропологии Кавказа / отв. ред. Ю.Ю. Карпов; Российская акад. наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). – Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 2012. С. 142-208.
14. *Албогачиева М.С.-Г.* Адепты Кунта-хаджи Кишиева: Бамат-Гирей-хаджи Митаев, Батыл-хаджи Белхароев, Хусейн-хаджи Гарданов, Чим-Мирза Таумерзаев, Мани-шейх Назиров и Вис-хаджи Загиев / Ислам в России и за ее пределами: история, общество, культура: сборник материалов международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня кончины выдающегося религиозного деятеля шейха Батал-хаджи Белхароева. – Санкт-Петербург: Магас, 2011. С. 28-36.

15. *Александров Н.А.* Черкесы и Кабардинцы. – Москва: Изд-во П. Сытина, 1901. – 72 с.
16. *Алексеев В.П.* Происхождение народов Кавказа (Краниологическое исследование) / АН СССР. Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – Москва: Наука, 1974. – 315 с.
17. *Алексеева Е.М.* Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа. – Москва: Наука, 1991. – 144 с.
18. *Алексеева Е.П.* Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии (Вопросы этнического и социально-экономического развития) / АН СССР. Отделение истории. Научный совет по координации научно-исследовательских работ в области востоковедения. Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт экономики, истории, яз. и литературы. – Москва: Наука, 1971. – 355 с.
19. *Алиев К.М.* К этнополитической истории кумыков в составе Золотой Орды (XIII-XV вв.) / Средневековые тюрко-татарские государства: сборник статей. Вып. 1. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. С. 9-15.
20. *Алиева С.И.* Ногайцы Северного Кавказа в XV-XVIII вв.: расселение, статус, этнополитические контуры / Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков – к грядущему. – Черкесск, 2014. С. 6-12.
21. *Алмазов И.Г.* Горцы Северного Кавказа в Первой мировой войне 1914-1918 (на примере Кавказской Туземной конной дивизии (Дикой дивизии)) // Кавказ: перекресток культур: сборник статей / отв. ред. М.С.-Г. Албогачиева; Рос. акад. наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). – Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2015. С. 255-270.
22. *Аль-Кахиби М.* Семейные отношения в исламе. – Москва, 2009. – 192 с.
23. *Аль-Хабсри Заин Т.А.Г.* Классификация наказаний в уголовном законодательстве Йеменской Республики // Вестник экономики, права и социологии. 2013. № 4. С. 99-101.
24. *Анжиров И.В.* Влияние клановой формы организации традиционных обществ Северного Кавказа и Закавказья на формирование этнической преступности в современной России // Теория и практика общественного развития. 2010. № 1. С. 65-74.
25. *Аниканов М.В., Степанов В.В., Сусоколов А.А.* Титульные этносы Российской Федерации / Министерство образования Российской Федерации, Ин-т нац. проблем образования, Науч.-исслед. программа «Науч.-метод. обеспечение развития системы образования». – Москва: ИНПО, 1999. – 350 с.
26. *Анисимов Е.В.* Анна Иоанновна. – Москва: Молодая гвардия, 2002. – 362 с.
27. *Анчабадзе Г.З.* Вайнахи. – Тбилиси, 2001. – 97 с.
28. *Анчабадзе Г.* Культура общения с противником во время войн и вооруженных столкновений на Кавказе (традиции и современность) / Традиция разрешения конфликтов на Кавказе и методы институтов гражданского общества. – Ереван, 2004. С. 9-23.
29. *Анчабадзе Ю.Д.* «Остракизм» на Кавказе // Советская этнография. 1979. № 5. С. 137-144.

30. *Аполлодор*. Мифологическая библиотека. – Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1972. – 722 с.
31. *Арриан*. Поход Александра. – Санкт-Петербург: Изд-во И. Глазунова, 1837. – 548 с.
32. *Арсанукаева М.С.* Кровная месть по адатам чеченцев и ингушей (XIX – начало XX века) // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2009. № 1. С. 46-51.
33. *Артамонов М.И.* Киммерийцы и скифы. (От появления на исторической арене до конца IV в. до н.э.). – Ленинград: Ленингр. ун-т, 1974. – 156 с.
34. *Артемов В.Ю.* Основные институты мусульманского уголовного права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2008. – 180 с.
35. Археология: учебник / под ред. акад. РАН В.Л. Янина. – Москва: Моск. ун-т, 2006. – 608 с.
36. *Асанова Э.С.* К вопросу о межэтнической брачности / Материалы V Всероссийской научной конференции молодых ученых «Наука. Образование. Молодежь». – Майкоп: АГУ, 2008. Т. 3. С. 196-200.
37. Атлас современной религиозной жизни России / отв. ред. М. Бурдо, С. Филатов. – Москва: Санкт-Петербург: Летний сад, 2005. Т. 1. – 621 с.
38. *Бабич И.* Поиски современной «горской идеологии» на Северном Кавказе // Кавказ & глобализация. 2006. Т. 1. С. 154-164.
39. *Бабич И.Л.* Взаимодействие внутренних и внешних факторов в процессе создания государственного механизма противодействия исламскому радикализму на Северном Кавказе / Международное сообщество и глобализация угроз безопасности: сборник научных докладов: в 2-х ч. Ч. 2: Международное сообщество и национальные государства в поиске ответов на новые угрозы безопасности / отв. ред. В.В. Грохотова, Б.Н. Ковалев, Е.А. Макарова; НовГУ имени Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2008. С. 156-174.
40. *Бабич И.Л.* Народные традиции в общественном быту кабардинцев во второй половине XIX-XX в. (почитание старших, уважение к женщине, взаимопомощь, гостеприимство): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Москва, 1992. – 28 с.
41. *Бардаков А.И., Поломошнов А.Ф., Гурбанов Э.А.-О.* Ислам – политический и социально-культурный фактор развития Северного Кавказа // Исламоведение. 2010. № 2. С. 19-32.
42. *Бгажноков Б.Х.* Адыгский этикет. – Нальчик: Эльбрус, 1978. – 159 с.
43. *Бгажноков Б.Х.* Куначество у черкесов и других народов Кавказа // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2015. № 1. С. 7-14.
44. *Бгажноков Б.Х.* Очерки этнографии общения адыгов. – Нальчик, 1983. – 229 с.
45. *Бегеулов Р.М.* Карачай в Кавказской войне XIX века / Карачаево-черкесский историко-культурный и природный музей-заповедник. – Черкесск, 2002. – 178 с.
46. *Белозеров В.С.* Этническая карта Северного Кавказа. – Москва: ОГИ, 2005. – 304 с.

47. *Бережной С.Е., Добаев И.П., Крайнюченко П.В.* Ислам в современных республиках Северного Кавказа / под общ. ред. И.П. Добаева. – Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ, 2002. – 168 с.
48. *Берже А.П.* Выселение горцев с Кавказа // Русская старина. 1882. Т. 33. Вып. 1-3. С. 161-176.
49. *Берже А.П.* Кавказская старина / сост. Н.В. Маркелов. – Пятигорск: СНЕГ, 2011. – 512 с.
50. *Бетрозов Р.Ж., Бгажноков Б.Х.* К вопросу о формировании кабардинского этноса // Известия Кабардино-Балкарского государственного университета. 2012. Т. II. № 2. С. 48-52.
51. *Блиев М.* Черкесия и черкесы XIX века. Краткий очерк истории. – Москва: Международный Институт Новейших Государств, 2011. – 192 с.
52. *Блиев М.М.* Осетинское посольство в Петербурге 1749-1752: присоединение Осетии к России. – Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им. В. Гассиева, 2010. – 236 с.
53. *Блиев М.М., Дегоев В.В.* Кавказская война (1817-1864 гг.). – Москва: Росет, 1994. – 591 с.
54. *Бобровников В.О.* Абреки и государство: культура насилия на Кавказе // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 19-46.
55. *Бобровников В.О.* Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие: очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. – Москва: Вост. лит., 2002. – 368 с.
56. *Бобровников В.О.* Шариатские суды и правовой плюрализм в советском Дагестане // Этнографическое обозрение. 2001. № 3. С. 77-91.
57. *Бобылев В.С.* Внешняя политика России эпохи Петра I: монография. – Москва: УДН, 1990. – 168 с.
58. *Болтенкова И.Н.* Социальная природа обычая почитания старших у народов Северного Кавказа // Преподавание истории в школе. 2009. № 6. С. 33-36.
59. Большая Советская Энциклопедия / гл. ред. О.Ю. Шмидт. – Москва: Советская энциклопедия, 1926. Т. 1. – 832 стлб.
60. *Борздов Ю.Я.* Социально-философский анализ воинских традиций этносов Северо-Кавказского региона: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Ставрополь, 2000. – 24 с.
61. *Борздов Ю.Я.* Социально-философский анализ воинских традиций этносов Северо-Кавказского региона: дис. ... канд. филос. наук. – Ставрополь, 2000. – 157 с.
62. *Борлакова З.М.* Депортация и репатриация карачаевского народа, 1943-1959 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – Москва, 2000. – 245 с.
63. *Ботяков Ю.М.* Периферия сельского сообщества на Западном Кавказе в конце XIX-XX вв. // Северный Кавказ: традиционное сельское сообщество – социальные роли, общественное мнение, властные отношения / под ред. С.А. Штыркова. – Санкт-Петербург: Наука, 2007. С. 129-203.
64. *Боханов А.Н.* Царь Алексей Михайлович. – Москва: Вече, 2012. – 368 с.

65. *Боцьева Л.В.* Историко-культурные предпосылки проблемы формирования культуры межнационального общения у народов Северного Кавказа с древнейших времен до XVIII в. // Вестник Северо-Осетинского государственного университета. 2008. № 4. С. 48-54.

66. *Бузескул В.П.* Введение в историю Греции: обзор источников и очерк разработки греческой истории в XIX в. и начале XX в. – 3-е изд., перераб. – Петроград: Тип. М.М. Стасюлевича, 1915. – 592 с.

67. *Булатов Б.Б., Исмаилова А.М.* Процесс инкорпорации Кавказа в состав Российской империи / Кавказ: история и современность: материалы III Международной научно-практической конференции. 26-27 сентября 2013 г. / под общ. ред. Л.А. Тхабисимовой; ред.-сост.: Е.А. Агеева. Е.Г. Матросова. Е.А. Кулькин. – Пятигорск: Рекламно-информационное агентство на КМВ, 2014. Т. 1. С. 43-50.

68. *Бурнусузян А.П.* Северокавказский мир и Россия: семиотика самоузнавания // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2011. № 2. С. 11-16.

69. Библия. Кн. Бытие. – Москва: Изд-во Московской патриархии РПЦ, 2012. – 1225 с.

70. *Вагабов М.В.* Арабская экспансия и трансформация ислама из национальной религии в мировую // Исламоведение. 2010. № 3. С. 30-46.

71. *Вагабов М.В.* Расколы в исламе причины и социальные последствия // Исламоведение. 2010. № 4. С. 73-95.

72. Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX – середина XX в.) / авт. кол.: В.А. Козлов (рук.), Ф. Бенвенути, М.Е. Козлова, П.М. Полян, В.И. Шеремет; сост. и авт. коммент.: И.А. Зюзина (отв. сост.), В.А. Козлов, М.Е. Козлова (ч. V-VI), Н.Л. Поболь (ч. II-IV), П.М. Полян (ч. II-IV), Т.В. Царевская-Дякина, В.И. Шеремет (ч. I). – Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. – 1094 с.

73. Ванеев З.Н. Средневековая Алания. – Сталинири: Госиздат Юго-Осетии, 1959. – 184 с.

74. *Варивода Н.В., Кешева З.М., Березгов Б.Н.* Социокультурное взаимодействие восточнославянского населения Центрального Предкавказья и северокавказских народов в XVIII – начале XX в. // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-3. – Режим доступа: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=23509> (дата обращения: 06.04.2016).

75. *Васильев А.М.* Пуритане ислама? Ваххабизм и первое государство Саудитов в Аравии (1744/45-1818) / АН СССР. Ин-т народов Азии. – Москва: Наука, 1967. – 263 с.

76. *Ватолина Ю.В.* Гостеприимство как антропологический феномен: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. – Санкт-Петербург, 2014. – 45 с.

77. *Верещагина А.В.* Этнически смешанные семьи на Северном Кавказе: образование и межэтническая адаптация: автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Ростов-на-Дону, 2003. – 26 с.

78. *Волкова Н.Г.* Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. – Москва: Наука, 1974. – 273 с.
79. *Волкова Н.Г.* Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа / АН СССР. Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – Москва: Наука, 1973. – 208 с.
80. Выступление министра по национальной политике Республики Дагестан Татьяны Гамалей в секции «Русский мир: диалоги и конфликты» (в рамках III Ставропольского форума Всемирного русского народного собора «Глобальные вызовы – русский ответ») г. Ставрополь. – Режим доступа: <http://www.minnaz.ru/index.php/dokumenty/doclady-vy-stupleniia/2-uncategorised-/819> (дата обращения: 06.03.2016).
81. *Гаглойти Ю.С.* Аланы и вопросы этногенеза осетин. – Тбилиси: Мецниереба, 1966. – 254 с.
82. *Гаглойти Ю.С.* Этногенез осетин по данным письменных источников // Происхождение осетинского народа: материалы Науч. сессии, посвящ. проблеме этногенеза осетин. (6-8 окт. 1966 г.) / отв. ред. Х.С. Черджиев. – Орджоникидзе: Сев.-Осет. кн. изд-во, 1967. С. 67-97.
83. *Гаджиева М.Н.* Лезгины. История, культура, традиции. – Махачкала: Эпоха, 2011. – 72 с.
84. *Гаджимирзаев М.М.* Этноконфессиональная толерантность как фактор обеспечения мира и безопасности на Северном Кавказе: автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Ставрополь, 2003. – 25 с.
85. *Гаджимурадова З.М.* Особенности этнического самосознания личности в условиях капсулирования на традиционных ценностях и религии (на материале изучения народов Дагестана) // Развитие личности. 2008. № 2. С. 94-103.
86. *Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа X-XIII вв. – Санкт-Петербург: С.-Петербургский ун-т, 1994. – 238 с.
87. *Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа, IV-X вв. – Ленинград: ЛГУ, 1979. – 216 с.
88. *Галиев Ф.Х.* Синкретизм правовой культуры современной России: теоретико-методологическое и историко-прикладное исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 2014. – 55 с.
89. *Гальченко И.Е.* Лексика языков народов Северного Кавказа в русском языке: учебное пособие / Сев.-Осет. гос. ун-т им. К.Л. Хетагурова. – Орджоникидзе: Сев.-Осет. ун-т, 1976. – 99 с.
90. *Гамзатова А.Ш.* Гостеприимство и куначество у горцев Центрального и Западного Дагестана в XIX-начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Махачкала, 2007. – 25 с.
91. *Гаммер М.* Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. – Москва: КРОН-ПРЕСС, 1998. – 512 с.
92. *Гарунова Н.Н.* «Трехстенный городок» в контексте истории низовий Терека до XVIII в. // *Bylye Gody*. 2015. Vol. 35. Is. 1. P. 48-54.
93. *Гафаров Г.* Фикх – исламское право // *Хилял*. 2011. № 3. С. 6; № 7. С. 6.

94. *Гвоздецкий Н.А.* Так где же Эльбрус? Еще раз о положении Кавказа в системе частей света Европа – Азия. – Режим доступа: [http:// www.baurock.ru/history/gde_elbrus.htm](http://www.baurock.ru/history/gde_elbrus.htm) (дата обращения: 02.02.2016).

95. Географический энциклопедический словарь: географические названия / гл. ред. А.Ф. Трёшников; ред. кол. Э.Б. Алаев и др. – 2-е изд., доп. – Москва: Советская энциклопедия, 1989. – 592 с.

96. *Георгиев В.А., Георгиев Н.Г.* Кавказская война // Преподавание истории в школе. 1999. № 6. С. 21-30.

97. *Герасимова М.М.* Палеоантропология Северной Осетии в связи с проблемой происхождения осетин // Этнографическое обозрение. 1994. № 3. С. 51-62.

98. *Геродот.* История в девяти книгах. – Ленинград: Наука, 1972. Кн. 1. – 600 с.

99. *Гидденс Э.* Социология / науч. ред. В.А. Ядов; общ. ред. Л.С. Гурьевой и Л.Н. Иосилевича; пер. В. Малышенко и др. – Москва: Эдиториал УРСС, 1999. – 703 с.

100. *Гимбатова М.Б.* Традиции гостеприимства и куначества у тюркоязычных народов Дагестана (XIX – нач. XX в.) // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2012. № 1. С. 145-158.

101. *Гозгешева С.М.* Традиционные ценности как фактор современного политического процесса (на примере Северного Кавказа): автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Пятигорск, 2012. – 23 с.

102. *Гозгешева С.М.* Феномен традиционных институтов обычного права (адата) и мусульманского (шариата) на Северном Кавказе // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2011. № 3. С. 293-300.

103. *Голованова С.А., Шутемова Е.В.* Институты добрососедства у народов Северного Кавказа как фактор межэтнического взаимодействия / Межэтническое взаимодействие на Северном Кавказе в контексте становления и развития российской государственности: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Армавир: Дизайн-студия Б, 2014. С. 180-187.

104. *Голубовский П.В.* Печенеги, торки и половцы. Русь и Степь до нашествия татар. – Москва: Вече, 2011. – 288 с.

105. Горная энциклопедия: в 5-ти т. / редкол.: Е.А. Козловский (гл. ред.) и др. – Москва: Советская энциклопедия, 1989. Т. 4. – 623 с.

106. Государственная программа Республики Дагестан «Реализация стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года на 2013-2015 годы» // Сайт Министерства по национальной политике Республики Дагестан. – Режим доступа: [http:// www.minnaz.ru/](http://www.minnaz.ru/) (дата обращения 27.02.2016).

107. *Гродненский Н.Н.* Вторая чеченская: история вооруженного конфликта. – Москва: Русская панорама, 2010. – 704 с.

108. *Гродненский Н.Н.* Первая чеченская: история вооруженного конфликта. – Минск: Современная школа, 2008. – 720 с.

109. *Губаева Б.С., Таказов Ф.М.* Традиционное северокавказское общество в контексте социальных изменений конца XX – начала XXI вв. / НОУ ВПО Владикавказский институт управления. – Владикавказ: НПО СОИГСИ, 2014. – 313 с.
110. *Гурбанов Э.А.-О.* Северный Кавказ в поисках идентичности // Вестник Донского государственного аграрного университета. 2012. № 4(6). С. 128-142.
111. *Гусейнов И.Ш.* Образование Казикумухского шамхальства: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Махачкала, 1998. – 15 с.
112. *Гусейнов М.У.* Шамхальство Тарковское в системе феодальных государственных образований на Северном Кавказе в XVII – начале XIX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Махачкала, 1996. – 25 с.
113. *Гучетль Л.А.* Социокультурный анализ правовой культуры народов Северного Кавказа // Новые технологии. 2011. № 4. С. 277-280.
114. *Далгат Б.К.* Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей. Исследование и материалы 1892-1894 гг. / подг. издания и предисл. У.Б. Далгат, послесловие Ю.Ю. Карпова; отв. ред. В.А. Тишков. – Москва: ИМЛИ РАН, 2008. – 382 с.
115. *Даниялов А.Д.* О движении горцев Дагестана и Чечни под руководством Шамиля. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1966. – 35 с.
116. *Даудов Р.Х.* Место и роль традиционализма и модернизма в исламской онтологии // Фундаментальные исследования. 2014. № 11. С. 684-689.
117. *Дегоев В.В.* Два века войны и мира на Кавказе // Звезда. 2003. № 6. С. 118-127.
118. *Дегоев В.В.* Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. – Москва: SPSSL – Русская панорама, 2001. – 374 с.
119. Декреты Советской власти. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. – Москва: Госполитиздат, 1957. Т. 1. – 626 с.
120. *Дель Плано Карпини Дж.* История монгалов. Де Рубрук Г. Путешествие в Восточные страны / ред., вступ. статья и примеч. Н.П. Шастиной. – Москва: Географгиз, 1957. – 270 с.
121. *Дзагалов А.С.* А.С. Марзей о черкесском наездничестве // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2015. № 1. С. 108-112.
122. *Дзамихов К.Ф.* Адыги: вехи истории. – Нальчик: Эльбрус, 2008. – 816 с.
123. *Дзидзоев В.* Абречество как форма социального сопротивления на Кавказе во второй половине XIX века // Дарьял. 2011. № 3. – Режим доступа: http://www.darial-online.ru/2011_3/dzidzoev.shtml (дата обращения: 22.03.2016).
124. *Дитмар А.Б.* К истории вопроса о границе между Европой и Азией / Ученые записки Ярославского государственного педагогического института имени К.Д. Ушинского. Вып. XX (XXX). Ч. 1: География. – Ярославль, 1958. С. 35-49.
125. *Дмитриев А.В.* Терроризм религиозных экстремистов / Мусульманский опыт миростроительства: базовые цели и ценности, формы познания социокультурной организации. Исторический опыт и российская ситуация: материалы

постоянно действующего науч. семинара / редкол. В.И. Якунин, В.Э. Багдасарян, С.С. Сулакшин [и др.]; предисл. А.И. Неклесса; Центр проблем. анализа и гос.-управлен. проектирования. – Москва: Научный эксперт, 2007. С. 112-116.

126. *Дмитриев В.А.* Адаты и шариат у кавказских горцев // Россия и Кавказ – прошлое и настоящее. История, обычаи, религия: сборник. – Санкт-Петербург: Журнал «Звезда», 2006. С. 71-92.

127. *Дмитриев Л.В., Залысин И.Ю.* Религиозный терроризм: сущность, истоки, разновидности / Религия в самосознании народа (религиозный фактор в идентификационных процессах) / отв. ред. М.П. Мchedлов. – Москва: Институт социологии РАН, 2008. С. 69-86.

128. *Добаев И.П.* Исламский традиционализм на Северном Кавказе / Традиционализм и модернизация на Северном Кавказе / отв. ред. В.В. Чернус; Южнороссийское обозрение Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК РГУ и ИСПИ РАН. Вып. 23. – Ростов-на-Дону: СКНЦВШ, 2004. С. 41-51.

129. *Дубровин Н.Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1: Очерк Кавказа и народов, его населяющих. Кн. 1: Кавказ. – Санкт-Петербург: Типография Департамента Уделов, 1871. XVI, 640 с.

130. *Дудин В.В.* Взаимоотношения древнерусского государства с народами Северного Кавказа и Предкавказья во второй половине IX-XI вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ставрополь, 2013. – 30 с.

131. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии / пер. с фр. и послесловие Л.Б. Гофмана. – Москва: Наука, 1990. – 575 с.

132. Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем. – Санкт-Петербург: Общество для научных еврейских изданий и издательство Брокгауз-Ефрон, 1908. Т. 1. – 960 стлб.

133. *Жданов Ю.А.* Солнечное сплетение Евразии: учебная лекция по регионоведению / отв. ред. Ю.Г. Волков. – Ростов-на-Дону, 1998. – 40 с.

134. *Железняков А.С., Литвинова Т.Н.* Цивилизационные и социокультурные аспекты модернизации полиэтничных регионов Российской Федерации // Теория и практика общественного развития. 2014. № 17. С. 14-21.

135. *Женетль Н.Х.* Бжедуги в конце XVIII – первой половине XIX в.: социально-экономические отношения и политическое развитие: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Майкоп, 2007. – 30 с.

136. *Жеребило Т.В.* Словарь лингвистических терминов. – 5-е изд., испр. и доп. – Назрань: Пилигрим, 2010. – 486 с.

137. *Жукова И.Н., Лебедько М.Г., Прошина З.Г., Юзефович Н.Г.* Словарь терминов межкультурной коммуникации / под ред. М.Г. Лебедько и З.Г. Прошиной. – Москва: Флинта: Наука, 2013. – 632 с.

138. *Жупикова Е.Ф.* Повстанческое движение на Северном Кавказе в 1920-1925 годах / Академия исторических наук: сборник трудов. Т. 1. – Москва: Академия исторических наук, 2007. С. 114-319.

139. *Журавский А.В.* Ислам. – Москва: Весь Мир, 2004. – 224 с.

140. *Заврумов З.А.* Роль традиционных религий как культуuroобразующих конфессий в развитии межкультурного и межцивилизационного взаимодей-

ствия на примере конфессионального портрета народов Северного Кавказа / Проблемы духовного просвещения в изменяющемся мире: опыт межкультурного диалога на пространстве СНГ: материалы Международного форума представителей стран СНГ. 7-8 декабря 2011 года. – Москва, 2011. С. 47-61.

141. *Задворнов И.А.* Северный Кавказ этнополитические и религиозные особенности социокультурной идентичности // Социологические исследования. 2000. № 10. С. 52-57.

142. *Заурбекова Г.В.* Межличностные отношения в межнациональных коллективах и этнокультурные взаимодействия: автореф. дис. ...канд. ист. наук. – Москва, 1987. – 23 с.

143. *Зинченко М.С., Мисиров Т.М.* Адамы и шариат в системе традиционных ценностей народов Северного Кавказа // Теодицея. 2012. № 3. С. 42-46.

144. *Зубов П.П.* Картина Кавказского края, принадлежащего России, и сопредельных оному земель в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношениях. – Санкт-Петербург: Тип. К. Вингера, 1834. Ч. 1. – 234 с.

145. *Зюков А.М.* Этническая парадигма уголовной политики. – Владимир: ИП Журавлева, 2009. – 265 с.

146. *Зязиков М.М.* Традиционная культура ингушей: истоки и характерные черты: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Ростов-на-Дону, 2003. – 26 с.

147. *Ибн Хордадбех.* Книга путей и стран / пер. с арабского, комментарии, исследование, указатели и карты Наили Велихановой. – Баку: Элм, 1986. – 428 с.

148. *Ибрагимов М.М.* Противодействие коллективизации в национальных областях Северного Кавказа на рубеже 1920-1930-х гг. // Теория и практика общественного развития. 2012. № 5. С. 173-175.

149. *Иванова Ю.В.* Поведенческие стереотипы: обряд примирения кровников в горных зонах Балкан и на Кавказе // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. – Москва: Наука, 1989. С. 139-153.

150. *Иванчик А.И.* Киммерийцы в Передней Азии: автореф. дис. ... канд. истор. наук. – Москва, 1989. – 16 с.

151. Из записок барона (впоследствии графа) М.А. Корфа // Русская старина. 1990. С. 25-56.

152. *Ионов П.П., Симаков В.И.* Ратная слава Отечества. Книга 2: Войны эпохи Петра Великого и Екатерины II. (Военная история России XVIII в.). – Москва: РАУ-Университет, 2000. – 320 с.

153. *Искандарян А.* Ислам на Северном Кавказе: ре- или доисламизация? / Религия и политика на Кавказе: материалы международной конференции / ред. А. Искандарян. – Ереван: КИСМИ, 2004. С. 96-109.

154. Ислам в России: Взгляд из регионов / науч. ред. А.В. Малашенко. – Москва: Аспект Пресс, 2007. – 158 с.

155. Ислам за 90 минут / сост. У. Булахова. – Москва: АСТ; Санкт-Петербург: Сова, 2006. – 89 с.

156. Ислам классический: энциклопедия. – Москва: Эксмо; Санкт-Петербург: Мидгард, 2005. – 416 с.

157. Ислам: Энциклопедический словарь. – Москва: Наука, 1991. – 315 с.
158. Историко-культурные традиции народов Северного Кавказа: научно-справочное пособие / под ред. акад. В.А. Тишкова – Москва: ИЭА РАН, 2013. – 114 с.
159. История Дагестана: в 4-х т. / отв. ред. В.Г. Гаджиев. – Москва, 1967. Т. 1. – 431 с.
160. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. / В.П. Любин [и др.]; отв. ред. Б.Б. Пиотровский; введ. А.П. Новосельцева; АН СССР, Ин-т истории СССР и др. – Москва: Наука, 1988. – 543 с.
161. История Татар с древнейших времен: в 7-ми т. / гл. ред. Р. Хакимов. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в.; Акад. наук Республики Татарстан, Ин-т истории им. Ш. Марджани. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. – 1112 с.
162. Кавказ и Средняя Азия: учебный курс для социальных работников. – Москва: МОТ, 2012. Ч. 1. – 29 с.
163. *Кадыров А.А.* Российско-чеченский конфликт: генезис, сущность, пути решения: автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Москва, 2003. – 25 с.
164. *Кадыров Ш.* Элитарные кланы. Штрихи к портретам. – Осло: University of Oslo, 2010. – 108 с.
165. *Кажаров В.Х.* Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX в.: автореф. дис. ... канд. истор. наук. – Москва, 1994. – 44 с.
166. *Казенин К.* Перспективы институционального подхода к явлению полиюридизма. На примере Северного Кавказа // *Экономическая политика.* 2014. № 3. С. 178-198.
167. *Казьмина О.Е., Пучков П.И.* Религиозные организации современного мира: учебное пособие. – Москва: Московский университет, 2010. – 368 с.
168. *Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И.* Ногайцы: историко-этнографический очерк / отв. ред. Я.С. Смирнова; Карачаево-Черкесский НИИ истории, филологии и экономики. – Черкесск: Ставропольское книжное издательство, Карачаево-черкесское отделение, 1988. – 230 с.
169. *Калоев Б.А.* Осетины (Историко-этнографическое исследование) / АН СССР. Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – Москва: Наука, 1967. – 243 с.
170. *Калоев Б.А.* Осетины: Историко-этнографическое исследование / Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – 3-е изд., испр. и перераб. – Москва: Наука, 2004. – 471 с.
171. *Канаметов З.Х.* Дворянский этикет (уэркъ хабзэ) в системе традиционных общественных институтов адыгов // *Вестник Адыгейского государственного университета.* Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2009. № 1. С. 212-220.
172. *Карамурзов Б.С., Боров А.Х., Дзамихов К.Ф., Кажаров А.Г., Мамсиоров Х.Б., Тенов Т.Х.* Северный Кавказ в историческом пространстве и времени // *Актуальные вопросы современного естествознания.* 2015. Вып. 13. С. 60-83.

173. *Караулов Н.А.* Сведения арабских географов IX и X вв. по Р.Х. о Кавказе, Армении и Азербейджане / Сборник материалов для изучения местностей и племен Кавказа. – Тифлис, 1908. Вып. 38. Отдел I. С. 29-78.
174. *Карачаевцы: историко-этнографический очерк / В.П. Невская [и др.]; отв. ред. Л.И. Лавров.* – Черкесск: Ставроп. кн. изд-во, Карачаево-Черкес. отделение, 1978. – 335 с.
175. *Карачай – страна на вершине Кавказа. Очерки истории и культуры Карачая / составление, вступ. статья и коммент. С.Х. Хотко.* – Майкоп: Полиграф-ЮГ, 2011. – 448 с.
176. *Карданова Р.С.* Институт абречества у кабардинцев в XVIII – первой половине XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Махачкала, 2010. – 22 с.
177. *Карнов Ю.Ю.* Взгляд на горцев. Взгляд с гор: мировоззренческие аспекты культуры и социальный опыт горцев Дагестана. – Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 2007. – 656 с.
178. *Карнов Ю.Ю.* Образ воина в культурно-историческом наследии горцев Кавказа / Народы Кавказа: музейные коллекции, исследования объектов и явлений традиционной и современной культуры. – Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2015. С. 168-226.
179. *Карташов В.Н., Баумова М.Г.* Правовая культура: понятие, структуры, функции: монография. – Ярославль: ЯрГУ, 2008. – 200 с.
180. *Керейтов Р.Х.* Ногайцы. Особенности этнической истории и бытовой культуры: монография / науч. ред. Ю.Ю. Клычников; Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований. – Ставрополь: Сервисшкола, 2009. – 464 с.
181. *Керейтов Р.Х.* Ногайцы (Краткий историко-этнографический очерк) // Возрождение. 2006. № 9. С. 13-21.
182. *Керимов Г.М.* Шариат: Закон жизни мусульман. Ответы Шариата на проблемы современности. – Санкт-Петербург: ДИЛЯ, 2009. – 512 с.
183. *Ким И.В.* Особенности построения толерантных межрелигиозных отношений на Северном Кавказе / Толерантность в современном мире: опыт междисциплинарных исследований: сборник научных статей / под научн. ред. М.В. Новикова, Н.В. Нижегородцевой. – Ярославль: ЯГПУ, 2011. С. 182-183.
184. *Кисриев Э.Ф.* Ислам и национальные отношения на Северном Кавказе / Ислам в России и за ее пределами: история, общество, культура: сборник материалов международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня кончины выдающегося религиозного деятеля шейха Батал-хаджи Белхароева. – Санкт-Петербург: Магас, 2011. С. 65-84.
185. *Кисриев Э.Ф.* Исламские движения новейшего времени на Северном Кавказе / Республики Северного Кавказа: этнополитическая ситуация и отношения с федеральным Центром: монография / науч. ред. и сост. И.Г. Косиков. – Москва: МАКС Пресс, 2012. С. 78-100.
186. *Кисриев Э.Ф.* Ислам в Дагестане. – Москва: Логос, 2007. – 125 с.
187. *Клапрот Ю.* Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах по приказанию русского правительства Юлиусом фон Клапротом, придворным советником Его Величества императора России, членом Академии

Санкт-Петербурга и т.д. / пер. с англ. К.А. Мальбахов. – Нальчик: Респ. полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.: Эль-Фа, 2008. – 317 с.

188. *Климов Г.А.* Картвельские языки / Языки мира: кавказские языки. – Москва: Academia, 1998. С. 14-19.

189. *Климович Л.И.* Книга о Коране, его происхождении и мифологии. – 2-е изд., доп. – Москва: Политиздат, 1988. – 286 с.

190. *Клычников Ю.Ю., Лазарян С.С.* Даргинская экспедиция 1845 г. и ее значение для планов российского командования // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2009. № 4. С. 52-57.

191. *Ковалевская В.Б.* Кавказ – скифы, сарматы, аланы I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. – Пушкино: ОНТИ ПНЦРАН, 2005. – 398 с.

192. *Ковалевский П.* Магомед // Диалог. 1993. № 4. С. 88-92.

193. Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР 1960 г. / под ред. М.Д. Шаргородского и Н.А. Беляева. – Ленинград: Ленингр. ун-т, 1962. – 459 с.

194. *Конаков М.М.* Гостеприимство и куначество в этносоциальной традиции балкарцев и карачаевцев: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Нальчик, 2005. – 17 с.

195. *Кониев Ю.И.* Автономия народов Северного Кавказа. – Орджоникидзе: Ир, 1973. – 252 с.

196. *Косвен М.О.* Аталычество. – Режим доступа: <http://constitutions.ru/archives/6319> (дата обращения: 5.03.2016).

197. *Косвен М.О.* Семейная община и патронимия. – Москва: Акад. наук СССР, 1963. – 219 с.

198. Криминальный режим. Чечня. 1991-1995 годы. – Москва: Кодекс, Объединенная редакция МВД РФ, 1995. – 96 с.

199. *Крысько В.Г.* Этническая психология: учебник для бакалавров. – Москва: Юрайт, 2014. – 358 с.

200. *Кудаева С.Г.* Адыги (черкесы) Северо-Западного Кавказа в XIX веке: процессы трансформации и дифференциации адыгского общества / Метаморфоз vs Трансформация. Мультидисциплинарный подход к изучению истории адыгов в XIX-XXI вв.: материалы Международной научной конференции 6 декабря 2013 г., г. Ростов-на-Дону. – Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ ЮФУ. 2013. С. 305-319.

201. *Кудаева С.Г.* Адыги (черкесы) Северо-Западного Кавказа: процессы трансформации и дифференциации адыгского общества (XIX в.): автореф. дис... д-ра ист. наук. – Махачкала, 2006. – 58 с.

202. *Кузнецов В.А.* Введение в кавказоведение (историко-этнологические очерки народов Северного Кавказа). – Владикавказ: ИПП им. В.А. Гассиева, 2004. – 184 с.

203. *Куликов А.С., Руков В.А.* Все Кавказские войны России. Самая полная энциклопедия. – Москва: Яуза: ЭКСМО, 2013. – 605 с.

204. *Кулумбекова А.К.* Абречество в свете межнациональных отношений в Терской области в начале XX в. // Вестник Владикавказского научного центра. 2015. № 1. С. 9-14.

205. *Кумпан Е.Н.* Конфессиональная политика Российской империи и ее реализация на Северо-Западном Кавказе в 1861-1917 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Краснодар, 2005. – 27 с.

206. *Курбанов А.Д.* Ликвидация Казикумухского ханства и унификация государственно-административного управления: формирование Казикумухского округа // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И.Герцена. 2009. № 117. С. 16-24.

207. *Курбанов М.* Даргинцы // Дагестанская правда. 2015. 4 марта. – Режим доступа: http://dagpravda.ru/rubriki/obshchestvo/27445068/?sphrase_id=6899 (дата обращения: 09.03.2016).

208. *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (Вторая половина XVI – 30-е годы XVII в.). – Москва: Акад. наук СССР, 1963. – 371 с.

209. *Лавров Л.И.* Историко-этнографические очерки Кавказа. – Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1978. – 184 с.

210. *Лавров Л.И.* Роль естественно-географических факторов в истории народов Кавказа / Вопросы исторической этнографии Кавказа Кавказский: этнографический сборник IX / отв. ред.: Н.Г. Волкова, В.К. Гарданов. – Москва: Наука, 1989. С. 5-9.

211. *Ладыженский А.М.* Адаты горцев Северного Кавказа / подг. текста и коммен. И.Л. Бабич; под общ. ред. А.С. Зайкалабидова и В.В. Черноуса; Южнороссийское обозрение Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК при РГУ и ИСПИ РАН. Вып. 18. – Ростов-на-Дону, 2003. – 205 с.

212. *Ламажаа Ч.К.* «Клан»: понятие в социальных науках // Гуманитарные науки: теория и методология. 2008. № 2. С. 121-131.

213. *Латин В.В.* История Кавказской войны: пособие к лекционному курсу. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский институт истории РАН «Нестор-История», 2003. – 82 с.

214. *Латин В.В.* Стратегия русской армии в кавказских войнах XVIII-XIX веков // Военно-исторический журнал. 2007. № 12. С. 20-21.

215. *Латышев В.В.* Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе. Т. 1: Греческие писатели. – Санкт-Петербург: Тип. Имп. Акад. наук, 1890. VIII. – 454 с.

216. *Лаудаев У.* Чеченское племя (с примечаниями) / Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. VI. – Тифлис, 1872. С. 1-62.

217. *Лебон Г.* Психология народов и масс. – Москва: Академический проект, 2011. – 239 с.

218. *Левинсон А.* Кавказские проблемы в нарративах жителей Кавказа и остальной России // Вестник общественного мнения. 2012. № 3-4. С. 78-88.

219. *Левченко О.П.* Расследование убийств, совершенных по мотиву кровной мести: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2003. – 227 с.

220. *Леонтович Ф.И.* Адаты кавказских горцев: материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. 2: Записки Императорского Новороссийского университета. – Одесса: Тип. П.А. Зеленого, 1883. – 396 с.

221. *Люлье Л.Я.* Учреждения и народные обычаи шапсугов и натухажцев / Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества. Книжка VII. Первый выпуск. – Тифлис, 1866. С. 1-18.
222. *Магомедов М.* Хиджра переселение // *Ас-салам*. 2007. № 1-2. С. 1, 6, 7.
223. *Магомедов М.Б.* Антифеодальная и антиколониальная борьба горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х годах XIX века: по материалам основных сражений: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Махачкала, 1998. – 41 с.
224. *Магомедов Р.М.* О происхождении самоназвания даргинцев. – Режим доступа: <http://dargo.ru/publ/16-1-0-676> (дата обращения: 09.03.2016).
225. *Магомедова М.З.* Религиозная идентичность на Северном Кавказе // *Исламоведение*. 2010. № 3. С. 133-143.
226. *Магомедова Р.И.* Противодействие религиозно-политическому экстремизму: учебное пособие для студентов вузов неисторических направлений. – Махачкала: ДГИНХ, 2011. – 128 с.
227. *Магомедсалихов Х.Г., Ханмагомедов Я.М.* Репрессии в отношении мусульманского духовенства в Дагестане в 20-30-х гг. XX века // *Исламоведение*. 2012. № 3. С. 85-92.
228. *Магомедов А.Х.* Общественный строй и быт осетин (XVII-XIX вв.). – Орджоникидзе: Ир, 1974. – 373 с.
229. *Маковская Д.В., Патеев Р.Ф.* Исторические основания и политические аспекты цивилизационного регионализма // *Научная мысль Кавказа*. 2015. № 2. С. 59-64.
230. *Макоев Т.* ...По плану «Метель». – Режим доступа: http://www.vvmvd.ru/istoriya/interesno/interesno_480.html (дата обращения: 31.03.2016).
231. *Максименко В.Е.* Савроматы и сарматы на нижнем Дону / отв. ред. К.Ф. Смирнов; рецензенты В.Б. Виноградов, В.А. Кореняко. – Ростов-на-Дону: Ростовский университет, 1983. – 224 с.
232. *Максименко В.Е.* Сарматы на Дону (археология и проблемы этнической истории). *Донские древности*. Вып. 6. – Азов: Азовский краеведческий музей, 1998. – 304 с.
233. *Малахов Д.А.* Наместничество как фактор внутренней и внешней политики России на Северном Кавказе в XVIII – начале XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ставрополь, 2011. – 30 с.
234. *Малахова Г.Н.* Становление и развитие российского государственного управления на Северном Кавказе в конце XVIII – XIX вв.: дис... д-ра ист. наук. – Москва, 2001. – 503 с.
235. *Малашенко А.В.* Ислам в России: религия и политика // *Исламоведение*. 2010. № 3. С. 67-85.
236. *Малкондуев Х.Х.* Этническая культура балкарцев и карачаевцев. – Нальчик: Эльбрус, 2001. – 176 с.
237. *Мальшева Е.М.* Мировые войны и локальные военные конфликты в истории: последствия, уроки // *Вестник Адыгейского государственного университета*. 2005. № 1. С. 69-78.
238. *Мальбахова З.* Своя партия в языковой симфонии // *Кабардино-Балкарская правда*. 2015. 27 марта. С. 3.

239. *Мальцев Г.В.* Месть и возмездие в древнем праве: монография. – Москва: Норма ИНФРА-М, 2012. – 736 с.
240. *Мамакаев М.А.* Чеченский тайп в период его разложения. – Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1973. – 100 с.
241. *Манкиева Х.М.* Генезис правовой культуры народов Северного Кавказа: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Ростов-на-Дону, 2006. – 22 с.
242. *Мартынова М.Ю.* Мир традиций и межкультурное общение: в помощь школьному учителю. – изд. 2-е, испр. и доп. – Москва: РУДН, 2004. – 348 с.
243. *Матвеев К.П.* История ислама. – Москва: АСТ: Восток – Запад, 2005. – 254 с.
244. *Маханов А.А.* Табасаран во взаимоотношениях России, Турции и Ирана в XVIII – начале XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Махачкала, 2007. – 23 с.
245. *Махортых С.В.* Киммерийцы и Древний Восток // Вестник древней истории. 1998. № 2. С. 95-104.
246. *Махортых С.В.* Киммерийцы на Северном Кавказе. – Киев, 1994. – 94 с.
247. *Махортых С.В.* Скифы на Северном Кавказе / отв. ред. В.Б. Виноградов. – Киев: Наукова думка, 1991. – 136 с.
248. *Мизиев И.М.* История карачаево-балкарского народа с древнейших времен до присоединения к России. – Режим доступа: <http://shamillion.h14.ru/osn/ik/gl7.htm> (дата обращения: 12.03.2016).
249. Министерство Республики Северная Осетия-Алания по вопросам национальных отношений. Религия. – Режим доступа: http://minnats-rso.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=31&Itemid=87 (дата обращения: 11.04.2016)
250. *Мирзоев А.С.* Институт абречества и его трансформация на Центральном и Северо-Западном Кавказе в период с XVIII по 30-е годы XX века (на адыгском материале) / Адыги: история, культура, ментальность. – Майкоп: ИП Кучеренко В.О., 2015. С. 102-121.
251. *Мирзоев А.С.* Институт наездничества «Зеклуэ» у адыгов (черкесов) в XVIII – первой половине XIX веков: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Москва, 1998. – 26 с.
252. *Мирский Г.И.* Ислам: история и современность // Новая и новейшая история. 2010. № 1. С. 3-20.
253. *Мисроков З.Х.* Адатские и шариатские суды в автономиях Северного Кавказа: автореф. ... канд. юрид. наук. – Москва, 1979. – 15 с.
254. *Мисроков З.Х.* Адатское и мусульманское право народов Северного Кавказа в российских правовых системах (XIX-XX вв.): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 2003. – 38 с.
255. *Михайленко В.И.* Научить жить вместе! (этнический сепаратизм на рубеже веков) / Толерантность в современной цивилизации: материалы междунар. конференции, Екатеринбург, 14-19 мая 2001 г. – Екатеринбург: Урал. ун-т, 2001. С. 20-24.

256. Молодежь Ставрополя (Информационный портал молодежи Ставрополя). – Режим доступа: <http://www.kdm26.ru/news/kavkaz-nash-obschij-dom-2014-4870.html> (дата обращения 29.02.2016).

257. *Московичи С.* От коллективных представлений к социальным // Вопросы социологии. 1992. Т. 1. № 2. С. 83-96.

258. *Мунаев В.С.* Деятельность М.С. Воронцова на Кавказе в 1844-1854 гг. // Вопросы истории. 2010. № 10. С. 105-118.

259. *Муравьев С.Н.* Птолемея карта Кавказской Албании и уровень Каспия (Постановка вопроса. Системный анализ карты, предварительная локализация рек и поселений, стратегия дальнейших поисков) // Вестник древней истории. 1983. № 1. С. 117-147.

260. *Муратова Е.Г.* Балкарские общества в контексте российской политики на Северном Кавказе (XVII – начало XX века): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Нальчик, 2006. – 45 с.

261. *Мурзаев Э.М.* Топонимика и география. – Москва: Наука, 1995. – 304 с.

262. *Мусаева А.Г.* Правовая составляющая источника Зам-Зам // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 4. С. 151-153.

263. *Мусаева А.Г.* Правовые и этически-нравственные способы самоочищения в дагестанском обществе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 12-2. С. 75-77.

264. *Мусаева А.Г.* Примирительное правосудие у народов Дагестана // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. С. 1597.

265. *Мусаева А.Г.* Становление и развитие адатно-правовой системы у горских народов Дагестана // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 10. С. 314-317.

266. *Мусаева А.Г.* Характерные черты адатного права у горцев Дагестана // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 10-1. С. 243-245.

267. *Ямпольский В.П.* «Мусульманская плаха» для России // Военно-исторический журнал. 1996. № 5. С. 24-31.

268. Мухаммед-Аваби Тарихи Дербенд-наме / пер. с яз.: тюр., араб., перс. и фр., под ред. (и с предисл.) М. Алиханова-Аварского. – Тифлис: Тип. Я.И. Либермана, 1898. – 192 с.

269. Мы – потомки узденей // Дагестанская правда. 2013. 15 августа. – Режим доступа: <http://dagpravda.ru/rubriki/obshchestvo/32856/index.php?print=Y> (дата обращения: 07.03.2016).

270. *Мюллер М.* Лекции по науке о языке / пер. с англ.; предисл. К.Г. Красухина. – 2-е изд., доп. – Москва: ЛИБРОКОМ, 2009. – 314 с.

271. *Назаров А.К.* Уголовно-правовые нормы Корана и Хадиса и их классификация по институтам уголовного права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2012. – 27 с.

272. *Накохова Р.Р.* Исследование ценностных ориентаций этнофоров Карачаево-Черкесии через народный эпос «нарты» / Теоретические проблемы этнической и кросс-культурной психологии: материалы Второй Международной

научной конференции. 26-27 мая 2010 г.: в 2-х т. / отв. ред. В.В. Гриценко. – Смоленск: Универсум, 2010. Т. 1. С. 164-168.

273. *Нанаева Б.Б., Умаров У.М.* Кровная месть как институт социально-правового регулирования родовых отношений // Теория и практика общественного развития. 2011. № 7. С. 43-46.

274. Народы Дагестана / отв. ред. С.А. Арутюнов, А.И. Османов, Г.А. Сергеева. – Москва: Наука, 2002. – 588 с.

275. Народы и религии мира: энциклопедия / гл. ред. В.А. Тишков; редкол.: О.Ю. Артемова, С.А. Арутюнов, А.Н. Кожановский [и др.]. – Москва: Большая Российская энциклопедия, 1999. – 928 с.

276. Народы Кавказа / под ред. М.О. Косвена [и др.]. – Москва: Акад. наук СССР, 1960. Т. I. – 612 с.

277. *Невский С.А.* Абрек Зелимхан и отражение сведений о нем в документах российских правоохранительных органов в начале XX в. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 3. С. 21-24.

278. *Николаева Н.А.* Индоевропеизация Кавказа (по данным лингвистики, археологии) // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 4. С. 119-122.

279. *Николаева Н.А.* Индоевропейцы на Северном Кавказе в III-II тыс. до н.э. по данным лингвистики и археологии / Индоевропейское языкознание и классическая филология-XVI (чтения памяти И.М. Тронского): материалы Международной конференции, проходившей 18-20 июня 2012 г. / отв. ред. И.И. Казанский. – Санкт-Петербург: Наука, 2012. С. 610-619.

280. Новые религиозные объединения России деструктивного и оккультного характера: справочник / Миссионерский отдел Московского Патриархата Русской Православной Церкви. Информационно-аналитический вестник № 1. – Белгород, 2002. – 446 с.

281. О культуре личности и его последствиях. Доклад Первого секретаря ЦК КПСС тов. Хрущева Н.С. XX съезду Коммунистической партии Советского Союза 25 февраля 1956 г. // Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 128-170.

282. *Овчинский В.* Мода на законы гор // Огонек. 2007. № 47. – Режим доступа: <http://kommersant.ru/doc/2299892> (дата обращения: 22.03.2016).

283. *Оришев А.Б.* Пророк Мухаммед и пять столпов ислама // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 2. С. 284-287.

284. Осетины / отв. ред. З.Б. Цаллагова, Л.А. Чибиров; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева Владикавказского НЦ РАН и Правительства РСО – Алания. – Москва: Наука, 2012. – 605 с.

285. Основы религиоведения: учебник / Ю.Ф. Борунков [и др.]; под ред. И.Н. Яблокова. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Высшая школа, 2001. – 480 с.

286. *Павленко Н.Н.* Культура толерантности в традициях народов Северного Кавказа. – Режим доступа: <http://www.slavakubani.ru/history> (дата обращения 05.03.2016).

287. Павлова О.С. Об этнической, религиозной и государственно-гражданской идентичности чеченцев и ингушей // Социальная психология и общество. 2013. № 2. С. 119-133.

288. Павлова О.С. Ценностные ориентации чеченцев и ингушей: источники и детерминанты // Культурно-историческая психология. 2012. № 2. С. 78-87.

289. Павлова О.С. Этнокультурные ценности чеченцев и ингушей: традиции и современность / Культурологические традиции и инновации в полиэтническом и межконфессиональном мире. Симпозиум VII: материалы VI Международного конгресса «Мир через языки, образование, культуру: Россия – Кавказ – Мировое сообщество». 11-15 октября 2010 года. – Пятигорск: ПГЛУ, 2010. С. 58-60.

290. Панова В.Ф., Вахтин Ю.Б. Жизнь Мухаммеда. – Москва: Политиздат, 1991. – 495 с.

291. Папуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. – Москва: Наука, 1968. – 472 с.

292. Пеньковский Д.Д. Современные политические элиты республик Северного Кавказа // Государство и гражданское общество. 2012. № 2. С. 91-96.

293. Перфильева Л.А. Аланская епархия / Православная энциклопедия. – Москва: Православная энциклопедия, 2003. Т. 1. С. 440-444.

294. Першиц А.И., Смирнова Я.С. Юридический плюрализм народов Северного Кавказа // Общественные науки и современность. 1998. № 1. С. 81-88.

295. Петровский А.В. Мусульманское уголовное право и особенности уголовного законодательства мусульманских государств: монография. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2013. – 91 с.

296. Петровский А.В. Религиозно-философские основы мусульманского уголовного права // Юридическая наука. 2015. № 1. С. 20-26.

297. Петручак Л.А. Правовая культура современной России: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 2012. – 53 с.

298. Письмо Председателя комитета государственной безопасности Ю.В. Андропова от 27 декабря 1973 г. в ЦК КПСС № 3217-А. – Режим доступа: <http://ibrakost.livejournal.com/38858.html> (дата обращения: 31.03.2016).

299. Письмо Центральному Комитету Коммунистической партии Советского Союза. – Режим доступа: <http://ibrakost.livejournal.com/38858.html> (дата обращения: 31.03.2016).

300. Платформа мусульман Казахстана. – Астана: Духовное управление мусульман Казахстана, 2015. – 32 с.

301. Плиний Старший. Естественная история. Отрывки / пер. и ком. Б.А. Старостина / Хрестоматия по истории науки и техники. – Москва: РГГУ, 2005. С. 122-148.

302. Подосинов А.В., Скржинская М.В. Римские географические источники: Помпоний Мела и Плиний Старший. Тексты, перевод, комментарий. – Москва: Индрик, 2011. – 504 с.

303. Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля / под ред. В.Г. Гаджиева, Н.Н. Покровского. – Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. – 511 с.

304. Политизация религиозного фактора в контексте региональной безопасности: северокавказская проекция: монография / Г.В. Косов [и др.] – Москва: МИРАКЛБ, 2014. – 192 с.
305. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. XXXV. Отделение первое. 1860. – Санкт-Петербург: Тип. 2 Отделения Собственной его императорского Величества канцелярии, 1862. – 962 с.
306. *Полян П.М.* Не по своей воле. – Москва: ОГИ-Мемориал, 2001. – 328 с.
307. *Попова И.А.* Источники мусульманского права // Бизнес в законе. 2009. № 4. С. 60-61.
308. *Поспелов Е.М.* Географические названия мира: Топонимический словарь / отв. ред. Р.А. Агеева. – Москва: Русские словари, 1998. – 372 с.
309. *Поспелов Е.М.* Топонимический словарь. – Москва: Астрель: АСТ, 2005. – 229 с.
310. Постановление Правительства Республики Ингушетия от 9 сентября 2014 года № 175 «Об утверждении Государственной программы Республики Ингушетия «Укрепление межнациональных отношений и развитие национальной политики (2014-2016 годы)» // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. – Режим доступа: [http:// docs.cntd.ru/document-430566299/](http://docs.cntd.ru/document/430566299/) (дата обращения 28.02.2016).
311. Постановление Правительства Российской Федерации от 26 декабря 2013 г. № 1297 «О федеральной целевой программе «Юг России (2012-2020 годы)» // Российская газета. 2014. 4 января.
312. Сайт о странах и городах. – Режим доступа: [http:// www.statdata.ru/nasel_regions; total-rating.ru/1180-chislennost-naseleniya-v-stranah-mira-na-2015-god.html](http://www.statdata.ru/nasel_regions;total-rating.ru/1180-chislennost-naseleniya-v-stranah-mira-na-2015-god.html) (дата обращения: 09.02.2016).
313. Православная энциклопедия. – Москва: Православная энциклопедия, 2000. Т. 1. – 752 с.
314. *Преловская И.* Преступление войск НКВД при изгнании чеченцев и ингушей зимой 44-го. Новые документы из архива ЦК КПСС // Известия. 1992. 12 марта.
315. *Прокопенко И.С.* Чеченский капкан: между предательством и героизмом. – Москва: Эксмо, 2014. – 448 с.
316. *Прокопий Кесарийский.* Война с готами / пер. С.П. Кондратьева. – Москва, 1951. – 515 с.
317. *Пушкин А.С.* Кавказский пленник: повесть. – Санкт-Петербург: Типография Н. Греча, 1822. – 53 с.
318. *Пфаф В.Б.* Материалы для древней истории осетин / Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. IV. – Тифлис, 1870. Отд. 2. С. 1-32.
319. *Пчелинцева Н.Д., Соловьева Л.Т.* Дифференциация материнских и отцовских ролей в семье народов Кавказа: традиции и современность / Женщина и свобода пути выбора в мире традиций и перемен. – Москва, 1994. С. 185-192.
320. *Раковская Э.М., Давыдова М.И.* Физическая география России: учебник: в 2-х ч. – Москва: ВЛАДОС, 2001. Ч. 2. – 304 с.
321. *Рахаев Д.* Осознавая травму: реабилитация депортированных народов Северного Кавказа в общественно-политических дискуссиях конца XX –

начала XXI века / Большой Кавказ двадцать лет спустя: ресурсы и стратегии политики и идентичности: сборник статей. – Москва: Новое литературное обозрение, 2014. С. 131-159.

322. *Рахаев Дж. Я.* Воспроизведение травмы: осмысление депортации в профессиональной культуре репрессированных народов Северного Кавказа (на примере балкарцев и карачаевцев) / Русский травелог XVII – XX веков. – Новосибирск, 2015. С. 542-562.

323. *Резван Е.А.* Коран и его мир. – Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 2001. – 608 с.

324. Российский Кавказ. Книга для политиков / под ред. В. А. Тишкова. – Москва: Росинформагротех, 2007. – 384 с.

325. *Роцин М.* Из истории ислама в Дагестане / Ислам на Северном Кавказе: история и современность / под ред. Ислама Текушева и Кирилла Шевченко. – Прага: Medium Orient, 2011. С. 14-19.

326. *Роцин М., Лункин Р.* Мусульмане в Кабардино-Балкарской Республике Ислам на Северном Кавказе: история и современность / под ред. Ислама Текушева и Кирилла Шевченко. – Прага: Medium Orient, 2011. – 234 с.

327. *Рудницкий Р.Р.* История возникновения и функционирования крепостей Азово-Моздокской линии: 1777-1829 годы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Пятигорск, 2004. – 23 с.

328. *Сабанчиев Х.-М.А.* Депортация народов Северного Кавказа в 40-х гг. XX в. // Вопросы истории. 2013. № 11. С. 104-112.

329. *Сабанчиев Х.-М.А.* Депортация, жизнь в ссылке и реабилитация балкарского народа (1940-е – начало XXI в.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Ростов-на-Дону, 2007. – 55 с.

330. *Савва М.В.* Этнический статус (конфликтологический анализ социального феномена). – Краснодар: КубГУ, 1997. – 172 с.

331. *Садиков М.И., Ханбабаев К.М.* Религиозно-политический экстремизм: учебное пособие. – Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2009. – 430 с.

332. Северный Кавказ / отв. ред. Е.П. Маслов, А.И. Гозулов, С.Н. Рязанцев. – Москва: Гос. изд-во географ. лит-ры, 1957. – 508 с.

333. Северный Кавказ в историческом пространстве и времени: доклад программной группы по развитию кавказоведческих исследований в КБГУ. – Нальчик, 2013. – 40 с.

334. Северный Кавказ в составе Российской империи / Д.Ю. Арапов [и др.]. – Москва: Новое литературное обозрение, 2007. – 460 с.

335. Северный Кавказ: русский фактор. Проблемы миграции, идентичность, восстановление этнического баланса, модернизация и вопросы развития Северного Кавказа, права народов и пути решения проблемы оттока русского населения из северокавказских республик / под общ. ред. В.М. Коровина. – Москва, 2014. – 97 с.

336. *Сеидова Г.Н.* Культурная самобытность как одна из основ государственности: российский опыт на Кавказе // Ислам в современном мире. 2015. Т. 11. № 3. С. 49-57.

337. *Семедов С.А.* Ислам в современных этнополитических процессах на Северном Кавказе / Вопросы религии и религиоведения. Вып. 1: Антология отечественного религиоведения: сборник / сост. и общ. ред. О.Ю. Васильева, Ю.П. Зуева, В.В. Шмидта. Ч. 4: Кафедра государственно-конфессиональных отношений РАГС. – Москва: МедиаПром; РАГС, 2009. С. 405-414.
338. *Сердюкова Е.В.* Криминологический взгляд на проблему похищения женщин в республике Дагестан // Известия ДГПУ. Общественные и гуманитарные науки. 2011. № 4. С. 43-45.
339. *Силантьев Р.* Новейшая история ислама в России. – Москва: Алгоритм, 2007. – 576 с.
340. *Синанов Б.А.* Современные религиозные процессы на Северном Кавказе сквозь призму фактов повседневной жизни / Религия и/или повседневность: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 16-18 апр. 2015 г. – Минск: РИВШ, 2015. С. 39-47.
341. *Сиражудинова С.В.* Гендерная политика в республиках Северного Кавказа: современные тенденции // Женщина в Российском обществе. 2013. № 1. С. 14-19.
342. *Скрынников Р.Г.* Иван Грозный. – Москва: Наука, 1983. – 247 с.
343. *Смирнов Н.А.* Политика России на Кавказе в XVI-XIX веках. – Москва: Изд-во социально-экономической литературы, 1958. – 243 с.
344. *Смирнова Я.С.* Искусственное родство у народов Северного Кавказа: формы и эволюция / Кавказский этнографический сборник. Вып. IX: Вопросы исторической этнографии Кавказа / отв. ред.: Н.Г. Волкова, В.К. Гарданов. – Москва: Наука, 1989. С. 216-245.
345. Советская историческая энциклопедия: в 16-ти т. / гл. ред. Е.М. Жуков. – Москва: Советская Энциклопедия, 1976. Т. 16. – 1002 стлб.
346. Советская историческая энциклопедия: в 16-ти т. / гл. ред. Е.М. Жуков. – Москва: Советская Энциклопедия, 1961. Т. 1. – 1024 стлб.
347. *Солдатова Г.У.* Психология межэтнической напряженности. – Москва: Смысл, 1998. – 386 с.
348. *Солодова Г.С.* Социальность ислама – роль религиозной составляющей в общественном сознании // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2009. № 4. С. 71-75.
349. *Сотников А.А.* Особенности проведения судебной реформы 1864 года на территориях Северного Кавказа: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Москва, 2009. – 27 с.
350. Социально-политическая история Северного Кавказа (до распада СССР) / отв. ред. В.А. Тишков. – Москва: ИЭА РАН, 2015. – 89 с.
351. *Сталин И.В.* Съезд народов Дагестана. 13 ноября 1920 г. Декларация о советской автономии Дагестана // Сталин И.В. Сочинения. – Москва: ОГИЗ, 1947. Т. 4. С. 394-398.
352. Сталинские депортации. 1928-1953 / под общ. ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. Н.Л. Поболь, П.М. Полян. – Москва: МФД: Материк, 2005. – 904 с.
353. Страбон. География. – Москва: Наука, 1964. – 631 с.
354. *Стрельников М.Е.* Дагестан. – Калуга: Ноосфера, 2012. – 230 с.

355. *Стучка П.И.* Обычное право // Энциклопедия государства и права. – Москва: Изд-во Ком. Акад., 1927. Т. 3. С. 98-102.
356. *Сулейманов Р.Р.* Ваххабизм в Татарстане в постсоветский период в свете влияния внешних факторов // Проблемы национальной стратегии. 2013. № 1 (16). С. 172-188.
357. *Сулейманова Ш.С.* К вопросу диалога культур: стереотип как этно-психологический феномен // Коммуникология. 2014. Т. 4. № 2. С. 84-90.
358. *Султанов Ш.* Клань и планы. К ситуации на Северном Кавказе // Знание-Власть! 2009. № 31. С. 1-2.
359. *Суханова И.З.* К вопросу о государственно-политическом устройстве «демократических племен» адыгов начала XIX века // Русская старина. 2010. № 2. С. 9-11.
360. *Сухарев Ю.В.* Киевская Русь и печенеги // Московский журнал. История государства Российского. 2006. № 4. С. 42-48.
361. *Схатум Р.Б.* О некоторых этнических названиях адыгов в прошлом (зихи, касоги, черкесы). – Режим доступа: [http:// budetinteresno.info/kraeved/adigi_name.htm](http://budetinteresno.info/kraeved/adigi_name.htm) (дата обращения: 01.03.2016).
362. *Сюкияйнен Л.Р.* Совместим ли шариат с современным российским правом? // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 3. С. 4-30.
363. *Сюкияйнен Л.Р.* Шариатские суды: современная практика и перспективы в России // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 4. С. 45-62.
364. *Сяньчжун Лю.* Плюсы и минусы политики «коренизации» СССР в 1920-е годы // Ойкумена. 2014. № 1. С. 41-49.
365. *Таболова Э.С., Лидак Л.В.* Система работы органов общественного самоуправления по воспитанию учащейся молодежи Северного Кавказа: монография // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2010. № 6. С. 56-57.
366. Тесаева Х.С. Религиозно-политический конфликт между традиционным исламом и нетрадиционными исламистскими течениями (на примере Чеченской Республики): автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Махачкала, 2009. – 18 с.
367. Толковый словарь русского языка / сост. Г.О. Винокур, проф. Б.А. Ларин, С.И. Ожегов и др.; под ред. проф. Д.Н. Ушакова. – Москва: Советская энциклопедия, 1938. Т. II. – 1040 стлб.
368. *Топчишвили Р.А.* Кавказоведческие исследования. – Тбилиси: Универсал, 2011. – 270 с.
369. *Тревер К.В.* Очерки по истории и культуре Кавказской Албании: IV в. до н.э. – VII в. н.э. – Москва – Ленинград: АН СССР, 1959. – 391 с.
370. *Трепавлов В.В.* Ногайская Орда в истории России // Труды Института российской истории РАН. 1999-2000. Вып. 3. – Москва, 2002. С. 5-29.
371. *Трубачев О.Н.* Indoarica. Этимологии // Этимология. 1981. – Москва: Наука, 1983. С. 104-108.
372. *Тугуз Х.И.* Осетино-ингушский конфликт: проблема территорий // Вестник Адыгейского государственного университета. 2005. № 4. С. 156-168.

373. *Тхайцухов М.С.* Абазины на Северном Кавказе и в Турции (XVIII – XX вв.): автореф. дис... д-ра ист. наук. – Москва, 2005. – 54 с.

374. *Унежесев К.Х.* Культура адыгов (черкесов) и балкарцев. – Нальчик: Эль-Фа, 2003. – 512 с.

375. *Урушадзе А.Т.* Кавказ в конце XIX – начале XX в.: проблемы управления и модернизации на южной окраине российской империи // *Quaestio rossica*. 2015. № 2. С. 144-157.

376. *Урушадзе А.Т.* Правовая культура народов Кавказа и развитие судебно-административных практик Российской империи в регионе (первая половина XIX в.) / Лавровский сборник: материалы XXXVI и XXXVII Среднеазиатско-Кавказских чтений, 2012-2013 гг.: этнология, история, археология, культурология / отв. ред. Ю.Ю. Карпов, М.Е. Резван; РАН. МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера). – Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2013. С. 390-394.

377. *Услар П.К.* Древнейшие сказания о Кавказе / соч. бар. П.К. Услара; с биограф. авт., напис. Л.П. Загурским и портр., грав. акад. И.П. Пожалостиным. – Тифлис: Издание Кавказского военно-народного управления при содействии Кавказского отделения Русского географического общества, 1881. LXXXIII, 581 с.

378. *Усманова З.Р.* Модели социокультурной идентичности жителей Северного Кавказа: федеральное и региональное измерения // *Ценности и смыслы*. 2012. № 5(21). С. 194-207.

379. *Фадеев Р.А.* Шестьдесят лет Кавказской войны. – Тифлис: Военно-походная типография Главного штаба кавказской армии, 1860. VI, 147 с.

380. *Федоров А.Я.* Историческая этнография Северного Кавказа: учебное пособие. – Москва: Моск. ун-т, 1983. – 128 с.

381. *Филатов С., Лункин Р.* Ислам в Карачаево-Черкесии и Ставропольском крае / Ислам на Северном Кавказе: история и современность / под ред. Ислама Текушева и Кирилла Шевченко. – Прага: Medium Orient, 2011. С. 72-81.

382. *Ханбабаев К.М.* Религиозно-политический экстремизм на Северном Кавказе: общее и особенное // *Исламоведение*. 2010. № 2. С. 79-89.

383. *Ханбабаев К.М.* Экстремизм в современной Чечне // *Исламоведение*. 2010. № 3. С. 104-119.

384. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимева. Ю. Новикова. – Москва: АСТ, 2003. – 603 с.

385. *Харадзе Р.Л.* Некоторые стороны сельско-общинного быта горных ингушей // *Кавказский этнографический сборник*. Вып. II: Очерки этнографии горной Ингушетии. – Тбилиси: Мецниереба, 1968. С. 165-198.

386. *Хасбулатов А.И.* Этнодемографические процессы и территория Чечни (вторая половина XIX – нач. XX вв.) // *Научная мысль Кавказа*. 2000. № 1. С. 64-75.

387. *Хасбулатова З.И., Ахмадова М.П.* Традиционное гостеприимство и куначество чеченцев в XIX – начале XX в. / Лавровский сборник: материалы XXXIV и XXXV Среднеазиатско-Кавказских чтений. 2010-2011 гг.: Этнология, история, археология, культурология / отв. ред. Ю.Ю. Карпов, М.Е. Резван:

РАН. МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера). – Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2011. С. 221-225.

388. *Хацаева Ф.М.* Региональные факторы развития экологического образования в Республике Северная Осетия-Алания / Экологические проблемы. Евразийское пространство / ред. колл.: В.А. Садовничий [и др.]. – Москва: Московский университет, 2014. С. 193-202.

389. *Хизриева Г.А.* Вирдовые братства в Ингушетии // Этнографическое обозрение. 2006. № 2. С. 47-58.

390. *Хлынина Т.П.* Коренизация и решение национального вопроса на Северном Кавказе в 1920-е – 1930-е гг. // Вестник Южного научного центра. 2014. Т. 10. № 3. С. 106-111.

391. *Хоренаци М.* Армянская география VII века по Р.Х. (приписывавшаяся Моисею Хоренскому) / текст и пер. с присовокуплением карт и объясн. прим. изд. К.П. Патканов. – Санкт-Петербург, 1877. XXVIII, 84, 26 с.

392. *Хоруев Ю.В.* Абреки на Кавказе: монография. – Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2010. – 524 с.

393. *Цветков О.М.* Этнократия как отражение постсоветских социальных отношений / Этноэтатизм и этнократии на Юге России. Южнороссийское обозрение ЦСРИИП ИППК РГУ и ИСПИ РАН. Вып. 37 / отв. ред. В.В. Черноус. – Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ, 2006. С. 54-63.

394. *Цуциев А.А.* Осетино-ингушский конфликт (1992-...): его предыстория и факторы развития. Историко-социологический очерк. – Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998. – 200 с.

395. *Черноус В.В.* Кавказская горская цивилизация – субъект цивилизационно-культурного взаимодействия в Черноморско-Каспийском регионе / Традиционализм и модернизация на Северном Кавказе / отв. ред. В.В. Черноус; Южнороссийское обозрение Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК РГУ и ИСПИ РАН. Вып. 23. – Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ, 2004. С. 149-172.

396. Чеченская трагедия. Кто виноват. – Москва: Новости, 1995. – 112 с.

397. *Чибилёв А.А.* Европейско-азиатская граница: история вопроса и современные представления // Вестник Уральского отделения РАН. 2011. № 2 (36). С. 42-55.

398. *Шагавиев Д.А.* Исламские течения и группы: учебное пособие. – Казань, 2015. – 336 с.

399. *Шагиров А.К.* Абхазо-адыгские языки / Языки мира. Кавказские языки. – Москва: Akademia, 1998. С. 80-102.

400. *Шаданов Д-Н. Д.* Этничность как онтологическое основание бытийности этнической общности // Вестник БГУ. 2010. № 6. С. 115-118.

401. Шамиль – бывший имам Чечни и Дагестана. Описание жизни его и очерк последних военных действий в Восточном Кавказе. С портретом Шамиля. – Санкт-Петербург: Тип. В. Прохорова, 1859. – 28 с.

402. *Шарафутдинова Э.Ф.* Чеченский конфликт: этноконфессиональный аспект / отв. ред. И.П. Добаев. – Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ ЮФУ, 2008. – 173 с.

403. *Шершнёв Л.* Русский большой Кавказ: от конфликтов к гармонии отношений // *Дипломатика*. 2011. № 3. С. 11-29.
404. *Шигаев И.* Дополнение УК главой X о преступлениях, составляющих пережиток родового быта // *Еженедельник советской юстиции*. 1928. № 15. С. 466-468.
405. *Шишов А.В.* Схватка за Кавказ. XVI-XXI века. – Москва: Вече, 2007. – 480 с.
406. *Шнайдер В.Г.* Национальное строительство как фактор социокультурной интеграции народов Северного Кавказа в советское общество (1917 – конец 1950-х гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Ставрополь, 2008. – 46 с.
407. *Шнайдер В.Г.* Россия и Северный Кавказ в дореволюционный период: особенности интеграционных процессов. – Москва: Союз, 2005. – 173 с.
408. *Шогенов А.А.* Этническое самосознание горских евреев и осетин, проживающих в диаспорах в Кабардино-Балкарской Республике РФ: автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Москва, 1999. – 22 с.
409. *Шпирельман В.А.* Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. – Москва: Новое литературное обозрение, 2006. – 696 с.
410. *Эдиев Д.М.* Демографические потери депортированных народов. – Ставрополь: СтГАУ «АГРУС»; Ставропольсервисшкола, 2003. – 336 с.
411. *Эльмурзаева Г.Б.* Исторический опыт социокультурной интеграции народов Северного Кавказа в состав Российской Империи в 1864-1917 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Москва, 2008. – 16 с.
412. *Энциклопедический географический словарь.* – Москва: РИПОЛ классик, 2011. – 800 с.
413. *Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона.* – Санкт-Петербург, 1895. Т. XV, 478 с.
414. *Эсхил.* Прометей прикованный. – Москва: Художественная литература, 1971. – 383 с.
415. *Этноэтикет народов Северного Кавказа: научно учебное пособие / под ред. акад. В.А. Тишкова.* – Москва – Пятигорск: ИЭА РАН, 2014. – 114 с.
416. *Языджи С.* Основы исламских знаний (вероучение, поклонение, нравственность) / пер. с турецкого. – Москва: САД, Ихлас, 2009. – 348 с.
417. *Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева.* – 2-е изд. – Москва: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.
418. *Якубенко К.Ю.* К вопросу о понятии и источниках мусульманского права // *Сибирский юридический вестник*. 2007. № 4. С. 7-15.
419. *Ярлыкапов А.А.* Опыт полевых исследований ислама на Северо-Западном Кавказе // *Этнографическое обозрение*. 2001. № 3. С. 132-135.
420. *Яровой А.В.* Военская культура казачества: символическое пространство и ритуал. – Ростов-на-Дону: Логос, 2011. – 214 с.
421. *Яхьяев М.Я.* Фанатизм в Исламской религии // *Исламоведение*. 2009. № 1. С. 93-109.

УЧЕБНОЕ ИЗДАНИЕ

Лобанов Константин Николаевич,
доктор политических наук, доцент;
Максимов Игорь Сергеевич,
кандидат социологических наук, доцент;
Майборода Владимир Николаевич

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО РЕГИОНА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Методические рекомендации

Редактор *Е.А. Олейникова*
Техн. редактор *Т.Л. Ковалева*

Подписано в печать 2017 г., формат бумаги 60x90/16, уч.изд.л.6,9
бумага офсетная, печать трафаретная
Тираж 72 экз., заказ № 11

Отпечатано в отделении полиграфической и оперативной печати
Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина
г. Белгород, ул. Горького, 71

